

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

ВЬЮГА ТЕНЕЙ

Хроники Сиалы

Хроники Сиалы

Алексей Пехов

Вьюга теней

«Автор»

2003

Пехов А. Ю.

Вьюга теней / А. Ю. Пехов — «Автор», 2003 — (Хроники Сиалы)

ISBN 978-5-9922-0783-5

Величественные леса Заграбы скрывают под кронами златолистов заброшенные города сгинувших рас, деревни воинственных орков, легендарный Лабиринт и могильники Костяных дворцов. Подземные катакомбы хранят в своих мрачных глубинах тайны Темной эпохи. Страшно подумать, что ждет того, кто по глупости своей решится растревожить покой этого места. Но там, где не пройдет герой, прокрадется мастер-вор. Уж не Гаррету ли, научившемуся танцевать с тенями, суждено сделать то, что неподвластно герою, – добыть легендарный Рог Радуги и выбраться из Заграбы? ...А пока Зло вьется над королевством, армии врагов наступают, и пошатнувшееся равновесие вот-вот грозит разбудить вьюгу теней...

ISBN 978-5-9922-0783-5

© Пехов А. Ю., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	33
Глава 4	50
Глава 5	63
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Алексей Пехов

Вьюга теней

Глава 1

Золотой лес

– А чего ты ожидал, Гаррет? Фанфар?! – не переставал возмущаться Кли-кли, и его писклявые вопли разносились по всей округе.

Маленький зеленый гоблин довольно болезненно реагировал, когда я начинал критиковать леса Заграбы. Стоило мне раскрыть рот и выразить недовольство даже самым дохленьким цветочком, как королевский шут тут же бросался в яростную словесную перепалку, желая защитить свою родину.

– Да нет, просто я думал, что Заграба немного другая, – миролюбиво ответил я ему, уже жалея, что затеял этот разговор.

– А какой она, по-твоему, должна быть? – тут же спросил меня Кли-кли.

– Ну не знаю... – задумчиво протянул я, лишь бы только избавиться от надоедливого гоблина.

– Раз не знаешь, чего же ты тогда мне голову морочишь? – Голубоглазый шут в раздражении пнул кочку, так некстати подвернувшуюся ему под ногу. – То ему не так! Это ему не так! Кому ты только такой достанешься?! Что ты хотел лицезреть здесь своим прекрасным и наивным взором? Величественные деревья в девяносто ярдов высотой? Или ручьи с кровью и обуров под каждым кустом? Прости, этого здесь нет. Заграба – лес, а не собрание детских сказок!

– Я это уже понял, – примиряюще кивнул я.

– Понял он, ха! – Кли-кли жаждал крови.

– Кли-кли, веди себя потише, – не оборачиваясь, попросил идущий впереди гоблина Угорь.

Кли-кли обиженно посмотрел на высокого смуглого жителя Гаррака, надулся, замолчал, и в следующие два часа из него невозможно было вытянуть ни словечка.

Мы шли по Заграбе уже пятый день. Да, да, понимаю, как это должно выглядеть в ваших глазах: девять ненормальных, среди которых два темных эльфа, один гоблин, один широкоплечий карлик, один сварливый бородатый гном, один хмурый рыцарь, двое воинов и парень явно воровской наружности, шествуют меж елок и вопят во всю глотку. Почему вопят? Потому что психи. Почему психи? Потому что ни один нормальный ни за какие деньги не сунется в Страну лесов, тем более на территорию орков, славящихся на всю Сиалу «горячим гостеприимством» к чужакам. На самом деле мы не такие уж ненормальные (по крайней мере за себя я отвечаю). Просто сунуться в Заграбу нас заставила очень большая необходимость, имя которой – Рог Радуги. Вы спросите, какой тьмы нам понадобилась какая-то проклятая дудка? Что ж, охотно отвечу: будь моя воля, я ни за какие деньги не полез бы за Рогом в могильники Храд Спайна. Но я человек подневольный, на мне висит Заказ, и к середине зимы я должен притащить Рог Ордену магов в славный город Авендум, иначе всему королевству настанет большой и полный привет. Рог Радуги, по глупости запрятанный магами прошлого в самую глубину Костяных дворцов, сдерживает парня по имени Неназываемый, что уже лет пятьсот точит зуб на наше королевство. Теперь сила Рога слабеет, и уже к марту можно ожидать колдуна вместе с силищей всех Безлюдных земель к нам в гости. Естественно, Неназываемого с распростертыми объятиями здесь никто не ждет, и поэтому Ордену магов позарез нужен Рог, дабы прогнать

врага обратно в ледяную пустыню. Это так, краткая справка для тех, кто ломает голову, что мы делаем в Заграбе. Достаем Рог, спасаем мир и занимаемся другой бесполезной и совершенно дурацкой ерундой. Глупо? Что ж, склонен с вами согласиться. Я и сам каждое утро просыпаюсь с этой мыслью, но меня отчего-то никто не желает слушать. Ни Миралисса, ни тем более Алистан Маркауз. Но тут я сам виноват – связался с Заказом, который невозможно расторгнуть. Теперь приходится пыхтеть, бегать, кричать и постоянно вылезать из кучи... неприятностей. Впрочем, есть и хорошие стороны Заказа – после выполнения работы я получу пятьдесят тысяч золотом и королевское помилование... Вот только я что-то не слышал, чтобы покойники нуждались в деньгах и помиловании. Обычно мертвецам требуется глубокая могилка и надгробный камень. К чему я все это говорю? А к тому, что все, что происходило с нашим отрядом во время пути от Авендума до Заграбы, – ласковые весенние цветочки. А вот в Заграбе и тем более в Храд Спайне начнутся горькие ягодки. Я не питаю иллюзий (разве что чуть-чуть) по поводу успеха нашей миссии.

– Гаррет, ты опять занимаешься ерундой? – Голосок Кли-кли отвлек меня от мрачных раздумий.

– Заниматься ерундой – твоя работа. Я вор, а не королевский дурак, – мрачно ответил я маленькому пакостнику.

– Не повезло, – ухмыльнулся тот. – Был бы шутком, не подставился и не получил бы от короля теперешний Заказ. Сидел бы дома, попивал пиво...

У меня возникло стойкое желание отвесить зеленому негодяю пинка, но он, как видно, читал мои мысли и живенько юркнул за Угря. Пришлось отложить расправу на потом.

В тот самый момент, когда мы вступили в Заграбу, Миралисса задала отряду бешеный темп, и к концу первого дня я едва не помер. На ночлег мы остановились на какой-то лесной полянке, и я начал подумывать, что на следующее утро уж точно не встану. Если всем остальным так нравится идти через лес – это их полное право, а я лучше полежу на травке и отдохну. Или пусть, коли охота, тащат меня на закорках, потому как, клянусь Саготом, сил для лесных прогулок у меня не осталось.

Утро следующего дня действительно выдалось тяжелым. Пришлось пересилить себя и, сжав зубы, топать, топать и топать. Но к обеду я как-то втянулся в этот размеренный, но быстрый темп и еще через день почти перестал замечать усталость. У меня даже закралось подозрение, что эльфийка подмешивает в котелок что-то из своих магических запасов, чтобы мы легче переносили дневные переходы.

С тех пор как мы вошли в леса Заграбы, костер разжигал Эграсса. Удивительно, но огонь, разведенный кузеном Миралиссы, почти не давал дыма. В первую ночь я немного нервничал – пламя могло привлечь к нам ненужное внимание, – но вечно осторожный эльф не очень-то беспокоился, а раз так, то и мне не стоило волноваться.

За те пять дней, что мы путешествовали по лесу, при всем моем скептическом отношении к Заграбе я повидал множество чудес. Мы шли звериными тропами, которые то появлялись, то вновь терялись в зарослях папоротника и колючей ежевики. Мы проходили через густые рощи черного заграбского дуба, сосновые боры, лесные полянки и лужайки, залитые солнечным светом и заросшие лесными цветами. Перепрыгивали через журчащие ручьи с хрустальной водой. Лес тянулся и тянулся, лиги рощ, густых непролазных буреломов, которые приходилось обходить, теряя драгоценное время, десятки полей и болотистых низин в тех местах, где разливались запруженные неизвестными существами ручьи.

И ни следа орков. Лишь белки встречали нас гневными криками «чак-чак!» и подолгу провожали отряд, перепрыгивая с ветки на ветку и с дерева на дерево. Позавчера, часа три пролазив по поваленному весенней бурей лесу, мы вышли на прекрасную лесную поляну, заросшую цветами, от ярких красок которых рябило в глазах. Но стоило идущему впереди всех Эграссе сделать шаг, как поляна взорвалась яркой радугой и цветы взмыли в небо, превратив-

шись в тысячу бабочек всех цветов и размеров. Кли-кли в силу своего природного любопытства попытался поймать хотя бы одну, но по самую макушку угодил в чью-то нору. Пока мы его оттуда доставали, потеряли массу времени. Гоблину влетело и от Миралиссы, и от графа Маркауза. Теперь Кли-кли старался не показываться им на глаза и шествовал в компании вашего скромного слуги.

Возле дубовой рощи, где звенел веселый ручей, гоняя кораблики упавших листьев, мы встретились с кабаном. Это был матерый секач, и на его спине вполне могло усидеть сразу два человека. Попади такая тварь на праздничный стол, и ее бы еле-еле съели две роты вусмерть голодных воинов.

Делер, как самый умный и проворный, мигом оказался на дереве. И это несмотря на то, что возле земли у дерева не было ветвей, по которым следовало взбираться всякому уважающему себя карлику. Секач посмотрел на нас черными злобными глазками, яростно хрюкнул и двинулся вперед. Но Миралиссе было достаточно сверкнуть желтыми глазами, выставить перед собой руку, чтобы кабан встал как вкопанный, а затем, виновато похрюкивая, удалился. Делер с высоты своего убежища глянул на эльфийку с нескрываемым уважением и спустился вниз. Халлас не преминул отметить, что все карлики трусы. Делер же в свою очередь сказал, что гномы просто слишком неловкие и не умеют лазить по деревьям, поэтому им и завидно. Крепкий карлик и худенький гном едва не затеяли очередной спор, и пришлось вмешиваться Угрю и Фонарщику, чтобы оттащить вечных спорщиков друг от друга.

По лесу мы передвигались гуськом, следуя за Эграссой. Нашу маленькую колонну замыкал Алистан Маркауз. Рука графа не покидала рукояти любимого батарного меча, дубовый треугольный щит был заброшен за спину.

Передвижение гуськом, как сказал эльф, уже три раза спасало нам жизнь. Халлас с истинным гномьим упрямством возмутился и произнес, что все это ерунда и ему не очень приятно наблюдать у себя под носом задницу карлика. Эграсса на это лишь усмехнулась:

– Как только мне представится такая возможность, я с удовольствием продемонстрирую почтенному мастеру гному сюрпризы Заграбы.

Халлас встопорщил бороду, хмыкнул и в тон эльфу ответил, что с превеликим удовольствием посмотрит на сюрпризы.

Случай представился в скором времени. Эграсса ткнул подобранной с земли палкой перед собой, и земля обрушилась, представляя нашему взгляду глубокую волчью яму, дно которой было усажено кольями, словно спина какого-нибудь ежа.

– Вот и подумай, гном, что бы было, если бы ты шел не за мной, – усмехнулся эльф, сверкнув для убедительности клыками.

Халлас озадаченно крякнул, стянул с башки шлем, почесал в затылке, но на попятный пошел, только когда эльф обезвредил при нем еще две ловушки – скрытый в кустах самострел и огромное бревно, висящее высоко в листве дуба прямо над тропинкой. Рухни такая штука на тропу, и кто-то бы оказался попросту раздавленным.

– А кто поставил ловушки, Эграсса? – полюбопытствовал Фонарщик, перекладывая страшный двуручный меч с левого плеча на правое.

– Кто знает. – Эльф хитро улыбнулся и посмотрел на низкорослого человека. – Троп слишком много, чтобы проследить за всеми.

– Но ты-то ведь знаешь, где какая ловушка находится! – Мумр решил во что бы то ни стало добиться ответа на свой вопрос.

– Немного магии – вот и вся хитрость. – Смуглый эльф загадочно усмехнулся и поправил с'каш за спиной.

Понятное дело – темный не собирается делиться секретами своего народа с чужаками.

Однажды, после того как Кли-кли по грудь провалился в болото (ему приспичило отойти в кустики), на тропу перед нами вышел лось. Это был король лосей, размах его рогов оказался

больше трех ярдов. Лось втянул носом воздух, безучастно поглядел на нас огромными бархатными глазами и, деловито переставляя длинные мощные ноги, скрылся в окружающем тропу ельнике. Кажется, в Заграбе просто нет маленьких животных. Что этот лось, что ранее встреченный кабан.

Халлас огорченно крикнул и пожалел, что не догадался прибить зверюгу.

– Вот мяса бы наелись!

На что Делер весело расхохотался и сказал, что весь разум гномов ушел в их бороны, иначе они бы догадались, что не стоит связываться со здоровенными чудовищами.

Целый день в ветвях деревьев чирикали, стрекотали и пели птицы. Дубы шептали нам перед сном колыбельную леса, а совы умиротворяюще ухали в ночной тишине. На четвертый день нашего путешествия Миралисса сказала, что надо прибавить ходу и теперь отряд будет идти еще и ночью. Кто-то тихонько застонал (вроде это был я), но, естественно, никто не обратил на это должного внимания.

На небе появилась полная луна, света в лесу оказалось предостаточно, да и эльфы, похоже, видели в темноте не хуже кошек. Теперь мы шли большую часть ночи и ложились спать в предрассветные часы, чтобы после полудня вновь начать продвижение к Храд Спайну.

Ночью я и узнал, что такое волшебство Заграбы. В это время суток лес преображался, превращаясь в дикий, чужой, таинственный, но на свой лад прекрасный мир. Темные ветви-руки дубов и кленов, загадочный шепот в кронах – то ли это шепчет листва, разбуженная ветром, то ли общаются между собой неведомые существа. Шепотки, попискивания, легкие смешки раздавались с деревьев, из кустов и высокой травы. Иногда за нами следили яркие искорки крохотных глаз. Зеленые, желтые, красные. Ночные жители леса наблюдали, переговаривались, но не спешили вылезать из своих норок нам навстречу.

– Кто это такие? – шепотом спросил я у Кли-кли.

– Ты об этих говорунах? Мой народ называет их лесными духами. У каждого дерева, куста, лесной поляны или ручья свой лесной дух. Не обращай на них внимания, они совершенно безобидны.

– Это так, мелочь. – Делер попробовал пальцем одно из лезвий своей секиры. – Видел бы ты, какие лесные духи в Дремлющем лесу! Вот от тех неизвестно чего ждать, а эти сидят тихонько, никого не трогают...

– Только зырят, – закончил за Делера Халлас.

– Во-во, – в кои-то веки согласился с гномом карлик.

Но духи – это еще не все, что было в ночной Заграбе. Однажды мы увидели, как в лесу горел воздух. Тысячи светлячков порхали меж деревьев, вспыхивая изумрудным, бирюзовым и алым. Кли-кли поймал с десяток этих безобидных созданий и посадил себе на плечи. Несколько минут гoblin светился, как какой-нибудь святоша из рассказов жрецов, затем светлячкам наскучило кататься на королевском шуте, и они упорхнули в яркий живой калейдоскоп своих собратьев.

Ночь была временем сов, бесшумно плывущих в лунном свете над лесными полянами. Птицы искали еду, вслушиваясь в звуки, раздающиеся из травы. Ночь была временем волков – мы несколько раз слышали их отдаленный вой. Ночь была временем существ, названия которых я не знал. Крики ночных птиц, больше похожие на хохот сумасшедшего, рев, уханье, чириканье, рычание. В ночи жили самые разнообразные существа, и не всегда они были добры к незваным гостям. Четырежды Эграсса и Миралисса уводили нас с тропинки, и мы, затаившись, переживали опасность. Что нам угрожало и от чего мы прятались в придорожных кустах, эльфы объяснять не удосуживались. Но в такие моменты даже непоседливый гoblin и скандальный гном затихали и следовали всем эльфийским приказам.

Ночью Заграба была разноцветной. Яркой и сочной. Свежей изумрудной, нежной бирюзовой, льдисто-голубой, сладкой огненной, ядовитой салатовой. Всполохи холодного огня

наполняли лес чарующей жизнью и сказкой. Радужными красками переливались светлячки, мерцала голубым гигантская сеть-паутина, пурпурным отливало тельце ее хозяина-паука (размерами паучище был с добрую тыкву), зеленым полыхали трухлявые пни, сине-оранжевым пульсировали прожилки на изумрудных шляпках гигантских грибов, под которыми вполне мог переждать дождь взрослый человек. Розовый огонь, отражаясь в воде, блуждал в ветвях приозерных ив. Холодное пламя бродячих огоньков, голубые искорки в кронах деревьев, мерцание глаз ночных духов, запах леса, трав, влажной земли, подгнившей листвы, еловых иголок, сосновой смолы, дубовых листьев, меда и свежести ручья. Что бы я там ни говорил Кли-кли днем, но дикая и ни с чем не сравнимая ночная красота лесов Заграбы меня потрясла. Но чаще всего ночами Заграба была почти черной, и в такое время нам приходилось идти в бледно-серебряном свете луны.

К вечеру пятого дня по узкой тропке, петляющей меж заросших мхом лиственниц, мы вышли к Золотому лесу.

– Слава богам! – Фонарщик с облегчением бросил свой мешок на землю. – Кажись, добрались!

– Ты прав, Мумр, – ответила Миралисса. – Отсюда до Храд Спайна полтора дневных перехода.

От ее слов у меня ни с того ни с сего неприятно кольнуло в животе. Вот оно! Почти дошли! То, что два часа назад казалось мне таким далеким и недостижимым, теперь лежит от нас всего лишь в двух днях пути.

– Лес как лес. – Халлас презрительно покосился на деревья с золотистыми листьями. – Вечно Первые строят из себя избранных! Можно подумать, что и дерьмо у них из золота!

– Надеюсь, тебе не представится возможности спросить их об этом, Халлас, – нехорошо усмехнулся Угорь. – Орки не склонны отвечать на такие вопросы.

– Идемте, надо продолжать путь. – Милорд Алистан снял сапог, вытряхнул из него попавший туда камешек и снова натянул обувь на ногу.

Золотой лес называли так оттого, что кроме других деревьев, самых обычных, здесь росли златолисты. Это были величественные гиганты с темно-оранжевыми стволами и широкими листьями, будто бы отлитыми из червонного золота. Златолисты росли только здесь, в Золотом лесу, и древесина их очень ценилась во всех Северных землях, не говоря уже о таких странах, как обе Империи и Султанат. Если орки ловили дровосека, срубившего златолист, то поначалу отрубали ему руки его же топором, а затем делали и уж вовсе ужасные вещи.

– Ты бы видел, Гаррет, как красив Золотой лес осенью! – разглагольствовал Кли-кли.

– Ты здесь бывал раньше? – спросил у шута Делер.

Кли-кли с театральным презрением посмотрел на карлика:

– К сведению некоторых, Золотой лес – это моя родина. Он тянется аж до самых Гор карликов – это вся восточная Заграба, так что нечего удивляться, что я знаю, как он выглядит осенью.

– Сейчас, кстати, уже осень, – поддел я гоблина.

– Начало сентября. – Шут презрительно фыркнул. – Вот погоди, начнется октябрь...

– К началу октября мне хотелось бы оказаться как можно дальше от Заграбы.

– Темнота-а-а! – обиделся Кли-кли.

– А далеко отсюда до твоего дома? – поинтересовался Фонарщик, машинально поглаживая свежий шрам на лбу (память, оставленная орочьим ятаганом).

– В гости собрался? – Кли-кли весело хихикнул. – Тогда тебе предстоит идти еще недельки три, пока не доберешься до центра территорий орков. Оттуда еще две недели до самой глухой чащобы леса, а дальше уж как судьба направит, может, и сможешь отыскать гоблинов, конечно, если они захотят, чтобы их нашли. Орки приучили нас к осторожности, да и вы, люди, в прошлом любили на нас поохотиться со славными собачками.

Тут Кли-кли прав – гоблинам сильно досталось в былые времена от людей, решивших, что маленькие зеленые создания – ужасные чудовища. Пока разобрались что к чему, от некогда большого народца осталось всего лишь несколько племен.

– А все же интересна история этого леса. Правда, что именно здесь впервые появились и эльфы и орки?

– Правда, – хихикнул Кли-кли. – И тут же вцепились друг другу в глотку. У эльфов вроде даже песенка есть об этом. «Сказка о золоте» называется.

– «Легенда о мягком золоте», Кли-кли, ты все перепутал, – поправил гоблина Эграсса, слышавший наш разговор.

– А, какая разница! – беспечно отмахнулся Кли-кли. – Сказка, легенда... Все равно мира в Заграбе не будет, пока жив хотя бы один орк.

– Эграсса, – попросил эльфа Мумр. – Не споешь нам эту легенду?

– Спою. На привал остановимся, и спою.

– Запрещенные песни решил петь, кузен, – хмыкнула Миралисса, срывая с ближайшего дерева золотисто-красный лист и разминая его пальцами.

– А почему она запрещенная? – тут же пристал к Миралиссе Кли-кли.

– Она не то чтобы запрещенная, просто петь ее в приличном эльфийском обществе считается верхом неуважения к окружающим. А так поют – в основном бунтующая молодежь, правда, по углам, чтобы не позорить честь предков.

– Что же там такого плохого? – вопросительно приподнял бровь Угорь.

– Эльфы там выставлены не в самом лучшем свете, Угорь, – ни с того ни с сего отозвался ранее молчавший милорд Алистан Маркауз. – А орки представлены благородными белыми овечками. Спорю на половину своих земель, что эту песню придумали люди.

– Милорд ошибается, песню сочинил эльф, очень давно. Вы ее слышали, милорд? – Эграсса, казалось, удивился тому, что Алистан знает об этой песне.

– Да, еще в молодости, я слышал ее от одного из ваших светлых собратьев.

– Эти могут. – Темный эльф поправил серебристый обруч у себя на голове. – Наши сородичи отказались от магии предков, так что не стоит удивляться тому, что они поют такие песни чужакам.

– Но и ты обещал нам спеть! – поддел Эграссу Кли-кли.

– Я другое дело! – гордо отрезал эльф.

Что бы ни говорили темные другим, но отношения между ними и светлыми родичами были не такими уж и безоблачными.

Мы шли еще часа три, прежде чем эльф скомандовал привал. Отряд остановился на поляне, заросшей мелкими лесными ромашками. Из-за белизны цветов казалось, что выпал снег. Осень была не властна над Страной Лесов. По крайней мере пока. Оттого здесь можно было встретить и бабочек и летние цветы.

На окраине полянки меж корней кряжистого граба журчал ручеек, так что в воде у нас недостатка не было.

– Сегодняшней ночью останемся здесь, – решительно сказала Миралисса.

Алистан кивнул. С тех пор как мы вошли в лес, он полностью снял с себя командование и во всем подчинился Миралиссе и Эграссе. В чем милорду Крысе не откажешь, так это в мозгах. Граф прекрасно понимал, что эльфы о лесе знают намного больше, чем он, и стоит прислушаться к их словам и предложениям. То бишь выпустить, когда это надо, бразды правления из своих рук.

– Эграсса, ты обещал нам песенку, – напомнил эльфу после ужина Кли-кли.

– Давайте лучше спать, – зевнул Халлас. – Ночь на дворе.

Гном любил лишь песни своего народа. Нечто вроде «Молота по топору» или «Песни безумных рудокопов». Все остальное ему было абсолютно неинтересно.

– Ничего подобного! – отчаянно запротестовал гоблин.

– Халлас, тебе еще на часах сегодняшней ночью стоять, – напомнил гному Угорь. – Так что не укладывайся, все равно выспаться не удастся.

– А вот и нет! Первая стража твоя и Фонарщика, а мы с Делером заступаем только во вторую половину ночи, так что успею.

Халлас завалился на бок и тут же, не обращая внимания на других, захрапел.

– Так мы услышим песню? – полюбопытствовал Мумр, которому Миралисса только что закончила снимать швы со лба.

Благодаря шаманству эльфийки вместо грубого и уродливого шрама, напоминающего о страшной ране, через лоб Фонарщика проходил едва видимый розоватый рубчик.

– Услышите, я же обещал, – ответил Эграсса. – Просто для этой песни требуется музыка.

– Дык какие проблемы-то? У меня ведь дудка имеется! – Фонарщик полез в мешок за дудочкой.

– Боюсь, что для этой песни нужна музыка понежнее, – отказался от предложения Мумра эльф. – Да и шума от дудки много. Я сейчас.

Эграсса легко встал с травы, подошел к своему мешку и выудил из него дощечку размером не больше ладони. На дощечке были натянуты тонкие и едва видимые в темноте серебристые струны.

– Что это? – с интересом спросил Делер.

– Г’дал, – ответила на вопрос карлика Миралисса. – Эграсса любит поиграть на нем на досуге.

Эграсса любит поиграть? Вот уж чего не знал, того не знал! По крайней мере не замечал за эльфом такой странности во время нашего путешествия.

Грубые пальцы темного неожиданно ловко пробежали по тоненьким струнам, и странный инструмент издал тихий певучий звук. Эграсса продолжал волновать струны, и уснувшую поляну наводнила мелодия.

– Учтите, что петь эту легенду надо на орочьем. Сейчас она будет не такой прекрасной, – предупредил нас Эграсса и запел:

Златые стрелы у эльфов в чести,
Оркам бронза милей,
Лес Золотой и Черный лес,
Холодная песнь ветвей.
Эльфы пришли во главе с Королем,
Орков привел Аргад,
И друг против друга, глаза – в глаза,
Рука с Королем стоят.
«Это наш лес, – сказал Король, —
Идите назад, друзья,
Шкура орка не станет целей,
Если в шкуре стрела!»
«Слова не заменят тебе бойцов, —
Ответил ему Рука, —
Моих две тыщи, а твой – двухсот
Не наберет отряд!
Закалка клинков решает судьбу,
Бронза пусть правит бал!
Возьмем мы добычу, наш лес отберем,
Золото – мягкий металл!»

Элдониэсса, эльфийский Король,
Долго и странно молчал,
Потом улыбнулся Король врагу
И показал колчан.
«А где же стрелы, – спросил Аргад, —
Ужель ты сдаешься нам?»
Король рассмеялся: «Мечтай, Рука!
Горе твоим мечтам!
Ты слышишь, Аргад, трубят рога?
Пыль взбивает сапог,
То люди идут, доспехи надев,
Ваш наступает срок!
Вы любите бронзу? Она прочна —
Ты правду, Рука, сказал...
Но золото лучше. Я злато стрел
На силу людей поменял».
Стояли орки, подняв щиты,
Плотнее сомкнули строй,
Молчал Рука, потемнев лицом,
Да усмехался Король.
«Ты глупый эльф. – Аргада слова
Ударом меча разят. —
Ты, верно, решил, что, расправившись с нами,
Люди тебя пощадят?!»
...Ревела ярость, гремел металл,
Клинок находил клинок...
Аргад, получивший двенадцать ран,
Упал. И подняться не смог.
Над ним склонился эльфийский Король:
«Рука, ты чего замолчал?»
«Спасибо, Король, хорошо лежать,
Золото – мягкий металл.
Скажу немного, а смерть добавит
Цену моим словам.
Пусть ты слаб, а враг силен —
Свой дом защищай лучше сам!» —
Закончив речь, глаза распахнул...
И замер – забыв дышать.
«Прощай, Рука орков, – сказал Король, —
Но как же тебя понимать?»
«Тяжелая битва, – сказал человек, —
Я много своих потерял,
Орки упорны, а бронзу рубит,
Увы, не всякий металл».
«Мы благодарны, – ответил Король, —
Мы не забудем услуг...»
«Для вас мы слуги? – спросил человек, —
Ответь мне, эльфийский друг!
Наемник хорош, коль надо искать

Добычу и где-то там...
Когда он рядом, собаке и то
Большой почет воздан!
Вам заплатили! И мы дрались!
Так что же хотите вы?
Еще одной платы? Ну что ж, вот вам!
Мы не настолько скупы!»
Тогда улыбнулся солдат-человек,
С усмешкой он эльфу сказал:
«Не надо платы. Мы все возьмем.
Золото – мягкий металл»¹

Эграсса умел петь, песня лилась тихо и красиво. Слова бежали, когда кипела далекая битва, струны плакали, когда умирал Рука орков, оставляя родичу-эльфу и кровному врагу последний совет.

Г’дал эльфа издал последний жалобный аккорд, и над поляной повисла гнетущая тишина.

– Красивая легенда, – наконец вздохнул Делер.

– Неудивительно, что эльфы не очень-то любят эту песню. Милорд Алистан прав: ваша раса выставлена не в самом лучшем свете, – изрек Мумр.

– Зато орки слишком уж благородны, – с презрительной миной ответила Миралисса.

– «Не в самом лучшем свете...», «слишком благородны...», – протянул Кли-кли. – Это всего лишь глупая песня, на самом деле ничего подобного не было!

– С чего это ты решил, что этого не было? – Делер растянулся на своем походном одеяле и широко зевнул.

– С того, что это всего лишь легенда, Делер. Легенда, в которой нет ни капли правды. Когда в Золотом лесу появились эльфы, никаких разговоров не было. Орки сразу полезли в драку. И уж точно никто друг другу не говорил «друзья».

– Но Элдониэсса был. Он первый и последний Единый Король нашего народа. – Миралисса немножечко остудила воинственный пыл Кли-кли. – Его дети создали Дома эльфов.

– А Аргад жил на восемьсот лет позже и, помнится, едва не дошел до Листвы, вы еле-еле отбросили его армию на самом рубеже Черного леса, – хмыкнул гоблин. – А люди на Сиале появились через тысячу семьсот лет после описываемых событий, так что Элдониэсса, Аргад и человек никак не могли встретиться друг с другом. И эльфы отнюдь не такие идиоты, чтобы делать наконечники для стрел из золота. Это не больше чем легенда, треш Миралисса.

– Но признайся, Кли-кли, красивая, – сказал я.

– Красивая, – благосклонно кивнул маленький шут. – А еще очень поучительная.

– Поучительная? Чему же она учит, гоблин? – Алистан Маркауз поворошил палкой костер.

– Тому, что не стоит полагаться на людей и доверять им, иначе можно потерять свой дом навсегда, – ответил гоблин.

Никто не стал спорить и возражать. На этот раз королевский дурак был абсолютно прав: дай нам волю, и мы перебьем всех врагов, потом друзей, а затем и друг друга.

Ночью ко мне вновь пришли кошмары, и в какой-то момент, когда мешанина снов наполнила голову, я открыл глаза. Уже наступило утро, но все еще спали, если не считать Фонарщика. Халлас и Делер дрыхли, переложив свои обязанности на плечи безотказного Мумра. Заметив, что я проснулся, воин молча кивнул. Я немного полежал, удивляясь тому, что Мира-

¹ Стихи Вячеслава Доронина.

лисса не торопится вставать сама и будить других. Эльфийка решила дать отдых отряду перед последним рывком к Храд Спайну? Вполне вероятно.

Откуда-то с края поляны доносилось тихое мурлыканье Кли-кли. Гоблин бродил возле самого леса и напевал незатейливую песенку. Выходит, не только мне одному не спится.

– Чего поешь? – спросил я, подойдя к Кли-кли. – Сейчас всех перебудуешь.

– Я тихонько. Землянички хочешь? – Кли-кли протянул мне шляпу Делера, доверху наполненную отборной земляникой.

– А Делер знает, что ты таким образом используешь его любимую шляпу? – скептически спросил я у гоблина, но предложенную землянику взял. От ягод шел изумительный дух, и я просто не смог устоять.

– Ты думаешь, наш карлик может расстроиться? – задумчиво пожевал губами Кли-кли, бросив быстрый взгляд в сторону спящего Делера.

– Какой ты проницательный, Кли-кли, – хмыкнул я и взял из шляпы еще горсть земляники.

– Ты опять стонал во сне, Танцующий. Плохие сны?

– Наверное. – Я небрежно пожал плечами. – По счастью, последнее время я почти не помню своих снов.

– Мне это не нравится, – поморщился гоблин. – Кто-то не хочет, чтобы ты видел сны.

– И кто же этот кто-то?

– Хозяин, например. Или его служанка – Лафреса.

– Умеешь ты радовать друзей, – сказал я Кли-кли. – Пойдем, разожжем костер, пока все спят.

– Давай иди. Я сейчас землянику доем и принесу делеровскую шляпу обратно.

– М-м-м... Кли-кли, ты разве не видишь, что внутри шляпа окрашена соком? Ты же половину земляники подавил!

– М-дя? Об этом я как-то не подумал. – Гоблин задумчиво оглядел дело рук своих. – Просто давленная земляника, по-моему, капельку вкуснее, чем обычная. Может, мне шляпу в ручье постирать?

– Лучше не надо, сделаешь только хуже, – сказал я ему и пошел обратно.

Кли-кли как маленький, будто не знает, что Делер теперь будет орать целый день по поводу безнадежно изгаженной шляпы! Да еще шут про Хозяина с Лафресой так некстати вспомнил. Хозяин тот еще злыдень, он устраивает нам прелестную жизнь с самого начала путешествия, но кто он такой, мы так и не узнали. Но сволочь он всесильная и злопамятная и силенками может поспорить с кем-нибудь из богов. Но, как видно, просто прихлопнуть нас ладошкой парень не хочет, поэтому изгаляется, как может, а когда мы портим его очередной каверзный план, он нисколько не расстраивается, а в сжатые сроки придумывает новый, еще краше и опаснее. Хозяин, как и Неназываемый, не шибко хочет, чтобы мы добыли Рог Радуги из могильников. И если для Неназываемого это вопрос жизни и смерти, то для Хозяина (как я думаю) – очередной каприз.

Лафреса же является служанкой Хозяина, и хоть она и выглядит двадцатилетней, ей уже несколько сотен лет, по крайней мере, так было в одном моем сне (да, да, представьте себе, в последнее время я обладаю такой нехорошей особенностью, как видение пророческих снов). А еще Лафреса самая сильная на моей памяти шаманка (или шаманша?), намного сильнее Миралиссы. Служанка Хозяина владеет запретной магией – Кронк-а-Мором, с помощью которой она даже умудрилась убить двоих наших, когда мы оставили ее с носом и украли Ключ. И если честно...

– Смотри под ноги, дылда! – рывкнули басом откуда-то снизу.

Я со страху едва не научился летать. Во всяком случае, подпрыгнул я знатно.

– Много всего я в жизни видел, но чтобы дылды так подсказывали – никогда! Эй! Куда смотришь, идиот? Вниз смотри! Вниз!

Вроде голос никакой опасности не представлял... Я послушно посмотрел вниз.

На земле сидело существо, больше всего похожее на странную помесь кузнечика, стрекозы и козла. Да-да. Ноги у этого маленького существа были как у кузнечика, голова и туловище козлиные, а прозрачные сетчатые крылья достались в наследство от крупной стрекозы. Все туловище раскрашено желто-черными полосами. Одним словом, возле моих ног сидел не кто иной, как самый настоящий сказочный стрекозел. Размерами существо было не больше ладони.

– Ну, долго ты еще будешь на меня глазеть? – раздался тот же самый голос.

Только тогда я заметил, что на шее стрекозла сидит человечек размером с мой мизинец. Золотые кудряшки, плаксивые черты лица, бархатный лиловый костюмчик, маленький лук. На меня это существо смотрело с изрядной долей раздражения.

– Флини! – ахнул я.

– Какая проницательность, выпей мою кровь лесные духи! Ты всегда такой умный или только по утрам? Быстро води меня к эльфийке!

– Какой эльфийке? – опешил я от наглости мелюзги.

Стрекозел взмыл в воздухе и завис передо мной, мельтеша крыльями. Флини на его шее неприязненно посмотрел на меня:

– Все дылды такие тупые или ты один такой несчастный на мою голову выискался? Трепш Миралисса из дома Черной луны. Знаешь такую?!

– Да.

– Так не спи и проводи меня к ней, идиот! – заорал на меня флини.

– Что за шум? – К нам незаметно подошел Кли-кли. – А, флини приперся!

– Я тебе покажу «приперся», зеленый! – возмутился флини.

– Зеленый, говоришь? – Кли-кли опасно прищурился. – А ну заткни рот, мелочь золотоволосая, иначе худо будет!

– Да ладно, что ты взъелся? – сразу пошел на попятную флини. – Я же знакомлюсь!

– Вот и познакомились. Так зачем ты приперся? – Кли-кли специально выделил последнее слово, но флини сделал вид, что не услышал оскорбления, и пропел:

– Сообщение. Информация. Новости.

– Так иди и передавай, вон эльфы уже встали!

– Нужно, чтобы меня представили, сам знаешь, обычаи. – Флини недовольно скривился, будто ему в рот напихали кислого крыжовника.

– Да уж знаю, – вздохнул Кли-кли. – Все вы стрекозлиным молоком мазаны! Идем, что ли?

Стрекозел загудел крыльями и полетел рядом с плечом гоблина. Я шествовал за ними в качестве почетного эскорта.

– Леди Миралисса, позвольте представить вам флини... как тебя там, мелкий?

– Аарроо г'наа Шпок из ветви Хрустальной Росы, дубина, – прошипел, растягивая губы в улыбке, флини.

– Аарроо г'наа Шпока из ветви Хрустальной Капли...

– Росы, бестолочь! – раздраженно зашипел флини.

– А, какая разница? – Кли-кли отмахнулся от гудящего над ухом стрекозла. Но все же исправился и сказал: – Из ветви Хрустальной Росы.

– Я рада приветствовать брата из маленького народа возле своего костра. Что привело тебя сюда, Аарроо г'наа Шпок из ветви Хрустальной Росы? – приветливо кивнула флини Миралисса.

– Сообщение. Информация. Новости, – ответил церемониальной фразой Аарроо и посадил стрекозла на землю.

– Ты специально искал меня, или твои знания для любого темного?

– Специально. Глава дома Черной луны послал нескольких моих братьев, чтобы они искали вас, треш Миралисса, но посчастливилось только мне. А все оттого, что я могу думать!

– Везет достойным, – серьезно ответила маленькому хвостуну эльфийка. – Не желаешь отведать нашей пищи и выпить нашего вина?

– Охотно, – крикнул Аарроо и в предвкушении скорого пиршества потер маленькие ручки.

Эграсса уже позаботился о еде, и перед довольным флини появилась махонькая золотая тарелочка с кашей, приготовленной Халласом, и махонький кубок с душистым вином. Видать, эльф таскает эти миниатюрные вещицы специально для маленьких говорунов, путешествующих на стрекозлах.

Я тронул Кли-кли за локоть и отвел в сторону, чтобы, не дай Сагот, флини не услышал нашего разговора.

– Чего с этой мелюзгой так носятся? Не проще ли было вначале узнать, зачем он к нам пришел, а затем уже кормить?

– Ох, Гаррет, – огорченно цокнул языком гоблин. – Конечно не проще! Это же флини! Им не надо прощать грубости, иначе эти летуны, сующие нос куда ни попадая, сядут тебе на шею, но и древние обычаи не стоит вот так просто нарушать. Было бы что-нибудь срочное или опасное, он бы нам обязательно сообщил, а раз дело терпит, то стоит придерживаться их дурацких правил. Сейчас слопают кашу и сам все расскажет. Ты лучше скажи спасибо, что его послали к нам с сообщением, иначе едой бы мы не отделались. Вольные флини обычно берут за информацию чем-нибудь более существенным, чем набитый живот. Давай вернемся, я хочу послушать, что скажет этот пустобрех.

Флини почти закончил трапезу. Ел этот мелкий парень со скоростью оголодавшего великана. Стрекозел заглядывал в тарелку через плечо флини и тоненько, просяще мекал. Больше всего это меканье походило на писк несчастной тонущей мышки. Аарроо как-его-там в который раз раздраженно отпихнул морду стрекозла в сторону.

– У вас больше ничего не осталось в том здоро-о-овом котелке? А то Флолидаль не отстанет от вас, пока его не накормят, – ворчливо проговорил флини, отхлебывая вино из кубка.

Эграсса взял деревянную ложку, зачерпнул из котелка, и стрекозел, загудев крыльями, упал на ложку с едой, словно голодный коршун на курицу.

Тем временем проснулся Халлас. Гном зевнул, увидел завтракающего флини, захлопнул рот, да так, что клацнули зубы, и принялся отчаянно протирать глаза. После этой поспешной процедуры Халлас вновь посмотрел на Аарроо, но тот, как и следовало ожидать, никуда не делся и, хмуро покосившись на удивленного Халласа, продолжил жевать.

– Странно, – задумчиво изрек гном и толкнул спящего Делера локтем в бок. – Эй, шляпа! Вроде мы вчера ничего не пили. Какого ж хрена мне мерещатся маленькие человечки?

Делер проснулся, покосился на Аарроо и изрек:

– Это флини, дятел бородатый!

– Какой, к Неназываемому, флини, Делер?! Флини только в сказках живут и не поедают кашу моего собственного приготовления!

– Гномы еще хуже людей, – недовольно изрек Аарроо, по всей видимости обращаясь ко всем присутствующим на поляне. – Что до каши, милейший, то только из уважения к почтенной треш Миралиссе я не кидаю это варево вам в бороду. В жизни не пробовал такой премерзопакостной дряни!

Гном поперхнулся от такой наглости и не нашелся что ответить.

– Ну что же. – Отдуваясь, флини отодвинул от себя тарелку. – Все законы соблюдены.

Аарроо свистнул, позвал к себе стрекозла, залез к нему на шею, сделал над нами круг и, зависнув в воздухе, нараспев произнес:

– Сообщение. Треш Эдданрасса, глава дома Черной луны, шлет своей дочери Миралиссе привет и скорбное сообщение. Треш Эдонтасса погиб в стычке с кланом Кровавых топоров. Там же погиб треш Эпевласса. Теперь треш Миралисса становится третьей в очереди за лиственной короной. Впереди только треш Меленасса и треш Эпилорсса. Треш Эдданрасса просит свою дочь как можно скорее вернуться домой, оставив все остальные дела. Сообщение завершено. Будете ли вы передавать ответ?

– Как это случилось? – резко спросила Миралисса.

– Сообщение завершено. Будете ли вы передавать ответ? – упрямо гнул свое флини.

– Ответ. Пока не завершится дело, которое доверил мне объединенный совет Домов в прошлом году, я домой не вернусь.

– Услышано, – важно кивнул флини, и стрекозел сделал над нами еще один круг.

– Прямо как стрекоза, – завистливо присвистнул Мумр, следя за полетом волшебного существа.

– Информация. Бесплатно, – между тем пропел флини и скривил рожицу. Видно, бесплатно он делать ничего не любил. – Из Красного урочища, что за городом Чу, исчезли все птицы. А также кабаны, лоси, медведи, волки и почти все лесные духи.

– Почему? – коротко спросил Эграсса.

– Кабы я знал, информация не была бы бесплатной, – раздраженно ответил Аарроо. – Мне об этом сказал дух большого пня, что живет в трех лигах пути от этого места. Он сам ничего не знал, но в последнее время маленькие жители стараются держаться подальше от тех мест. И молчат будто воды в рот набрали.

– Глупая информация. – Халлас в раздражении дернул себя за бороду.

– Какова каша, такова и информация! – обозлился флини, и его стрекозел гневно зажужжал. – Если гном будет дразниться, узнавайте новости от кого-нибудь другого! Пусть этот бородатый вам их и рассказывает!

– Заткнись, Халлас, – тут же сказал Угорь.

– Прошу простить моего слугу, почтенный Аарроо г'наа Шпок из ветви Хрустальной Росы, – примиряюще произнесла Миралисса.

– Слугу? – беззвучно спросили губы гнома.

Делер показал Халласу кулак. Гном стал красным, как раскаленный лист металла в горне у кузнеца, но не произнес ни слова.

– Так-то лучше, – довольно ухмыльнулся флини, и стрекозел сделал над нашими головами третий круг.

– Мы будем проходить через это урочище, леди Миралисса? – между тем задал свой вопрос Алистан Маркауз.

– К сожалению, да. Это самый короткий путь.

– Но есть и другие? – выделяя каждое слово, уточнил граф.

– Есть, но если мы пойдем через Красное урочище, то окажемся у Костяных дворцов уже к завтрашнему вечеру. На обходном пути мы потеряем пять-шесть дней. Да и дорога будет пролегать прямо по границе с обжитыми землями орков. Это слишком опасно.

– Не опасней, чем место, из которого исчезли все лесные духи, – не согласился с кузиной Эграсса.

– Мы рискнем, Эграсса. – Эльфийка сверкнула глазами.

– Ты старше в роду, тебе и решать. – Эльф поднял руки вверх, показывая, что не собирается с ней спорить.

– Новости. – Флини дождался окончания разговора и пропел: – Целых три штуки. Цена первой новости – пляска этого упрямого гнома.

– Что? – взревел Халлас. – Гномы ни для кого не танцуют!

– Значит, мне повезло вдвойне! – злорадно заржал флини. – Хотите узнать первую новость, пусть гном танцует. Не хотите – я полетел. С порученным заданием я уже справился и общаюсь с вами только из чистой любезности.

– Ах ты, маленькая... – Гном вскочил и сжал кулаки. – Да я тебя вместе с твоим жужжащим вонючим козлом сейчас так пну!

– Он будет танцевать, – твердо сказал Алистан Маркауз.

– Что?! Да чтобы я...

– Это приказ, воин! Танцуй! – В голосе капитана гвардии зазвенела сталь.

– Танцуй, дружище. – Делер успокаивающе положил руку на плечо гнома. – Ну подумай – танец для флини. Представь, что ты танцуешь для меня.

Это решило дело. Гном презрительно фыркнул:

– Чтобы гном танцевал для карлика? Я быстрее для флини станцую!

И станцевал. Вроде это был какой-то военный танец гномов. Во всяком случае, Халлас плясал с боевой мотыгой в руках, да и пляска больше напоминала бой, а не праздничный танец. Фонарщик наигрывал на дудке, помогая гному. Пожалуй, Золотой лес еще не видывал такого представления. Кли-кли весело хлопал в ладоши, Делер старался не лопнуть со смеху.

– Все! – сказал запыхавшийся гном.

– Вы, гномы, танцуете еще хуже, чем готовите, – безжалостно заявил флини.

Делер вовремя успел схватить Халласа и оттащил в сторону от греха подальше.

– Как насчет новости? – Миралисса, несмотря ни на что, старалась быть вежливой.

– Новость. В Золотом лесу видели людей. Они опережают вас на два дня. Больше двух десятков. Все вооружены. Одна женщина. Гербов на одежде не видел.

– Куда они направились?

– Шли к Красному урочищу. Два дня назад оно еще было спокойно.

– Готов прозакладывать душу, что это Балистан Паргайд со своими людьми, – нахмурился милорд Алистан.

– И Лафреса. Они будут возле входа намного раньше нас, – шмыгнул носом Кли-кли.

– Они оплошали с Ключом и решили устроить нам засаду у входа?

– Может быть, Гаррет, а может, и нет... – В глазах эльфийки застыло беспокойство. – Они могли рискнуть и попытаться взять самый сладкий кусок.

– Рог?

– Да. Если ты кому-нибудь расскажешь про наш разговор, я найду тебя, – обратилась эльфийка к флини.

– Да уж понимаю, в эльфийские тайны лучше не лезть. Буду нем как могила, – недовольно буркнул флини.

– Никто из людей не был ранен? – спросил я у него.

– У одного не было левой кисти.

– Это они, – кивнул я.

Ну раз нет кисти, то это точно Бледный. Этот гад давно охотится за мной, а во время последней попытки отправить меня в свет Халлас отрубил ему руку, точнее левую кисть. Бледный работает на Влиятельного, или, как его называют слуги Хозяина, – Игрока. Игрок – какая-то большая шишка в Авендуме, и именно благодаря его «заботе» я едва не распрощался с жизнью. На данный момент Бледный состоит в свите Балистана Паргайда.

Граф Балистан Паргайд, если кто не знает, слуга Хозяина, и именно из его дома в Раненге я спер Ключ, благодаря которому мы и надеемся проникнуть в самое сердце Храд Спайна. Этот самый Ключ Лафреса должна была самолично доставить Хозяину, а тут приключилась неприятность, имя которой Гаррет. Ключ я украл, но Балистан Паргайд вместе со своими людьми и Лафресой бросился за нами в погоню. Пока нам как-то удавалось водить их за

нос, и им даже не помог судебный поединок. Мумр почикал бойца милорда Паргайда в капусту, а потом как-то все разом стихло. Балистан Паргайд с братией исчез. Мы даже головы ломали, решая, куда он делся. Разгадка пришла вместе с флини. Во время судебного поединка куда-то пропала Лафреса, а оказалось, что она сразу направилась к Храд Спайну, а по дороге ее догнал Балистан Паргайд. Понятное дело, Лафреса не боится войти в Заграбу (видать, надеется, что знание шаманства ее спасет). Да и выбора у нее просто нет: артефакт потерян и Посланник, поручивший ей доставить Ключ, очень расстроится, не говоря уже о Хозяине.

– Какова вторая новость? – Эграсса посмотрел на флини.

– Цена второй новости – щепотка сахара.

– У нас нет сахара, – злорадно сказал Халлас. – Мы не кондитеры. Может, мне еще раз перед тобой станцевать?

Последние слова гнома прозвучали с вызовом.

– Нет уж! Второй раз мое сердце такого зрелища не выдержит! Что у вас есть на обмен? Мы переглянулись. Тьма знает, что может заинтересовать носителя новостей.

– У меня есть конфета! – неожиданно воскликнул Кли-кли.

– Покажи, – подался вперед Аарроо.

Кли-кли торопливо порылся в многочисленных кармашках своей одежды и выудил оттуда изрядно помятую, но завернутую в яркую золотистую бумагу конфету. Видать, заначка еще с Авендума. Флини внимательно изучил ее и со скучающей рожей, будто он делал нам вселенское одолжение, изрек:

– Дрянь, конечно, но сойдет. Бросай на землю.

По-моему, он ломался, конфета ему понравилась. Флини опустил стрекозла прямо на брошенную конфету и стал привязывать ее к брюху своего ездового зверя.

– Новость. В Золотом лесу видели человека. Одет в серый плащ, лица не разглядели. Вооружен копьем. Идет быстро, почти не задерживаясь. В четырех часах полета от вас. Идет прямо сюда. Золотой лес на этой неделе будто медом намазан, все так и прут. Давно я не видал столько чужаков. Ах да! Связываться с ним не советую, древесные духи говорят, что он воин.

– Мы тоже не сапожники, – возмутился Делер.

– Когда древесные духи говорят, что человек воин, мы обычно к этому прислушиваемся, но дело ваше. Цена третьей новости – перстень вон того дылды с длинными усами. – Флини кивнул на Алистана Маркауза.

– Какой? – спросил граф.

– Ну уж точно не серебряный с твоим гербом, – язвительно сказал флини. – Вы, люди, слишком щепетильны в отношении этих родовых побрякушек. Просить их – большая глупость, все равно вы не отгадаете. Мне по нраву вон тот, с красным рубином.

Алистан без всяких возражений снял с пальца перстень и положил его на землю. Флини довольно улыбнулся, и перстень, как и конфета, оказался под брюхом стрекозла.

– Стоит ли твоя новость этого перстня? – спросил я.

– Это уже вам решать, а не мне. Новость. Орки близко.

– Где? – Эграсса потянулся за луком.

– В развалинах города Чу. Их шестеро. Обычные разведчики. Вас не ждут. Просидят там еще дней пять.

– Откуда ты знаешь?

– Слышал, – заухмылялся флини. – Один из них попал в ловушку и пробил себе ногу, сейчас он в бреду, так что боеспособны только пятеро. Можете прикончить их, можете обойти.

– Мы примем к сведению твою информацию. Это все?

– Да, новостей больше нет, прощайте.

Стрекозел, гудя, поднялся в воздух и, касаясь брюхом ромашек, полетел к лесу. Нагружен зверек был отменно, я вообще удивляюсь, как ему удалось взлететь с таким весом.

– Флини очень любят разные перстни и кольца, Гаррет, – просветил меня Кли-кли.
– Учту.

– Мерзкая сволочь! – Халлас проводил улетевшего флини злым взглядом.

– Что ты хочешь от флини? – деланно удивился Кли-кли. – Они зарабатывают тем, что разносят новости.

– А не продаст ли он нас тому же отряду орков? Думаю, у Первых найдется чем расплатиться за информацию о нашем местонахождении. – Я не доверяю флини.

– Он бы сделал это, если бы Первые стали с ним разговаривать. Но они флини ни во что не ставят, а те слишком горды, чтобы терпеть к себе такое отношение.

– Собираемся! – Эграсса поднялся с земли. – У нас еще целый день до темноты и ночь в запасе. Сегодня мы должны пройти как можно больше.

– Что будем делать с орками?

Вопрос Мумра не праздный, где-то впереди Первые, пускай они нас и не ждут.

– Убьем. – Эграсса посмотрел на Миралиссу, и та кивнула. – Их всего пятеро. Конечно, можно обойти, но негоже оставлять у себя за спиной Первых.

– А что делать с тем парнем, что идет за нами? Давайте мы с Делером задержимся и зададим ему парочку вопросов!

– Халлас, у тебя ни ума, ни фантазии! – Карлик в разговоре с напарником не церемонился. – Тебе бы только мотыгой помахать! Флини же сказал, что тот тип опасен и от него следует держаться как можно дальше! И даже победив его, как мы потом найдем отряд, ты подумал? Или гномы с сегодняшнего утра способны бродить по лесам и не плутать?

– Это не сложнее, чем ходить по штольням, – буркнул Халлас.

– Я не хочу заблудиться в лесу и в один прекрасный день выйти к орочьему жилью, – отрезал Делер.

– Никто здесь не останется, – прервал спор гнома и карлика милорд Алистан. – Если этот человек хочет идти за нами, пусть идет. Если догонит и нападет, мы дадим ему бой. Меня больше заботит поджидающий нас возле Храд Спайна Балистан Паргайд с псами и это урочище.

– О Балистане мы позаботимся, когда доберемся до него, милорд. – Угорь уже собрал мешок.

– Урочища тоже не стоит так уж сильно опасаться. – Миралисса закинула с'каш себе за спину. – Лесные духи могли уйти из него из-за сотни причин. Будем надеяться на лучшее.

– И ожидать худшего, – тихонько буркнул я, но эльфийка, по-моему, все же меня услышала.

– Кли-кли. – Голос Делера был очень тихим, но взгляд карлика не предвещал гоблину ничего хорошего. – Что ты сделал с моей шляпой?

Гоблин счел за лучшее спрятаться за моей спиной. Всегда так – напроказничает, а отдуваться Гаррету.

Глава 2

Красное урочище

– Что здесь было раньше, Кли-кли?

– Сам, что ли, не видишь по развалинам? Город, конечно!

Мы с гоблином лежали, спрятавшись за грудой серых камней, изрядно поросших мхом. Рядом возвышалась высокая ребристая колонна из точно такого же камня и точно так же, как и весь город Чу, заросшая темным, густым мхом. Меж стволов златолистов и лиственниц возвышались руины древнего города. Здесь колонна, там стена, чуть дальше, возле кустов волчьей ягоды, арка с древними рунами, еще дальше – огромное здание с провалившимся куполом. И так покуда глаз хватало. Руины вырастали прямо из мягкого ковра мха, тонули в нем, задыхались в зарослях папоротника и остролиста, погибали под корнями могучих златолистов. Наверное, когда-то этот город был велик и прекрасен, но от бывшего величия остались лишь призраки прошлого. Сейчас это был всего лишь мертвый камень, поеденный молью времен.

– Понимаю, что не деревня. Что это за город?

– А я откуда знаю? – Шут пожал плечами. – Эти руины помнят исход огров в Безлюдные земли и приход на Сиалу орков и эльфов. Не мне знать, кто жил в нем в те времена. Но поверь мне, Чу очень красив. Ну, или был очень красив.

– Ты и здесь успел побывать?

– Нет, конечно. Просто Чу – не единственный заброшенный город в Заграбе. Возле того места, где живет мое племя, есть один, он очень похож на этот. Мы называли его город Бу. Он сохранился намного лучше, чем Чу.

Вечерело, солнце уходило за горизонт, и уже не все лучи могли пробиться сквозь ветви деревьев. В лесу становилось сумрачно. Я подвинул свой миниатюрный арбалет к себе поближе и в сотый раз проверил, заряжен ли он. К моей глубокой радости и к вящему неудовольствию Кли-кли, Алистан Маркауз оставил нас здесь, пока остальные не расправятся с орками. Ну и правильно! Вор и шут не созданы для драк и сражений. Гоблин на этот счет был иного мнения, но после недовольного ворчания все же решил остаться со мной.

– Кра-а-а! Кра-а-а! Кур-ра-ра!

Крик птицы тоскливым призраком разнесся над развалинами, отражаясь от стен и бередя покой заброшенного места. На миг на верхушке покосившейся колонны-шпиля и на стволах деревьев блеснул голубоватый отблеск заклятия, сотворенного в двух сотнях ярдов отсюда. Блеснул и пропал, уступив место привычной тишине мертвого города.

– Началось, – сказал Кли-кли, приподнимаясь. – Это работа Миралиссы.

– Я ничего не слышу.

– Это к лучшему. Значит, не слышат и другие. Будем ждать.

И мы ждали. Минуты тянулись бесконечно долго.

Плотный густой ковер мха заглушал шаги, и мы слышали бегущего, только когда между нами оказалось не больше десяти ярдов. Кли-кли пребольно ущипнул меня за руку и кивнул в сторону колонны. Поначалу я принял бегущего за Эграссу. Вот только отчего у эльфа в руках не привычный с'каш, а ятаган? Конечно же это был не эльф, а орк. Две расы слишком похожи друг на друга, чтобы в первые секунды их можно было различить. Первый бежал прочь из города, постоянно озираясь по сторонам. Мы лежали за камнями, и орк не мог нас видеть, хоть на этом спасибо Саготу.

– Чего ты ждешь? Уйдет ведь, – просипел Кли-кли, снимая с пояса первую пару метальных ножей.

Шут прав: если Первый скроется и избежит смерти, он предупредит своих, и тогда плакали наши головы. Расстояние до врага не ахти какое, и, чтобы промазать, надо было очень постараться.

Щелк!

Болт без труда пробил легкую кольчугу и застрял в спине орка. Тот споткнулся и рухнул лицом в мох. Никаких угрызений совести в том, что стреляю в спину убегающему, я не испытывал. Будь у Первого возможность и время, он бы без всяких раздумий попытался прикончить и меня и Кли-кли.

– Ты его убил? – Кли-кли испуганно жался ко мне.

– Вроде как, – неуверенно сказал я, не торопясь убирать арбалет.

– Вот в том-то и дело, что вроде как. Ему хватит ума притвориться! – Гоблин не спешил приближаться к телу.

– Кли-кли, у него в спине болт, который вошел туда чуть ли не по самое оперение. Как он может быть жив?

– Я бы все равно не стал к нему подходить, – предупредил меня Кли-кли.

Страх и сомнения всегда заразительны. Теперь и я смотрел на недвижимого орка с должной опаской. А вдруг Кли-кли прав и Первый всего лишь строит из себя покойника? Во всяком случае, ятаган до сих пор у него в руке.

– Хорошо, – вздохнул я. – Учти, я это делаю лишь для твоего успокоения.

Пришлось приблизиться к телу на несколько шагов и всадить в спину орка второй болт. Парень в ответ на такой неприкрытый садизм даже не дернулся.

– Ну, теперь ты убедился, что он мертвее камня?

– Почти что. – Шут остороженько подошел к телу и ткнул мертвеца носком сапога. – Слава богам, ты его прикончил.

– Не такие уж они и страшные, да и умирают не хуже людей.

– Если застать их врасплох. – Голос Эграссы заставил меня резко обернуться и вскинуть арбалет.

– Бесполезно, Гаррет. Будь на моем месте орк, ты был бы уже мертв. К тому же арбалет у тебя разряжен. Что тут у вас?

– Орк, один из тех, кого вы должны были убить. Гаррет его подстрелил, но заметил Первого я, – затараторил Кли-кли, не собираясь приписывать всю победу мне.

– Нет, Кли-кли, этот не из тех. – Эльф перевернул тело и склонился над орком, бесстрастно изучая лицо мертвеца. – Миралисса наложила на них Сеть Недвижимости, и мы смогли расправиться со всеми, они даже пикнуть не успели. Четверо возле костра, еще один рядом с раненым, итого пятеро, не считая раненого. Мы прикончили всех.

– Тогда откуда взялся этот? Или сей орк – плод моего больного воображения? – недовольно спросил Кли-кли.

– Просто ваш мерзкий флини не посчитал нужным сообщить о седьмом. – Из-за стены появился Халлас. – Я с самого начала говорил, что не следует доверять этой летающей сволочи!

– Где был седьмой, мог быть и восьмой, – задумчиво сказал Эграсса.

– А также девятый и десятый. – Гоблин не преминул насыпать соли на рану.

– Идемте к остальным, там решим, что делать дальше.

Мы пошли за эльфом, позади сопел Халлас. Эграсса уверенно вел нас через лабиринт заросших развалин. Везде властвовала разруха и упадок, но вместе с тем это место было... пожалуй, красиво. Красиво своей непонятной, загадочной красотой тысячелетий. Колонны высились наравне с златолистами или лежали разбитыми и заросшими мхом. На стенах некогда величавых зданий рос плющ. Статуя на постаменте, такая древняя, что нельзя было рассмотреть, кто перед тобой – человек, орк или кто-то другой, живший на Сиале еще до начала Седой эпохи.

В четверке орков, лежавших возле едва горевшего костра, стрел было наткано больше, чем требовалось, Миралисса и Эграсса постарались на славу. Чуть поодаль, под старой лиственницей, лежали еще два мертвеца. Обоих зарубили.

Эграсса кратко рассказал милорду Алистану про орка, которого я уколошил.

– Флини мог не увидеть его, если Первый сидел в секрете. – Миралисса задумчиво терла рукав темно-зеленой куртки.

– Он просто не захотел увидеть, миледи. – Халлас все еще не мог забыть пляску для маленького распространителя новостей.

– Халлас, Делер, Мумр, Угорь! Разделитесь на двойки и найдите, где скрывался этот седьмой.

Угорь кивнул за всех, и Дикие скрылись меж развалин.

– Через час полностью стемнеет. – Милорд Алистан, прищурившись, посмотрел на небо. – Останемся здесь или продолжим путь?

– Все зависит от того, что найдут наши воины, – неохотно сказала Миралисса. – Но я за то, чтобы продолжить путь. Сейчас полнолуние, света достаточно, до утра можем свободно идти, а дальше отдых – и мы у Храд Спайна.

– Я тоже считаю, что мы не должны останавливаться сейчас, кузина. Преодолеем Красное урочище, и тогда уже можно будет отдохнуть.

– Гаррет, пошли глянем на покойников, – позвал меня Кли-кли.

– Я мертвецами не интересуюсь.

– Ну и зря!

Пока гoblin бродил среди трупов, я перезарядил арбалет, уложив в него два новых болта.

– Мастерски сработано, леди Миралисса. В лучших традициях Зеленого Взвода! Я оценил, – сказал эльфийке вернувшийся Кли-кли.

– Ну, раз даже ты оценил мою работу... – усмехнулась она.

– Нет, я серьезно. Кидаем Сеть Недвижимости, затем у нас пяток секунд, чтобы нашить их стрелами. Думаю, даже когда Сеть лопнула, оставшиеся двое так ничего и не поняли и их легко зарубили. Кто прикончил раненого?

– Делер, – ответил Алистан Маркауз. – Ты-то откуда знаешь о работе диверсионных отрядов эльфов?

– Я вообще полиглот, – ни к селу ни к городу гордо ответил Кли-кли.

– Поля апосля глотать будешь. – Делер слышал лишь последнюю фразу шута. – Убираться надо, милорд Алистан. Упустили мы одного.

– Ушел. Двое их было, там дальше что-то вроде колодца. В нем эти двое и сидели. Один, к несчастью для себя, вышел на Гаррета, другой ушел на юго-запад. Ушел целым, милорд, я уж думал попробовать догнать, но мох почти не сохраняет следы. – Лицо Угря было хмурым. – Да и не следопыт я. Сюда бы Кота, да пребудет он в свете...

– Что они делали в этом колодце? – спросил Алистан Маркауз, и Мумр молча протянул ему обрывок какой-то ткани. – Человек?

– Да, милорд, он мертв, да и лицо у него все исполосовано, но я его по одежке узнал, – кивнул Фонарщик. – Этот парень был среди людей Балистана Паргайда во время поединка.

– Все ясно. Орки теперь знают, что в Золотом лесу чужаки, и этого беглеца мы уже не догоним, – огорчилась Миралисса. – Надо поскорее уходить из города, пока не подоспели Первые. Единственный шанс – добраться до спуска в Храд Спайн быстрее, чем орки нас нагонят.

– Вы намереваетесь укрыться от них в Костяных дворцах, миледи?

– Это не обязательно. Первые – не дураки. После того как на нижних уровнях могильников пробудилось зло, они обходят это место за лигу. Ничто, даже близость эльфов, не заставит орков совершить глупость и приблизиться к Восточным воротам Костяных дворцов.

– Тогда не будем задерживаться. – Алистан Маркауз кивнул Эграссе, чтобы он двигался вперед, указывая нам дорогу.

Отряд ушел в ночь.

Ночью в лесу темнеет быстро и в то же время очень незаметно. Только что из-под ног выбегала узкая, едва различимая тропка, а через минуту она уже скрылась во тьме, опустившейся на лес. Деревья, ветви, кустарники растворяются в обволакивающей паутине ночи, от них остаются одни воспоминания (мол, там была сосна, а вот там, где сейчас чернильный мрак, рос старенький клен), и только если поднять глаза к небу, можно увидеть силуэты переплетенных между собой ветвей, загораживающих высыпающий на небе горох звезд. Несколько долгих и очень томительных секунд ты едва плетешься, до боли напрягаешь глаза, чтобы хоть что-то увидеть в крошечном мраке. Затем нехотя из-за пазухи богов выкатывается полная луна. Она похожа на темно-желтый круг исилийского сыра, она толста, и ее поверхность, как и сыр, изрезана темными дырами и морщинами. Луна рождает свет, отдает его ночной земле, и столбы лунного дара заливают спящий лес, играют меж ветвей и стволов дремлющих златолистов, отражают мать-луну в сонно шепчущем ручейке, танцуют на полях зарождающегося ночного тумана, что белыми струйками поднимается из мха и тянется вверх. С лунным светом лес становится прекрасным и волшебным, словно из детской сказки. Луна преобразила руины древнего города Чу. Свет падал на изгрызенные зубами времени лица безымянных идолов, придавал им подобие жизни, волновал воображение.

– У-у-ух-ху-у-у! – Уханье то ли совы, то ли еще какой птицы густыми волнами расплывается по столбам лунного света, отражается от лиственниц, златолистов и стен мертвых зданий.

Весь мир, вся Заграба сейчас дышали серебряными нитями, струящимися из веретена полной луны. Светло как днем, и лишь звезды недовольны проснувшейся луной. Они потускнели и даже отползли подальше от земли, чтобы не попасть под магию лунного света.

Отряд шел ходко, и идолы города Чу, с укором смотрящие нам в спину, остались далеко позади. Тропка петляла, то появлялась, то вновь исчезала в придорожных зарослях кустарника. Спустя час она совсем исчезла, и нам пришлось продираться сквозь густой ельник. Лохматые и колючие лапы норовили стегнуть по физиономии, приходилось закрываться руками и сгибаться в три погибели. Пока я лазил по этим колючим и не очень-то гостеприимным зарослям, успел проклясть все на свете. Мумр, идущий сейчас впереди меня, ругался на чем свет стоит. Угорь слишком быстро отпустил ветку, и еловая лапа стегнула Фонарщика по лицу. Вот уж не знаю, один ли я вздохнул с облегчением, когда меж елок вновь появилась тропка.

Тропинка пошла под уклон, еловый лес сменился лиственным. Сейчас мы топали по низкорослым холмам, заросшим кленами и кустами цветущего краснобровника. Наверное, при солнечном свете маленькие красненькие цветочки на кустах казались капельками крови, сейчас же цветы, впрочем, как и весь лес, были насыщены серебром луны.

Мы прошли по берегу озера, в черной воде которого отражались полная луна и звезды, поднялись на очередной холм, спустились, перепрыгивая через спешащий по неотложным делам ручеек. Краснобровника здесь оказалось намного больше, чем возле озера, он рос везде, куда падал мой взгляд, вытесняя другие кусты и даже деревья.

– Смотри-ка, один все же остался, – пробурчал за моей спиной Кли-кли.

– Ты о чем? – полюбопытствовал я.

– Да вон, меж веток краснобровника лесной дух, видишь, глазки сияют? А флини говорил, что они ушли из Красного урочища.

– Так мы что, уже идем через Красное урочище?

– А где мы, по-твоему? На улице Искр, что ли? – довольно неприветливо отозвался Кли-кли. – Ясное дело, что в Красном урочище.

– Не больно-то оно красное, опять ты что-то путаешь, Кли-кли, – недоверчиво хмыкнул Фонарщик.

– Раскрой глаза, Мумр, сейчас же ночь! А днем, да еще в начале сентября здесь красно от цветов красновровника.

– Да и на урочище это место никак не тянет, – поддержал я Фонарщика.

– Дураки! – надулся шут и перестал с нами разговаривать.

Гоблин сегодняшней ночью был не в настроении. По-моему, он слишком сильно нервничал как раз из-за этого Красного урочища.

Я же ничего такого не чувствовал, да и Вальдер молчал. Правда, он молчит с тех пор, как я увидел сон о тюрьме Хозяина. Может, наконец мертвый архимаг оставил меня в покое и убрался восвояси? Ха! Надежда на такой исход небольшая.

Кто такой Вальдер? Я вроде уже говорил. Вальдер – это такой волшебник, к сожалению умерший из-за Рога Радуги несколько веков тому назад, но вселившийся мне в голову. Ладно, это длинная история, может, когда-нибудь напишу мемуары, тогда и узнаете все подробности.

Тропинка шуршала под ногами, спина Фонарщика маячила впереди меня. Шаг, шаг, еще шаг. Сколько сотен шагов я сделал с тех пор, как мы покинули развалины города Чу? Ночь давно перевалила за середину, звезды плыли по небу, а луна светила все ярче и ярче. Весь лес был захвачен красновровником, росшим чуть ли не под каждым златолистом. Казалось, этим проклятым кустам не будет ни конца ни края. Но больше всего надоел кисловатый запах, исходяемый цветущими кустами. Эта вонь настырно лезла в нос, и по прошествии полутора часов от нее раскалывалась голова и зверски хотелось чихать.

Чем глубже мы уходили в Красное урочище, тем напряженной становилась тишина. Не было слышно привычного шепота ветра, шелеста ветвей, криков ночных птиц и звуков ночных насекомых. Ни светлячка... да и лесных духов больше видно не было. Лишь звуки наших шагов тихим шуршаньем плыли в ночи. Лес, казалось, вымер, тишина давила и вызывала смутную тревогу. Даже лунный свет стал неживым, он заливал всю округу мертвенно-бледной дланью.

Сзади послышался тихий шелест оружия, извлекаемого из ножен. Я обернулся. Милорд Алистан шел с обнаженным мечом, лицо у графа было хмурым и встревоженным.

– Не нр-р-равит-тс-ся мне эта тишина, – растягивая слова, брякнул Кли-кли, обеспокоенно озираясь по сторонам.

– Тишина еще никого не убивала.

– Не скажи, Гаррет, очень даже убивала, – ответил наш всезнайка.

Следующие полчаса мы не сказали друг другу ни слова. Все вслушивались в разлившееся по Красному урочищу молчание, надеясь уловить хоть какой-то звук, кроме шороха наших шагов. Так всегда бывает. Никогда не обращаешь внимания на посторонние звуки. Всегда принимаешь их как само собой разумеющееся. Там птичка чирикает, там сверчок пиликает, здесь листочки шелестят. Но как только привычные уху звуки исчезают и наступает полная, *беззвучная* тишина, ты понимаешь, как тебе не хватает всех этих посторонних и временами ненужных треньканий и пиликаний.

– Приехали, – прошипел сквозь стиснутые зубы Халлас и покрепче сжал боевую мотыгу.

Тропинка упиралась в мост, казавшийся таким же старым, как и город Чу. Нисколько не удивлюсь, если мост построили те же строители, что и город. Но, в отличие от города, мост оказался целым. Каменный, тридцать ярдов в длину и два ярда в ширину. По нему вполне могли пройти сразу два человека. По бокам тянулись высокие, в пол человеческого роста прямоугольные барьеры, заменяющие перила. Через каждые пять ярдов из перил вырастали колонны и поднимались на высоту двух человеческих ростов. Наверное, раньше они были тем, что держало крышу моста (сейчас не существующую). А может, никакой крыши никогда и не было и колонны созданы просто для красоты.

Мост связывал две стороны то ли оврага, то ли ущелья. Уж не знаю, как это называлось, но обрывистые берега резко уходили в темноту и в поднимающийся с невидимого сейчас дна серебристый туман.

– Вот и сердце урочища, – сообщил нам Кли-кли.

– Нам через мост? Что-то он не вызывает у меня особого доверия.

– Не беспокойтесь, милорд Алистан, мост крепче скалы, он простоял здесь не одно тысячелетие, – успокоила капитана гвардии Миралисса. – Не будем медлить.

– Пойдите. – Угорь поднял руку и внимательно осмотрел противоположную сторону урочища. – Леди Миралисса, Эграсса, возьмите луки, а я с Делером перейду мост.

– Угорь прав, если на той стороне засада, то нас всех почикают на мосту, словно жирных перепелок, – поддержал гарракца карлик, меняя любимую шляпу на шлем.

– Хорошо, – скупой кивнул Алистан Маркауз. – Идите.

Угорь и Делер ступили на мост. Карлик бежал впереди, лезвия его секиры грозно сверкали в лунном свете. Эграсса и Миралисса стояли с натянутыми луками. Воины перебежали мост и скрылись в кустах краснобровника. Я стал про себя считать. Когда счет дошел до шестнадцати, появился Угорь и махнул нам рукой. Настал наш черед переходить мост. На этой стороне остался только Эграсса со все так же натянутым луком и Фонарщик, прикрывающий эльфа от возможной опасности с тыла.

– Здесь глубоко? – спросил я у гоблина на середине моста.

– Я тут впервые, так же как и ты.

– Просто ты так хорошо знаешь эти места...

– Знать места – это не значит бывать в них раньше, Гаррет. Как гномы и карлики ориентируются в своих подземных лабиринтах? Они дети гор, и им не надо каждый раз узнавать, где восток, а где запад. Гоблины, дриады, эльфы и орки – все мы дети Заграбы и никогда не заблудимся в ней. Мы всегда знаем, где находимся, независимо от того, в какой части леса оказались. Вам, людям, слишком сложно это понять.

Мы подождали Эграссу и Фонарщика и продолжили путь. Краснобровник начал редеть. Ели и лиственницы отеснили кусты в сторону, проклятый запах цветов почти исчез, но тишина никуда не делась. Отряд все еще находился в Красном урочище.

Мы опять шли, шли и шли. Легкий мешок потихоньку стал тянуть меня вниз, кольчуга стерла все плечи, давила на спину, ноги постепенно наливались усталостью и болью. Давно пора было сделать привал, мы топали по лесу уже несколько часов, но Эграсса лишь увеличивал темп, стараясь как можно скорее вывести отряд из Красного урочища.

Первым почуял неладное Кли-кли. Он споткнулся, оглянулся и втянул в себя воздух ночного леса.

– Кли-кли, не останавливайся, – попросил гоблина Халлас.

– Что-то не так, – обеспокоенно сказал гoblin.

– Что не так?

– Не знаю, – буркнул шут и заторопился дальше.

Затем остановился Эграсса и поднял руку, чтобы мы не шумели. Эльф долго вслушивался в мрачную тишину ночного леса, а затем что-то сказал Миралиссе на гортанном орочьем наречии.

Она ответила на том же языке, и Эграсса вновь повел нас вперед. Эльф и эльфийка поминутно оглядывались. Я тоже не сдержался и оглянулся, но позади нас была лишь узенькая тропинка, посеребренная светом луны, и мрачные стены елей, возвышающиеся по обе стороны от нее.

– Что происходит? – спросил Алистан Маркауз.

– Пока ничего, милорд, просто не отставайте. – Эльф почти перешел на бег.

Миралисса бубнила что-то себе под нос, иногда взмахивая руками. Я с ужасом понял, что она на бегу подготавливает какое-то заклятие. Выпей меня тьма, они могут сказать, что происходит, или нет?!

Кли-кли подпрыгивал впереди меня, мешок бил его по спине, и коротконогую гоблину было нелегко поддерживать тот темп, что задал нам Эграсса. Гоблин тихонечко повизгивал. Поначалу я думал, что это он так дышит от натуги, а потом понял: Кли-кли скулит со страху. Вот тогда-то я и напугался. Сильно.

– Кли-кли! – рявкнул я ему. – Давай сюда свой мешок, тебе будет легче идти!

Шут посмотрел на меня. Синие глаза были полны животного первобытного ужаса. Мне пришлось повторить свое предложение дважды, прежде чем он понял, чего я от него хочу. Кли-кли не стал спорить и сразу же передал маленький мешок с пожитками мне.

– Что происходит? – спросил я у него.

– Флейта! – пискнул шут.

– Какая, во тьму, флейта?!

– Просто иди быстрее, ладно?

Вот и весь сказ.

А затем я услышал это. Услышал и в первую секунду даже не поверил, что такое возможно. Тишину разорвала чистая хрустальная трель флейты. Едва слышный звук. Расстояние до неизвестного флейтиста, видать спьяну вздумавшего поиграть в ночном лесу, было довольно большим. Флейта настолько неожиданно разрежала покой ночи, что я остановился как вкопанный и в меня тут же врезался Делер.

– Перебирай ногами, Гаррет, коли жить охота! Не знаю, что там за нашей спиной, но чувствую, что ничего приятного мы от него не дождемся!

Эграсса перешел на бег. Вновь раздалась трель флейты, теперь намного ближе, чем в прошлый раз, и тогда-то я понял, кто приближается к нам. Лишь одно существо издавало звуки, так похожие на трель флейты. Орки прозвали это чудовище Ужасной флейтой, или Х'сан'кором.

– Спаси нас всех Сагот! – вырвалось у меня.

– Это вряд ли! Просто беги, Гаррет!

И мы побежали. Каждый раз трели становились ближе и громче. Звуки флейты подстегивали нас не хуже, чем боевой кнут ламия. Кем бы ни была тварь, именем которой нас пугали по ночам в далеком детстве, бегала она быстро, гораздо быстрее, чем мы.

– Я... думал... они... все... давно... вымерли... или... вообще... сказка, – просипел Фонарщик.

Мумр бросил свой мешок, сейчас ему хватало веса одного биргризена. Но тяжелее всех приходилось Алистану Маркаузу. Наконец капитан гвардии не выдержал, отбросил в сторону шлем, затем щит, потом настал черед малой булавы. Из оружия у Алистана Маркауза остались только меч и кинжал.

– Как... видишь... не... все, – ответил Кли-кли Мумру. – Этот... вполне... жив... и голоден. Он... не... сказка...

– Почему мы... бежим? – проскрипел я. Еще три минуты такого бега, и я рассыплюсь на тысячу маленьких Гарретов.

– Чтобы... не... съел... дурак! Ждем... когда... Миралисса... сотворит заклятие!

«Быстрее бы! – подумалось мне. – Сагот, если ты меня слышишь, поторопи ее!»

Деревья слились в одну темную мелькающую массу. Мир сузился до узкой тропки, спины Кли-кли, хрипа, вырывающегося из моей груди, бормотания Миралиссы и воплей Х'сан'кора, вышедшего на охоту. Пот застилал глаза, волосы прилипли ко лбу, хотелось остановиться, упасть и умереть прямо здесь. Но все бежали, и мне не оставалось ничего другого, как бежать вместе с ними.

– Брось... мешок... оба, – скрипуче посоветовал Кли-кли.

Я с облегчением отбросил его мешок в сторону, затем скинул со спины свой, и бежать стало значительно легче. Еще бы сбросить кольчугу, но для этого следует остановиться, а остановка сейчас – это прямой путь в желудок твари.

Трель флейты... и ровно через секунду ей ответила другая.

– Их двое! – взвизгнул Кли-кли.

В этот самый момент Миралисса закончила бормотать заклятие, и кусты справа от дороги раздвинулись в сторону, открывая проход.

– Туда! – выдохнула эльфийка.

Нас не надо было уговаривать дважды. Кусты, как только мы сошли с тропы, сдвинулись за нами, примятая трава волшебным образом распрямилась, как будто ее и не топтали наши ноги. Отряд оказался в ельнике, где нас окружил густой мрак. Мигнуло, и по телу забегали мелкие мурашки.

– Теперь мы невидимы, но не стоит рисковать, ложитесь! – приказала Миралисса. – Кли-кли, твой народ знает защитные заклятия, на Х'сан'кора магия эльфов практически не действует. Помогай!

– Я не умею, – заныл испуганный гоблин. – Только самую малость, что дедушка научил!

– Делай, что можешь! – яростно прошипела эльфийка, распыляя по воздуху какой-то порошок.

Кли-кли кивнул и закрутился волчком. Прошло десять долгих секунд, и Кли-кли рухнул на траву, а мир на краткий миг полыхнул розовым. Не знаю, что это было, но Миралисса одобительно кивнула.

– Хорошо, а теперь не шевелитесь и даже не дышите. Сейчас для Флейты вы всего лишь корни деревьев. По крайней мере на минуту...

Последние слова она пробормотала тихо-тихо.

Вляпались мы знатно. О Х'сан'корах практически ничего не известно, что вполне естественно – те, кто с ними встречался, обычно ничего никому не рассказывают (по причине внезапной кончины). Так что все, что мы имеем об Ужасных флейтах, – это страшные легенды эльфов и гоблинов о таинственных чудовищах леса да несколько гравюр с изображением трупов Флейт (я лично до сих пор не представлял, как выглядит эта тварь). Два обнаруженных тела Х'сан'коров особо храбрые трапперы, забредающие в глубину Золотого леса, продали за бешеные деньги (одно тело досталось Ордену, другое купил какой-то коллекционер). Да еще, лет триста назад, один особо храбрый и глупый барон Приграничья устроил на Х'сан'кора охоту. Половина отряда полегла, но тварь удалось захватить живьем. Пока к барону спешили пустившие слюну маги Ордена, Флейта не стал ждать, проломил клеть, куда его по глупости усадили, и перебил весь замок вместе с соседней деревушкой. А затем дождался магов и прикончил почти всех. Оказалось, что на тварь совершенно не действует боевая магия, поэтому лишились трех адептов и семи аколитов. Счастье, что среди орденских был архимаг, который и прибил чудовище, обрушив ему на голову близлежащую мельницу.

Но это дела давно минувших дней. Рядом с нами не было ни находчивого архимага, ни лишней мельницы. Сейчас мы лежали на земле, не шевелясь и едва дыша. Вновь раздалась трель флейты. Ох как близко, тьма меня разбери! Первой флейте тут же ответила вторая.

– Я бревно, я невидим, – тихонько зашептал я. Волосы на голове со страху встали дыбом.

Кли-кли пребольно пнул меня ногой и приложил палец к губам. Я моргнул глазами, мол, понял, затыкаюсь.

Из нашего укрытия открывался великолепный вид на посеребренную луной тропинку. Ночная тишина то и дело прерывалась трелями флейт, и оставалось лишь молиться Саготу, чтобы нас не заметили.

– Они кого-то гонят! – прошипел Мумр и тут же заработал болезненный тычок от Угря.

То, что я увидел через мгновение, осталось в моей памяти навечно. По тропинке бежал человек. Даже не бежал, а летел, вкладывая в бег все свои силы. Незвестный едва касался ногами земли, он огромными скачками убегал от преследующих его чудовищ. Вот его сапог задевает землю, толчок, человек пролетает добрых три ярда, вновь касание земли и вновь длинный скачок. Могу поспорить, при сильном желании парень способен бежать наравне с лошадью. Серый плащ развевался за его спиной, как крылья ночной птицы, лицо скрыто капюшоном. В руках человек держал копьё с черным древком и очень широким листовидным накопником.

За четыре секунды человек появился, пробежал мимо нас и исчез за деревьями. А потом появились они. Вновь запела флейта, и из-за поворота выскочило существо. Оно пробежало настолько быстро, что я даже не успел разглядеть его – росчерк красно-черно-зеленого с нелепо длинными ногами и руками. Миг, и тварь уже исчезла. Х'сан'кор был слишком увлечен преследованием добычи, чтобы обратить на нас внимание, к тому же благодаря Миралиссе и Кли-кли мы на какое-то время стали невидимы для его глаз.

Опять прозвучала флейта, говоря, что она уже близко, и пробежавший мимо нас Х'сан'кор ответил ей. Вторая тварь выскочила на тропинку, неожиданно споткнулась и остановилась прямо напротив того места, где мы прятались. Глаза, пылающие лиловым огнем, обратились в нашу сторону. Я вжался в землю. Теперь это существо можно было очень хорошо рассмотреть.

Высокая, в два человеческих роста фигура казалась нелепо худой, длиннющие ноги и руки, голова на точно такой же, как и тело, худой шее. Башка у Х'сан'кора больше всего была похожа на причудливый лягушачий череп, обтянутый кожей. Я не увидел у твари ни шерсти, ни чешуи, вся кожа Флейты была размалевана в красно-черно-зеленую полоску. Нос – черная впадина, огромные, на полморды, глазницы лилового пламени, короткие витые рога на голове, рот... Отчего-то я думал, что в нем будет много зубов, но, когда тварь раздвинула губы и оскалилась, я с удивлением обнаружил, что в пасти у нее не больше пяти кривых желтых пеньков. Никакой брони или одежды, зато в правой когтистой лапе нечто похожее на шипастую дубину, а в левой... в левой Х'сан'кор держал брошенный мной не далее как пять минут назад мешок.

В животе зашевелились ледяные черви. Оно не может нас увидеть! Оно не должно нас увидеть!

Тварь поднесла мешок к носу, понюхала, фыркнула и отбросила его в сторону. Где-то в отдалении прозвучала победная мелодия флейты, видно, первая тварь наконец настигла человека. Х'сан'кор, нюхавший воздух, отвлекся, склонил голову набок и стал вслушиваться в призыв товарища. Победная трель сменилась ревом боли, а затем в ночном лесу наступила оглушающая тишина. Было слышно, как колотится сердце лежавшего рядом со мной Фонарщика. В голове бился только один вопрос: почему тварь так сильно орала? Видно, этот вопрос мучил не только меня, Х'сан'кор сделал несколько неуверенных шагов по тропинке туда, откуда донесся рев.

Мир вновь мигнул розовым, колючие мурашки, беспрестанно бегающие по телу, пропали, заклинания Миралиссы и Кли-кли исчезли в одночасье, и чудовище увидело нас. Тварь с грозным рычанием двинулась вперед, ломая кустарник.

– Рассыпаться! – Миралисса уже была на ногах. – Нападать на него со всех сторон, разом!

Ну и перепугался же я в этот момент! Эльфийка пела заклятие, воины подались назад, завлекая Х'сан'кора, а я смотрел, как к нам приближается эта похожая на ожившую смерть тварь. Лиловое пламя в глазах Флейты горело голодным огнем.

Взвизгнула стрела Эграссы, и я пришел в себя.

– Стреляй, Гаррет! – крикнули мне.

Я попал, болты угодили точнехонько в грудь лесного чудовища, и я стал перезаряжать арбалет, теперь уже огненными болтами, потому как от обычных никакого толку не было. Тварь

их даже не почувствовала, впрочем, как и стрелы эльфа. В чудовище их уже было штук шесть, но оно не испытывало от этого никаких видимых неудобств. Перед Х'сан'кором полыхнула зеленая стена (точно такая же, как та, что сотворила Миралисса в гнезде слуг Неназываемого). Х'сан'кор остановился, взревел так, что у меня заложило уши, и грохнул дубиной по волшебной преграде. Видать, дубина твари оказалась непростой, потому как стена довольно заметно прогнулась.

– Я не удержу его долго! – закричала эльфийка. – Эграсса, Гаррет! По глазам! Выбейте их ему!

К этому моменту на Х'сан'коре уже не было живого места, эльф утыкал тварь стрелами по самую макушку. Чудовище сделало шаг назад, а затем с ревом вновь атаковало стену. Эльфийка застонала от напряжения, пытаясь удержать преграду. Я разрядил арбалет в тварь, огненные болты взорвались и тут же погасли, не причинив врагу никакого ущерба.

– На него не действует боевая магия! – Кли-кли бросил первую пару метательных ножей. – Обычными! По глазам!

– У меня стрелы кончились! – крикнул Эграсса.

Вновь рев, удар, вспышка стены и сдавленный стон Миралиссы.

– Возьми мои! – Эльфийка отчаянно шептала новое заклятие.

Эграсса бросился к ней, Кли-кли расстался с еще одним ножом, Халлас колдовал над небольшим костерком. Чего он делает, тьма его заберет?!

Перезарядка, рычаг на себя, прицелиться в лиловое пламя... Похоже, Х'сан'кор прекрасно понимал человеческую речь. Он увидел, что я целюсь в его самое уязвимое место, прекратил штурмовать стену, отделяющую нас от него, и в тот момент, когда я нажал на оба спусковых крючка, закрыл глаза рукой.

Чпок! Чпок! Оба болта попали в руку. Тварь нехорошо глянула в мою сторону, обещая тысячелетия мучений, как только она до меня доберется, и как заведенная шарахнула дубиной по стене. Та издала жалобный стон, но выдержала и на этот раз.

Треньк, треньк! Вновь запела тетива эльфийского лука. Одна стрела попала в пасть, другая застряла в голове, только каким-то чудом разминувшись с глазом. Тварь сунула руку в рот, выдернула стрелу и вымолвила какую-то погань на корявом и совершенно непонятном языке. Очередная стрела, выпущенная Эграссой, сгорела в воздухе, так и не долетев до цели. Такая же участь постигла мой болт. Этот гад и колдовать умеет?!

– Бесполезно! – Эльф убрал лук и обнажил с'каш.

Кли-кли выл и крутился волчком, творя заклятие. Миралисса закончила шаманство, и в свете луны и отблесках костерка гнома вся ближайшая трава поднялась в воздух, собралась в одном месте, сложились в лезвие огромного ножа и ударила в грудь Флейты.

Не подействовало. Нож упал и рассыпался безобидной травой. Алистан Маркауз выругался, чудовище издало победный хохоток и обрушило дубину на едва державшуюся стену.

Бах-бах! Два выстрела из пистолей слились в один и отвлекли Кли-кли от заклятия.

Халласа окутало вонючим пороховым дымом. Левый глаз твари лопнул и погас. В реве врага смешались боль и ярость. Второе попадание пришлось несколько ниже, пуля пробила шею. Тело Х'сан'кора и так было черным от текущей из десятков ран крови, а теперь из его шеи упругими толчками выходила жизнь. Гном молодец, он вовремя сообразил, что поставленное Флейтой заклятие может действовать на стрелы и арбалетные болты, но ядра, или пули, как называет их Халлас, могут пройти магическую преграду. Так и случилось.

Бах!

Гном великолепно владел оружием, и теперь погас правый глаз чудовища. Но, вопреки моим ожиданиям, Х'сан'кор все еще твердо стоял на ногах. Ослепший, да еще и воющий, как сотня поджаривающихся на сковородке грешников, он обрушился на стену. Стена вспыхнула в последний раз и лопнула, разлетевшись тысячей зеленых осколков. Я думал, от звона у меня

голова взорвется. Миралисса беззвучно осела на землю. Три ели, находящиеся рядом с уничтоженной стеной, вспыхнули зеленым пламенем. Деревья горели от земли до самой верхушки, освещая лес зеленым светом. Делер вопил и катался по земле, его куртка вспыхнула. К карлику бросился Угорь и принялся сбивать зеленое пламя с его спины. Огонь ревел и пожирал деревья, Х'сан'кор пронзительно визжал и слепо размахивал перед собой дубиной, надеясь задеть кого-нибудь из нас.

– Все назад! Валите отсюда, живо! – заорал Халлас.

Угорь помог Делеру подняться, и они побежали в глубь леса. Алистан и Эграсса подхватили лежащую Миралиссу и потащили ее подальше от чудовища. Я улепетывал следом за всеми, сейчас не было времени рассуждать, что к чему, у гнома в рукаве мог быть припрятан очередной сюрприз.

– На землю! – донесся до нас крик Халласа, и все как один послушно упали.

– Ко мне, ублюдок! Иди сюда! – Гном рядом с воющим Х'сан'кором казался мелкой букашкой.

Тварь слепо била по земле дубиной и шла на голос.

– Ну? Я здесь! Поймай меня, рогатая сволочь!

Х'сан'кор что-то прорычал, и его оружие разметало ближайшую молодую елочку на миллион щепок. Когда Флейта поравнялся с разведенным костром гнома, Халлас что-то швырнул в огонь и со всей поспешностью своих коротких ног бросился прочь. От ослепительной вспышки, озарившей лес, я на миг перестал что-либо видеть. Затем раздался оглушительный хлопок, пламя взметнулось к самому небу, и земля ощутимо вздрогнула.

Когда яркие пятна исчезли из глаз, передо мной предстала картина разрушений, причиненных неизвестным оружием Халласа. Ели все еще продолжали гореть, и света было предостаточно, вполне можно разглядеть творящееся вокруг нас. Халлас стоял на четвереньках и отчаянно тряс головой. Лицо гнома оказалось залито кровью, борода опалена. На том месте, где совсем недавно горел костер, появилась неглубокая яма. Рядом с ней лежал Х'сан'кор, взрывом ему оторвало обе ноги, но, несмотря на это, тварь пыталась дотянуться лапой до дубины.

– Живучая сволочь! – произнес Мумр, поудобней перехватывая рукоять меча.

– Отрубите ему голову! – крикнул откуда-то сзади Эграсса.

– Гаррет, позаботься о Халласе! – приказал Делер, поднимая секиру.

Угорь, Делер, Алистан Маркауз и Фонарщик бросились к Х'сан'кору.

– Халлас, ты в порядке? – Я помог гному подняться.

– Я ни хрена не слышу, Гаррет! – проорал гном и затряс головой. – Ни хрена! Куда ты меня тащишь?!

– Подальше!

– Чего?! Говори громче!

– Подальше отсюда!

– Я сам идти могу!

– У тебя все лицо в крови!

– Кто?! А! Задело! Царапина!

Между тем Алистан подскочил к чудовищу и изо всех сил вонзил ему в грудь меч. Тварь взревела и слепо отмахнулась рукой. Удар пришелся в нагрудник милорда Алистана и сбил графа с ног. Мумр взмахнул биргризенем и остановил повторно опускающуюся на милорда руку. Меч перерубил Х'сан'кору запястье, и кисть повисла на лоскуте кожи. Тем временем Угорь всадил «брата» и «сестру» в другую руку, пригвоздив ее к земле, а Делер, широко размахнувшись, вбил лунообразное лезвие секиры Х'сан'кору в лоб. Тварь ревела, выла и размахивала обрубком руки, из которого хлестала кровь. Мумр подлетел к обездвиженной Угрем руке и, хакнув, тремя ударами перерубил ее возле самого плеча.

– Умри! Умри! Да умри же ты, сволочь! – Карлик обрушил на голову Х’сан’кора град ударов.

Тяжелое оружие крушило плоть и ломало кости. Флейта дергался, хрипел и... жил. Кто бы ни создал эту тварь на самой заре времен, но живучестью он наделил ее отменной, любой х’варр лопнет от зависти. В груди у Х’сан’кора kloкотало, Алистан Маркауз решил не церемониться и превратил ее в решето. Из рта чудовища доносились хрипы и невнятные обрывки фраз. По-моему, оно решило осчастливить нас новым заклитием. Так думал не только я.

– Да отрубите же ему башку наконец! – пронзительно взвизгнул Кли-кли.

– Гаррет, где моя мотыга? – Халлас зажимал левой рукой рассеченную бровь, а правой пытался оттолкнуть меня.

– Успокойся, они сами справятся!

– Как же, справятся! Башку долой, тупицы!

– Делер, справа! – рявкнул Мумр, раскручивая биргризен над головой. – Угорь, милорд! Отрубите ему культю, чтоб не дергался! Начали! И э-э-эх!

Биргризен рухнул на шею чудовища. Затем секира. Потом снова двуручник. Карлик и человек работали, как заядлые лесорубы. Наконец Делер в третий раз опустил секиру, и Х’сан’кор замолк. Теперь уже навечно.

– Штихс фаста райк! – выругался на гномьем языке Делер и вытер рукавом пот со лба. – Запарились! Халлас, ты как?

– Что?! Жив. А твоя спина?

– Куртка сгорела, – скорчил физиономию карлик и закинул секиру на плечо. – Спасибо Угрю, он огонь вовремя сбил.

Ели все еще продолжали гореть, но зеленое пламя уже успело смениться обычным, немагическим.

– А скажи-ка мне, друг Халлас, что это ты в огонь бросил? – задумчиво спросил у гнома Кли-кли, изучая образовавшуюся в земле яму.

– Громче говори!

– Что в костер кинул?!

– Много будешь знать – быстро помрешь, – отрезал гном. – Рог с порохом, вот что! Из-за этой страхолюдной паскуды у меня осталась заряженной только одна пистоль! Ладно... Шут с ней, с пистолью! Главное, что все живы. Скажу ребятам в Великане, что Х’сан’кора завалил, так они ведь не поверят!

– Это ты-то завалил? Если б мы с Фонарщиком не оттяпали ему голову, то плакала бы твоя опаленная борода! – Делер не собирался оставаться в стороне от такого подвига.

– Вы не забыли о первом чудовище, милорд? – спросил я у Алистана Маркауза. – Где-то там, впереди, точно такое же, только, в отличие от этого, оно живехонько!

– Думаю, о той Флейте нам не стоит больше беспокоиться, Гаррет, – тихо вымолвил Эграсса. – Будь Х’сан’кор жив, он бы уже пришел на шум, что мы здесь устроили.

– Неужели человек убил его? – Халлас не мог поверить в такое.

– Видимо, да.

– Значит, он еще опаснее Флейты, – заключил Угорь. – Что с леди Миралиссой?

Вопрос гарракца повис в воздухе, все смотрели на эльфа, который все это время оставался с эльфийкой.

– Теперь уже ничего, – ответил темный и убрал с’каш за спину.

Глава 3

У врат

Нам потребовался час, чтобы сложить погребальный костер. Деревьев вокруг было много, и секира Делера поработала на славу. Да и остальные ненамного отставали от карлика. Теперь груда дров, на которую положили Миралиссу, не уступала размерами погребальному костру, который мы сложили, когда умер Элл. Рядом с эльфийкой лежали ее с'каш и лук. Эграсса оставил себе только ее колчан.

Когда Эграсса подвел нас к Миралиссе, никто не поверил, что эльфийка умерла. Казалось, что она просто спит или отдыхает, закрыв глаза. Никаких ран, кольчуга из голубоватой стали осталась целой. И лишь когда мы подняли Миралиссу, чтобы отнести на костер, из ее правого уха вытекла одна-единственная капелька крови.

Миралиссу убило ее же шаманство. В тот момент, когда под напором Х'сан'кора лопнула и разбилась магическая стена, лопнула и разбилась нить жизни эльфийки. Принцесса дома Черной луны полностью вложила себя в магию, и сила отката заклятия не оставила ей никаких шансов остаться в живых.

Когда волшебное пламя костра превратилось в дикого ревущего дракона, грозившего сжечь луну и звезды, а Миралисса навсегда скрылась в рыжих языках пламени, Эграсса запел песнь «Прощение». Огонь яростно ревел, принимая душу Миралиссы, провожая ее в свет, но голос эльфа перекрывал этот рев. Отблески костра плясали на лицах воинов, молчаливо наблюдающих за беснующимся пламенем. Халлас и Делер сейчас казались братьями – оба мрачны и молчаливы. Алистан Маркауз, крепко стиснувший зубы. Как всегда бесстрашный Угорь – на его лице ни тени эмоций, лишь в глазах цвета стали плещется усталость. Фонарщик, опирающийся на биргризен и с прищуром смотрящий в огонь. Эграсса, с остервенением поющий песнь. Кли-кли, рыдающий в три ручья и размазывающий слезы по щекам. И я... Какой? Наверное... опустошенный... и... очень уставший. Сейчас мне не хотелось ни-че-го.

– Кли-кли, прекрати рыдать. – Эграсса закончил песню.

– Я не рыдаю, – сдавленно прохныкал гоблин, стараясь скрыть от нас свои слезы.

– Я что, не вижу?

– Я же говорю, что не рыдаю, значит, не рыдаю!

– Она знала, что делала, гоблин. Утешься тем, что, не продержи Миралисса стену так долго, мы все стали бы мертвецами.

– Но...

– Она истинная дочь дома Черной луны и сделала это, чтобы мы завершили то, зачем сюда пришли. У нас, эльфов, совершенно другое отношение к смерти. Она погибла не зря, и хватит об этом!

Гоблин поспешно кивнул и высморкался в огромный носовой платок.

Мы продолжили путь, когда от костра остались лишь одни угли.

До рассвета оставалось не больше двух часов, и Эграсса, не считаясь с усталостью, вел нас вперед. Я до сих пор не верил, что совсем недавно мы потеряли Миралиссу. Кто угодно, но только не она. Я отчего-то считал, что с ней мы дойдем до самого конца. Но, как говорится, человек предполагает, а боги располагают. Пепельноволосая эльфийка с вечно вежливой полуулыбкой на иссиня-черных губах и загадочными желтыми глазами навсегда ушла от нас, исчезнув в огне.

Теперь мы продвигаемся к Храд Спайну лишь благодаря знаниям эльфа и в меньшей степени гоблина. Не будь их с нами – и отряд заплутался бы в лесах и нипочем не нашел бы

Храд Спайн, даже будь он в ста ярдах от нас. С гибелью Миралиссы мы понесли еще одну невосполнимую потерю – отряд практически лишился магической защиты. Да, Эграсса кое-что умел, но это кое-что ограничивалось поверхностными знаниями, которыми обладает любой из правящей семьи дома темных эльфов. Эльфийка тоже не являлась полноправной шаманкой, но ее знания были не в пример глубже, чем у Эграссы. Был, конечно, еще Кли-кли – несостоявшийся ученик деда-шамана, но ему в этом вопросе вообще не стоило доверять, иначе окажешься с поджаренными пятками в самый неожиданный момент. У нас уже были прецеденты, когда благодаря гоблинским знаниям магии отряд едва не отправлялся к богам. Лично мне больше рисковать не хотелось.

Когда мы покидали пепелище погребального костра, гоблин вытащил из тела расчлененного Х'сан'кора метательные ножи и напоследок зло пнул отрубленную голову. Я поднял брошенный Х'сан'кором мешок.

Сейчас Кли-кли плелся впереди меня и все еще продолжал хлюпать носом.

– Ты как, Кли-кли? – участливо спросил я у гоблина.

– В порядке, – гнусаво сказал он и украдкой вытер слезы. – В полном порядке.

– Мне тоже жаль, что она погибла.

– Угу. Почему так происходит, Гаррет?

– Не знаю, дружище, из меня не очень хороший утешитель. – На все воля богов.

– Богов? Эта шайка существует здесь только благодаря тому, что какой-то Танцующий создал этот мир и разрешил им здесь поселиться! – Он вздохнул. – Ладно, не будем об этом.

Танцующий... Это мое проклятие. По словам гоблина, я тоже Танцующий в тенях. По крайней мере, так говорит знаменитая Книга Пророчеств гоблинских шаманов. Не знаю, с чего он взял, что я Танцующий (первый за последние десять тысяч лет), но доказывать гоблину, что ты не баран, все равно что заставить солнце повернуть вспять. Ни первое, ни второе невозможно. Так что иногда шут называет меня Танцующим в тенях. Я полмесяца пытался вытрясти из него, кто же такой этот Танцующий и что ему следует делать. Наконец проклятуший маленький мерзавец сдался и выдал старую байку своего придурковатого племени. Вроде бы раньше существовал мир Хаоса, первый и единственный мир Вселенной, в котором и жили люди. Некоторые люди обладали странными свойствами творить новые миры. Для этого нужна была любая тень мира Хаоса. Таких людей прозвали Танцующими с тенями. Танцующие строили тысячи тысяч миров и в итоге достроились до того, что в мире Хаоса почти не осталось этих чудодейственных живых теней, и он умер. Но суть не в этом. Просто если гоблинская теория не врет, то и наш мир сотворил кто-то из Танцующих с тенями. Парень, видать, был немного безумен, иначе отчего наш мир вышел таким препоганейшим? Что до меня – так я никаким Танцующим себя не ощущал, чего бы там ни талдычил Кли-кли. Хотя было бы неплохо создать собственный мир, где появятся горы золота и не будет поганых стражников, их охраняющих. Но тут я ничего не могу поделать, так как для создания нового мира нужны тени Хаоса. А, тьма! Кто разберет эти гоблинские предания?!

Эграсса неожиданно вскинул вверх руку, призывая остановиться. Еще один едва заметный жест, и все потянулись за оружием. Эльф с наложенной на тетиву стрелой сделал шаг вперед и в сторону, пропуская воинов.

Тропа привела нас на небольшую лесную полянку, как и весь лес залитую лунным светом. На поляне лежали двое. Х'сан'кор, распоротый от шеи до паха и выпотрошенный, словно рыба на рынке, и разорванный человек в сером плаще. Ноги и нижняя часть туловища лежали рядом с Х'сан'кором, а верхняя половина оказалась отброшенной на самый край поляны.

– Оба мертвы, – сказал Алистан Маркауз, вгоняя меч в ножны.

– Как же несет от его потрохов! – скривился Халлас, закрывая рот и нос рукавом рубахи.

Гном прав, от мертвого Х'сан'кора воняло похуже, чем от сотни разлагающихся на жаре мертвяков.

– Да-а-а, – протянул Фонарщик. – Знатно парень тварь выпотрошил. В одиночку прибить Флейту – это даже не сказка, это...

– Легенда, – подсказал воину Угорь, внимательно рассматривая поляну, где произошел бой. – Прибить-то он прибил... но посмотрите на следы... Эграсса?

– Да, он вспорол ему брюхо вот этим. – Эльф держал в руках черное копьё незнакомца. – Но его это не спасло. Даже смертельно раненный Флейта опасен. Умирая, он успел разорвать человека на две половинки.

– Один удар на один удар, – пробормотал Угорь, разглядывая примятую траву.

– Ты о чем, воин? – спросил милорд Алистан, внимательно посмотрев на гарракца.

– Каждый из них нанес всего лишь по одному удару, милорд. Вот видите эти отметины на траве? Хотя я и не Кот, но вполне могу разобраться. Все закончилось очень быстро. Человек шагнул, ударил снизу вверх и вывалил Флейте все потроха.

– Он должен был быть очень быстр, чтобы совершить такое. Наравне с Х'сан'кором, – не веря словам Угря, сказал Делер. – Люди на такое не способны.

– Ты видел, с какой скоростью этот серый пробежал мимо нас? И видишь, что он сотворил с тварью? Так какого ж рожна тебе еще надо? – спросил у Делера Халлас.

– Не знаю, – неохотно буркнул карлик. – Просто что-то не верится.

– Но это так, – продолжил Угорь. – Парень убил тварь, но с Х'сан'кором он встретился впервые, и незнание повадок чудовища его погубило. Он думал, что нанес смертельную рану и потерял бдительность. Флейте, прежде чем умереть, хватило секунды, чтобы разорвать своего убийцу на две половинки.

– А ну-ка, Делер, рубани с его башки рога. – Халлас задумчиво поглаживал рукоять любимой мотыги и смотрел на мертвую тварь.

– Чего? – удивился предложению гнома карлик.

– Того! У тебя в руках секира или палка? Руби ему с башки рога!

– Зачем, заberi меня тьма?!

– А затем! Знаешь, сколько стоят рожки Х'сан'кора?

– Не знаю, их еще никому не продавали.

– Во-во! Именно что не продавали! Они бесценны! Вот и думай, сколько нам золотых за такое чудо тот же Орден, гори он в бездне, отвалит! Представляешь, купим сотню бочек самого дорожущего эльфийского вина, ту же «Янтарную слезу» к примеру.

– Лопнешь, Халлас, – подтрунил над гномом Фонарщик.

– Не лопну, Мумр. Я же не только для себя куплю! Отвезем к Одинокому Великану, пора забить наши погреба хорошим вином.

– Великану, говоришь? Вино, говоришь? Что же, давай попробуем!

Делер поплевал на ладони и взялся за секиру.

– Эх! – между тем сокрушался Халлас. – Надо было и у первой твари рога повыкорчевать!

– Гаррет! – Кли-кли глазами указал на тело человека.

– Зачем? – Я вполне понял, что задумал гоблин.

– Я хочу увидеть его лицо. Угорь, ты с нами?

– Идем, – односложно ответил нам Дикий.

Человек лежал лицом вниз, раскинув руки.

– Гаррет, – опасливо начал Кли-кли. – Переверни его.

– Сам переворачивай, – недовольно ответил я ему.

– Эй, Мумр! – гаркнул Угорь. – Зажги факел и дуй сюда!

– Сейчас!

– Гаррет, оттого, что ты стоишь, покойник не перевернется. – Кли-кли нетерпеливо переминался с ноги на ногу, как будто ему приспичило отойти в кусты.

– Вон пусть Угорь его переворачивает, – попытался отказаться я.

– Даже не подумаю. Мне он и задаром не нужен. Кстати, это, видимо, тот парень, о котором нам говорил флини, – ответил Угорь.

Как какая-нибудь грязная работа (ну там слазить в Храд Спайн за Рогом Радуги или покойника перевернуть), так сразу все вспоминают о Гаррете. С чего бы это? Я со вздохом перевернул мертвеца, а тут как раз подоспел Фонарщик с факелом.

– Чего вы, покойников не видели? – недовольно проворчал он.

– Поднеси факел поближе, – вместо ответа сказал Кли-кли. – Капюшон с него стяни, Гаррет.

Я сделал то, что просил гоблин, и мы увидели лицо убитого. Вот уж ожидал чего угодно, но только не того, что воин окажется молоденьким пареньком. Ему с очень большой натяжкой можно было дать лет восемнадцать, не больше. Бледное бескровное лицо, тонкие посиневшие губы, каштановые волосы, прилипшие ко лбу. Серый порванный плащ, грубая рубаха из некрашеной шерсти. На грудь свисает толстая серебряная цепь. На цепи дымчатый кристалл продолговатой формы.

Я наклонился над мертвым, стараясь рассмотреть загадочный камень.

– Кли-кли, живо зови Эграссу! – неожиданно произнес Угорь.

– Зачем? – изумился гоблин.

– Не нравится мне все это – его разорвали на две половинки, а вокруг ни капли крови.

И тут мертвец, от тела которого осталась лишь верхняя половина, распахнул глаза. Его рука метнулась ко мне со скоростью змеи и вцепилась в ворот куртки.

– Вы не должны... брать Рог... равновесие может быть... нарушено!

Я попытался вырваться, но рука держала крепко. Серые глаза смотрели прямо на меня, зрачки у парня были размером не больше булавочных головок... Покойник ожил! Но не это меня ужаснуло. У человека (а перед нами лежал именно человек) во рту блестили тонкие белые клыки.

– Не берите... слышите? Равновесие... – просипел человек.

Кто-то с силой рванул меня за плечи, и рука незнакомца разжалась. Кли-кли орал и звал Алистана и Эграссу.

– В порядке, Гаррет? – спросил Угорь.

– Да. – Я постарался, чтобы мой голос не дрожал.

Подбежал Эграсса:

– Что тут у вас?

– Он ожил и схватил Гаррета! – затараторил Кли-кли, испуганно кивнув на человека.

– Не пори чушь, шут, – нахмурился милорд Алистан Маркауз. – Его разорвало на две части, как он мог его схватить?

– Это правда, милорд, – подтвердил я слова Кли-кли и заработал недоверчивый взгляд капитана гвардии.

– Ничего удивительного, они говорят правду. – Эграсса встал перед телом на колени.

– Осторожнее! – предупредил эльфа Фонарщик.

– Не беспокойтесь, он мертв. – Эльф бесстрастно заглянул в глаза незнакомцу.

Эграсса прав, глаза воина уже подернулись поволокой смерти и остекленели.

– Как он мог прожить столько времени? – все еще не веря своим глазам, произнес Алистан Маркауз.

– Очень просто, смотрите.

Эльф без всякой брезгливости приподнял верхнюю губу человека. Мне не показалось – у парня действительно были тонкие словно иглы клыки.

– Это уже слишком, – потрясенно сказал капитан.

– Но это действительно так.

– В одну ночь встретить Х'сан'кора и... – Алистан Маркауз запнулся.

– Что вас так смущает? Вампира, милорд. Именно вампира.

– Вампиров не существует! – презрительно фыркнул Халлас, вертя в руках отрубленный рог Флейты. – Это такая же сказка, как...

Гном посмотрел на рог в своих руках и заткнулся.

– Сказка? Тогда кто меня схватил? Привидение? – Сердце у меня до сих пор еще бешено колотилось.

– Вампиры существуют, и если вы их не видели, это не значит, что это сказки. Вот почему ему удалось так лихо расправиться с Флейтой и выжить до нашего прихода. – Эграсса осторожно ощупал клыки вампира.

– Гаррет, он тебя не цапнул? – ни с того ни с сего спросил у меня карлик.

Я машинально поднес руку к шее.

– Нет, Делер, я в порядке.

– Милорд Алистан, а может, мы этого... вампира вашего... колом осиновым проткнем для острстки?

– Он мертв, Халлас, не говори ерунды, – ответил вместо Алистана Маркауза Угорь.

– Пока мертв, а потом как вскочит и начнет кровь сосать!

– Халлас, ты наслушался сказок. Вампиры почти как люди, просто они быстрее, сильнее и пьют кровь. Убить их можно обычной сталью, а уж никак не осиной, серебром, чесноком или солнечным светом. Все это вопиющая чушь, равно как и превращение вампира в туман или летучую мышь. Так! А это что?!

Эграсса увидел кристалл и, сняв его с тела, показал нам.

– Милорд?

– Это уже становится полным абсурдом! – Из груди Алистана Маркауза вырвался горький смешок.

– Что это? – любопытствовал Фонарщик, смотревший на дымчатый кристалл, как на ядовитую змеюку.

– Это знак отличия Ордена Серых, Мумр, – ответил товарищу Угорь.

Халлас вроде бы потрясенно крикнул. Делер присвистнул и, сняв шлем, почесал затылок.

Орден Серых. Я мало что знаю о нем. Да, впрочем, как и все присутствующие. Все мои знания основаны на тихих разговорах в тавернах, непроверенных слухах и книге моего учителя Фора, в которой о Серых был всего лишь небольшой отрывок. Далеко в Холодном море есть остров, который народная молва прозвала островом Серых. Остров защищен магией, и никакой корабль не может пристать к нему без желания жителей. Маленький клочок суши получил свое название благодаря тому, что на нем расположился Орден Серых. Говорят, что Серые – великие и непобедимые воины. Их готовят с самого раннего детства, и ходит слух, что Серый в одиночку может выйти против пятнадцати опытных воинов и без всякого труда отправить их во тьму. Конечно же в каждой таверне найдется умник, который лично встречался с таинственным воином, и если этому умнику еще подлить выпивки, то он вам расскажет полную ярких красок историю, как Серый перебил сотню рыцарей, а потом и целого дракона.

Сколько в этих слухах правды, а сколько лжи, я не знаю. Но даже самый глупый слух и самая сказочная история имеют в своей основе зерно истины.

Еще говорят, что Серые – хранители равновесия на Сиале. Они покидают остров, только когда миру грозит нешуточная опасность, способная поколебать весы равновесия в ту или иную сторону. Если говорить простыми словами (хотя это и неправильно), Серым не важно, куда перекашивается мир – в добро или зло, на белую или темную половину. Они хранят равновесие и в той или иной ситуации встают на более слабую сторону. Когда выигрывает добро, они рядом со злом, когда зло – они рядом с добром. Им не важно, какие цели или идеалы вы преследуете и чего хотите – мира во всем мире или зла во Вселенной. Если вы угрожаете равновесию, вас попытаются убедить остановиться. Если убеждения не помогут, то... Серые

слыгут опасными бойцами, а иногда и великолепными магами, и они найдут для вас другие способы убеждения. Орден Серых вне стремлений и вне сторон. Он не белый и не черный. Он Серый.

– Вы уверены, что это всамделишный Серый? – потрясенно спросил Халлас.

Эграсса встал с колен и бросил кристалл гному.

– Смотри, Халлас, такой кристалл Орден Серых выдает всем своим воинам. Во всяком случае, так говорится в наших хрониках. Я за свою жизнь ни с одним из их братии не встречался.

– Выходит, что Серые – вампиры? – пискнул Кли-кли, с опаской поглядывая на неподвижное тело.

– Нет... наверное. Как говорят, в их Ордене есть и люди, и эльфы, и даже орки. Отчего бы не быть и вампиру? – Эграсса пожал плечами. – Меня заботит другое: что Серый делал в этом лесу?

– О нем нам рассказывал флини, – вновь повторил Угорь. – Вампир шел за нами.

– Знаю, но вопрос остается открытым. Что Серому понадобилось от нас? Последний раз эти воины уходили с острова во время Войны Весны.

– Он что-то сказал Гаррету, – брякнул Кли-кли.

Все взоры обратились на меня.

– Что он сказал, вор?

– Что мы не должны брать Рог, иначе равновесие может быть нарушено, – вспоминая шепот Серого, совершенно искренне ответил я.

Над поляной повисла тишина.

– М-дя, – задумчиво протянул Кли-кли и почесал крючковатый нос. – Ты ничего, слушаем, не перепутал, Гаррет?

Я бросил на гоблина раздраженный взгляд. За дурака он меня, что ли, принимает?

– Ладно, ладно! Верю! Значит, это не Серый. Не мог Серый такое сказать, ведь он на нашей стороне.

Услышав от Кли-кли такие слова, Делер не выдержал и заржал.

– Ты чего? – изумился гоблин.

– С чего это Серому быть на нашей стороне, глупый гоблин? Он на стороне равновесия, и если то, что говорит Гаррет, – правда... ну тогда нам очень повезло, что его прибил Х'сан'кор, иначе этот паренек попытался бы остановить нас любыми средствами. А я не настолько безумен, чтобы не понимать, что супротив Серого, и к тому же вампира, нам не выстоять. Нам очень повезло, Кли-кли.

– Дурак ты, Делер, – обиделся Кли-кли. – Он должен был быть на нашей стороне. Когда Неназываемый придет из-за Игл Стужи и, не дай боги, пройдет Одинокого Великана, равновесие пошатнется, а мы ведь пытаемся этого не допустить...

– Нет, Кли-кли, это настоящий Серый, – ответил шуту эльф.

– Но тогда... – протянул гоблин, покосившись на мертвеца.

– Тогда почтенный карлик прав, и нам крупно повезло – вампир погиб, захватив с собой еще и Х'сан'кору.

– Как он нас нашел? Как Орден Серых узнал о том, что мы пытаемся достать Рог Радуги?

– Ты это у меня спрашиваешь, Делер? – усмехнулся темный эльф. – Я знаю не больше твоего. У Серых свои способы узнавать тайны.

– Нам повезло, что он был один, – буркнул Алистан Маркауз.

– А если он был не один?

– Один, Гаррет, один, – успокоил меня Фонарщик. – Флини сказал...

Халлас громко фыркнул, показывая, как он относится к словам Аарроо.

– Серые ведь должны были знать, что мы достаем Рог из могильников, чтобы остановить Неназываемого, – гнул свое Кли-кли. – Почему они думают, что если Гаррет достанет его, то равновесие окажется нарушено?

– Может, они знают то, чего не знаем мы, Кли-кли? – Я вспомнил свой сон-явь, когда из-за Рога Радуги в Авендуме появилась Запретная территория. – Ведь недаром же маги Ордена спрятали Рог в Костяных дворцах?

– Но если Серые так боятся появления Рога в мире... если он так опасен... может, не стоит его доставать? – неуверенно сказал Фонарщик.

– Мы слишком далеко зашли, чтобы теперь останавливаться, Мумр, – ответил ему милорд Алистан. – Да и Орден Серых может ошибаться. До Храд Спайна полдня пути, неужели мы остановимся на границе, возле самых ворот?

– Милорд, не подумайте, я не трус, просто если пошел такой расклад и за нами прислали самого настоящего Серого...

– Никто не считает тебя трусом, Фонарщик, – перебил его Алистан Маркауз. – Тебе не меньше моего известно, как нам нужен этот Рог. Эграсса, ночь была тяжелой, и все устали. Пора останавливаться на ночлег.

– Я уже думал об этом. – Эльф убрал кристалл мертвеца к себе в сумку и поднял с травы его копье. – Давайте пройдем еще ярдов пятьсот, не стоит ночевать рядом с мертвецами.

– Мы не будем его хоронить? – Угорь вопросительно посмотрел на Алистана Маркауза.

– Нет, – хмуро ответил тот. – Иначе мы провозимся всю оставшуюся ночь, идемте.

– Лес позаботится о теле, – сказал Эграсса и ушел с поляны.

Маленький костерок, разоженный эльфом, весело трещал и плевался искрами в звездное небо. Я так и не смог уснуть и просто лежал, наблюдая за холодным мерцанием звезд. Лучник, Рачий Хвост, Свинопас, Псы Сагры... Десятки созвездий смотрели на меня сквозь ветки деревьев. Корона Севера, растянувшись на половину неба, сияла Камнем, мерцающая на небосклоне не хуже чем угли в костре.

Когда умирает эльф, на небе загорается новая звезда. Может, Эграсса и прав, поверье глупое, но сейчас я до рези в глазах вглядывался в ночное небо, стараясь рассмотреть звезду, которая должна была появиться после смерти Миралиссы. Бесплезно. Если эта звезда и появилась, то ее просто не видно из-за окружающих нас деревьев.

Падающая звездочка беззвучно рассекала ночное небо. Она пронеслась над моей головой и, в последний раз мигнув, скрылась за деревьями. Обычно когда видят падающую звезду, загадывают желание. Чего бы я хотел?

Тех, кто умер в дороге, уже никогда не вернешь. Кот навсегда остался в Харьгановой пустоши возле старого оврага. Горлопан, пускай он и оказался предателем, в подвале близ Ран-ненга. Арнх, Дядька благодаря волшебству Лафресы – на дне Иселины. Сурок в земле Пограничного королевства, пепел Эллы стал частью реки, Миралисса упокоилась под тенью елей. Все они остались где-то там... позади. Они приложили все силы, чтобы довести меня до Заграбы, не щадя своих жизней лезли в самый жар... Так пусть же этот проклятый Рог Радуги попадет ко мне в руки и Орден остановит Неназываемого. И еще... пусть больше никто из тех, кто сейчас спит возле костра, не умрет во время нашего путешествия.

Вновь холодная вспышка неба – и огненная полоса прочертила меж звезд новую огненную дорожку. Орки называют сентябрь Пор За'ралло, или месяцем Падающих Звезд.

Еще одна звезда.

Если долго-долго смотреть на небо, то за ночь можно увидеть десятки падающих звезд, которые могут стать нашими желаниями, пускай даже эти желания скорее всего никогда и не сбудутся.

Кто-то кашлянул. Я повернул голову и увидел Делера. Карлик тоже не спал. Он, нахохлившись, сидел у костерка и неотрывно смотрел на пламя. Рядом тихонько посапывал Халлас, подложив под голову мешок товарища.

Я встал, осторожно перешагнул через Фонащика и подошел к Делеру.

– Не спится?

Он оторвался от созерцания пляшущего пламени и посмотрел на меня.

– Шел бы спать, пока у тебя есть такая возможность, это мне еще час на страже стоять, пока Халлас не встанет.

– Не могу уснуть, – сказал я, присаживаясь рядом с карликом.

– Вполне тебя понимаю. После такого-то... – Он немного помолчал, а затем сказал: – Эльфийку жалко. Как-то глупо все это... нелепая смерть... от своего же волшебства...

Я ничего не сказал, да и не было в словах никакой необходимости. О Миралиссе скорбели все, хоть и старались этого не показывать. Просто... просто у Диких так заведено: когда умер друг, не давай волю слезам, а найди врага и отомсти.

Делер, кряхтя, повернулся, поднял с земли поленце и бросил его в костер. Огонь отшатнулся, потом осторожно лизнул угощение, пробуя его на вкус, а затем с голодной жадностью набросился на предложенную еду.

– Знаешь, однажды к нам в Горы карликов пришел Серый, – неожиданно начал Делер. – Это было очень давно, в последний год Пурпурных лет, когда мы уже почти победили гномов. Оставалось совсем немного до полной победы, мы уже вытеснили родственничков к Воротам Гранхеля, когда явился этот Серый. Карлики – не дураки, гостя приняли честь по чести, отвели на Совет... Серый тогда сказал, что в наших же интересах помириться с гномами, и как можно скорее, иначе через сотни лет равновесие сместится. Он предупредил, что если гномы покинут горы и уйдут, то рано или поздно вернуться. Какая-то буйная головушка сразу же сказала, что, мол, пусть возвращаются, секир на всех хватит. Ты знаешь, что сказал Серый? Что мы заговорим по-иному, когда гномы принесут в горы порох, пистолы и пушки, которые изобретут из-за того, что мы их прогоним. А еще он сказал, что когда-нибудь творения бородатых захватят люди и рано или поздно рыдать будут и карлики и гномы. Сказал и ушел. Он даже не стал дожидаться нашего ответа, хотя и доралиссу было бы понятно, каким будет ответ.

– Просто ушел? – не поверил я.

– Представь себе, Гаррет. Просто ушел. Не стал уговаривать, не стал рубить нас в капусту... Развернулся и ушел. Совет задумался, почему Серый так поступил, а потом они решили, даже если все, что он говорил, правда, то до смещения равновесия сотни лет. Серые решили ждать... Мы победили в той войне, бородатые ушли из гор в Стальные шахты Исилии, и все как-то утихомирилось на время. Поколения сменялись поколениями, эту историю в большинстве своем стали забывать... До того момента, пока гномы не изобрели этот тьмой отодранный порох. А затем пушки. Тогда-то наши умные головы вспомнили ту старую историю, а вспомнив – призадумались. Выходило, что не врал тогда Серый. Все так и было – порох, пушки... только о тех странных пистолях никто не слышал. А вот теперь я эту самую пистоль увидел в руках Халласа. Выходит, что недалек тот день, когда гномы решатся вернуться на родину... А потом и вы захапаете их оружие, и тогда нам всем придется худо... Вот...

– Зачем ты мне все это рассказал, Делер?

Карлик задумчиво посмотрел на меня:

– А тьма его знает, Гаррет. Просто рассказанная мною история доказывает, что Серые редко ошибаются, а раз тот вампир сказал тебе, что, когда мы выудим из Храд Спайна Рог, равновесие нарушится, то так оно, скорее всего, и будет.

– Он сказал: «может».

– Знаешь гномью присказку? Ты сидишь на бочке с порохом, и фитиль горит. И вся твоя надежда на то, что, может быть, пойдет дождик и потушит огонь. Ты понимаешь, о чем я толкую?

– Прекрасно, – хмыкнул я, зная, куда клонит карлик.

– Ведь этот Рог создали огры, чтобы защитить себя же от собственной магии, так?

– Так говорит Орден.

– Ну тогда не мне тебе объяснять, как опасны вещи, сотворенные в Темную эпоху.

– Так ты тоже, как и Мумр, считаешь, что Рог должен остаться там, где сейчас лежит?

На могиле Грока?

– Не знаю, Гаррет... Рог Радуги нейтрализует магию Неназываемого. Одно присутствие артефакта в Авендуме заставит колдуна отступить на веки вечные. Без магии он ничто... Так что Рог нам нужен. С другой стороны, это «может быть»... Не принесем ли мы в мир нечто более страшное? Его ведь не зря так хорошо спрятали, правда?

– Более страшное, чем Неназываемый?

– Да.

– Остается лишь довериться богам, Делер.

Карлик тихонько хмыкнул и поворошил палкой уголья, вспугнув стаю искр.

– Не надо было мне начинать этого разговора. Теперь будешь сомневаться, Гаррет. Достань этот треклятый Рог, а уж затем разберемся, что к чему... Иди спать.

– Сейчас, – сказал я и остался сидеть на месте.

– Ты видел, какое у Серого было копьё? – понимая, что я не хочу спать, спросил карлик.

– То, что забрал Эграсса?

– У нашего эльфа губа не дура, – усмехнулся карлик. – Да, именно это копьё.

– Копьё как копьё. – Я едва заметно пожал плечами. – Просто немного странное...

– Эх, люди... Вы вечно кичитесь своим превосходством над нами, но во многих вопросах словно дети малые. Странное... – ворчливо протянул Делер. – Под странным ты понимаешь форму или что-то другое?

– Форму, – ответил я, хотя знал, что мой ответ неверен.

– Так я и думал, – вздохнул карлик. – Это не совсем копьё, это краста. Им и рубят и колют. Оно довольно редко встречается, особенно в Северных землях. Это придумка Мамбары, страны, что далеко за Султанатом. Но сейчас не о том речь. Никто из вас, людей, не обратил внимания на древко и металл клинка. А Эграсса и я сразу заметили. Да и Халлас небось тоже, хоть и молчит.

– А что с древком и металлом?

– На древке древние руны. Их едва видно, но это первый язык гномов. Язык времен Великих Грахеля и Чигзана – первого карлика и первого гнома. Не спрашивай, что там написано, я воин, а не Мастер, и смог узнать всего лишь несколько рун. Таким копьём можно пробиться через любой магический щит.

– Ого!

– Вот тебе и «ого». А что до металла, который пошел на клинок... Когда-то, еще в Эпоху Сверхений, его называли Дымчатой сталью. Слышал о такой?

– Нет.

– Что и неудивительно. За время Пурпурных лет мы многое забыли. Секрет сплава утерян, и боюсь, что навсегда. А раньше... Раньше гномы и карлики работали сообща. Одни искали руду и создавали сталь, другие придавали ей нужную форму и призывали магию. Рубиновая кровь никогда не сравнится с Дымчатой сталью. Последняя резала все. Не важно, на что падал клинок – на шелковый платок, камень или на самый лучший доспех.

– Сколько же она стоила? – вырвалось у меня.

– Много, – усмехнулся Делер. – Так много, что такой клинок мог позволить себе только король, ну и Серые... Представь, что перед тобой латник первой линии. Тяжелый доспех, башенный щит. Он ничем не хуже черепахи, такого пока мечом прибьешь, семь потов сойдет... А тут ты просто замахваешься, шарахаешь латника по шлему, и клинок из Дымчатой стали разрезает человека, словно нож масло, на две одинаковые, но мертвые половинки. Вместе со шлемом, доспехами и щитом. Вот такие пироги...

– Значит, то, что взял себе эльф, сейчас очень дорого стоит.

Я заработал презрительный взгляд карлика.

– Дорого? Оно бесценно! Подари его королю и можешь просить герцогство, а также сотню кораблей, летний дворец и еще всего до кучи...

– Жалеешь, что не ты первый его взял? – хмыкнул я.

– Есть немножко, – неохотно признался Делер. – Но только немножко. Ни я, ни Халлас ростом не вышли, чтобы работать крастой. Да и секира мне намного привычнее, чем эта оглобля. Просто вдруг возникла безумная мысль: а вдруг наши мастера, изучив клинок, смогли бы изготовить точно такой же? Ладно, это бесполезный разговор, все равно без гномов у нас ничего не получится.

– Так помирись.

– Ты сам-то понял, что сейчас предложил? – фыркнул Делер. – Разбитую на тысячу осколков вазу из низинского фарфора уже невозможно собрать, как и дружбу гномов и карликов.

– Но ты ведь с Халласом дружишь?

– Мы – это особый случай. – Карлик покосился на спящего гнома. – Вылазки в Безлюдные земли... Как я могу доверять напарнику, если он не друг?

М-да, Делер и Халлас – действительно случай особый. Сейчас очень редко можно видеть картину, когда гном и карлик мирно сосуществуют друг с другом. После Пурпурных лет от былой дружбы между родичами не осталось и следа. Исход гномов из Гор карликов в Стальные шахты Исилии, битва на поле Сорна... Ничто теперь не разобьет ненависть, вспыхнувшую между двумя некогда дружественными расами.

Делер подбросил в костер новую порцию дровишек:

– Давай, Гаррет, спать, завтра трудный день, будешь как вареная рыба. Или ты берешь пример с эльфа?

– Эграсса тоже не спит?

– Угу, не спит. Он там, недалече.

– Пойду-ка я пройдуся перед сном, – сказал я, вставая с бревна.

Делер лишь махнул рукой, мол, походи.

Ночь близилась к концу, звезды потускнели, полная луна стала бледнеть. Эграссу я нашел ярдах в двадцати от лагеря. Эльф – темный силуэт на фоне светлого ствола златолиста. Эграсса сидел на земле, положив руки на колени. Его глаза были закрыты.

Под моими ногами зашелестела трава, Эграсса сделал едва уловимое движение, и вот уже на меня смотрит стрела, готовая сорваться с тетивы лука. Я замер, предоставляя эльфу возможность меня рассмотреть.

– Что ты здесь делаешь? – не приветливо спросил меня Эграсса, но лук убрал.

– Делер сказал, что ты здесь.

– И что?

Я заколебался. Действительно, «и что»? Какой тьмы я сюда приперся? Желтые глаза внимательно следили за мной.

– Мне тоже жаль, что так случилось с Миралиссой.

Молчание.

– У нее ведь есть дочь?

– Откуда ты знаешь?

– Она мне сама говорила, Эграсса.

– Говорила... Она очень сильно надеялась на вас, людей... уважала и считала, что вы не так уж плохи, просто сами не знаете об этом... Большинство эльфов так не считают. Ей не следовало покидать дом. Нам никому не следовало этого делать.

– Я...

– Просто достань этот Рог, Гаррет. Просто достань. Докажи и мне, и моим родичам, что Миралисса не ошибалась. Ступай, ты мне мешаешь.

Вот и весь сказ. Кто поймет, что на душе у этих эльфов?

– Гаррет! – окликнул он меня.

– Да?

– Так ты добудешь Рог?

– Добуду.

– Без сомнений и колебаний?

– Без сомнений и колебаний, – помедлив, ответил я ему.

Эграссу мои слова вроде убедили, во всяком случае, он больше не сказал ни слова.

Когда я вернулся к костру, Делер уже спал. Стражу нес Халлас. Услышав меня, гном вскинулся, схватился за мотыгу, но, узнав, неодобрительно плюнул в костер.

– Так и до разрыва сердца можно довести, Гаррет, – пробурчал он.

Я виновато развел руками, завернулся в одеяло и провалился в сон без всяких сновидений.

– Теперь можно не опасаться Первых. – Эльф оперся на свое новое оружие.

– Зато следует опасаться людей Балистана Паргайда, их больше двадцати человек. – Милорд Алистан проверил, хорошо ли выходит меч из ножен.

– И Лафреса, – напомнил Кли-кли. – Она стоит двадцати воинов.

Шут прав: Лафреса опасна, особенно теперь, когда рядом с нами нет Миралиссы.

– Идемте, только тихо, до ворот осталось совсем немного, – предупредил нас Эграсса и двинулся в путь.

Мы шли по роще, где росли одни златолисты. Эти деревья были не чета тем, что мы видели раньше. Огромные древние стволы больше пятнадцати ярдов в обхвате, кроны деревьев уносились на недостижимую высоту и, казалось, подпирали само небо. Из земли кое-где торчали оранжевые корни, каждый толще бедра взрослого мужчины раза в четыре. Сквозь золотистые кроны на землю падали копы солнечных лучей, пронизывающие не разошедшуюся с утра туманную дымку. Вот именно такой я представлял Заграбу в своем воображении – величественной и прекрасной.

Тр-rrrrrrr... Тр-rrrrrrr...

– Эк дятел старается, – уважительно крикнул Делер.

– Тихо! – просипел Эграсса, вслушиваясь в лесной шум.

Ветер тихонько шелестел в кронах недовольно ропщущих златолистов, дятел без устали добывал себе пропитание, оглашая лес звонким «тр-rrrrr». Щебетали птички, в траве гудели насекомые, лес жил своей жизнью, словно сейчас не начало осени, а середина лета.

– Люди... близко.

Эльф прислонил красту к дереву, натянул на лук новую тетиву и достал из колчана стрелу.

– Я пойду проверю... Если услышите шум, будьте готовы...

– Угорь, иди с Эграссой, – приказал Алистан Маркауз.

– Да, милорд. Гаррет, одолжишь арбалет?

– Уже заряжен. – Я протянул гарракцу оружие и два дополнительных болта.

– Если все в порядке, я свистну, – сказал Эграсса. – Угорь, за мной.

Эльф и человек скрылись в густых зарослях можжевельника. Довольно долго не было слышно ничего, кроме звуков леса, и все напряженно вслушивались в птичьи трели и шелест ветвей. Наконец до нас долетел приглушенный расстоянием свист.

– Вперед! – скомандовал Алистан Маркауз. – Кли-кли, не путайся под ногами.

– Когда я путался-то? – проворчал Кли-кли, обнажая метательные ножи. – Это Гаррет путается.

Я усмехнулся, но ничего не сказал и взял в руки копьё эльфа.

Эграсса и Угорь ждали нас на маленькой тенистой поляне, окруженной кольцом золотистых листьев. У меня даже возникла мысль: а по воле ли природы растут эти деревья? Слишком ровный, слишком идеальный круг они образовывали. Казалось, что от всего остального мира поляну защищает мощная темно-оранжевая стена древесных стволов. В самом центре поляны находился холм. Высотой он был в пять человеческих ростов. Эдакий прыщ на теле земли.

Возле холма стояли Эграсса и Угорь, а у их ног лежали трое. Люди. Двое из троих покойники – стрелы эльфа без труда пробили кольчуги людей Балистана Паргайда. Одному стрела попала прямехонько в сердце, другому, до сих пор сжимающему в руке малый топор, в глаз. Третий человек был жив – он корчился с арбалетным болтом в ноге.

– Кто тут у вас?

– Это мы и пытаемся узнать, милорд, – хмыкнул Угорь и передал мне арбалет. – Первого Эграсса сразу пристрелил, второй схватился за топор и получил в глаз. А третий... третий решил сбежать, пришлось продырявить ему ногу.

– Кто вы и что здесь делаете?! – резко спросил у пленного Алистан Маркауз.

Тот только скулил и держался за пробитую ногу.

– Да что вы, милорд, как будто и так не знаете?! – удивился Кли-кли. – Это псы Балистана Паргайда, по розам же видно!

– Сейчас он все расскажет. – Эльф наступил человеку на раненую ногу, тот взвыл от боли и потерял сознание.

Халлас достал флягу с водой и плеснул человеку в лицо. Никакого эффекта. Пришлось отвесить пару пощечин. Человек вздрогнул и открыл глаза.

– А теперь мы поговорим. – Эльф приставил к груди человека кривой кинжал. – Сколько вас?

– Что? – Человек облизал пересохшие губы.

– Сколько вас? – повторил свой вопрос Эграсса и кольнул человека кинжалом.

Это подействовало.

– Трое, нас было только трое! Не убивайте, милорды! Я все скажу! – зачастил человек, расширенными глазами смотря на темного эльфа.

– Где остальные?

– Они все... ушли.

– Врешь. – Эграсса вдавил кинжал.

Человек взвизгнул и заорал:

– Я говорю правду, они все ушли, а нас оставили охранять! Я ничего не делал, правда! Не убивайте!

– Может, этот хмырь и вправду ничего не знает? – прогудел Делер.

– Как же! Эграсса, оставь его на меня, я живо выбью из него эту дурь! – предложил Халлас, свирепо вращая глазами.

– Куда они ушли? – не обращая внимания на предложение гнома, спросил Эграсса.

– В могильники, они все ушли в эти тьмой проклятые могильники, милорд эльф!

– Когда?

– Два дня назад.

– Сколько человек туда спустилось?

– Десять.
– Врет, – сказал Кли-кли, сделав в уме нехитрые подсчеты.
– Это уже не важно... Граф тоже ушел со всеми?
– Да, милорд.
– А женщина? – вырвалось у меня.
– Ведьма? И она с ними. Это все она придумала! Это она решила спуститься туда!
– Зачем они туда пошли? – Эграсса безжалостно продолжил допрос.
– Нам не говорили. Мне и ребятам просто надо было находиться здесь и ждать, когда вернутся остальные, вот и все. Я больше ничего не знаю!

– Очень жаль, – сказал эльф и погрузил кинжал человеку в грудь по самую рукоять. Пленный вздрогнул и затих. Эграсса без всяких эмоций выдернул кинжал из тела и вытер его об одежду мертвеца.

– Зачем его надо было убивать? – недовольно спросил Фонащик. – Он же сдался.
– Что нам делать с пленным? – Эльф зло сверкнул глазами. – Он прибавил бы нам лишних забот. К тому же в одну прекрасную ночь человек мог попытаться прирезать нас.
– Делер, Халлас! – Алистан Маркауз подозвал карлика и гнома. – Похороните этих троих. Нам здесь долго торчать незачем.

На том разговор и прекратился, разве что Халлас с Делером недовольно бурчали, что они солдаты, а не могильщики.

– Ну и как тебе это, Гаррет? – спросил у меня Угорь, когда я отошел в сторону.
– Эльфы. – Я пожал плечами, думая, что меня спрашивают о том, как я отношусь к недавнему убийству.

– Да я не об этом, – поморщился Угорь. – Я про спуск в Храд Спайн.
– А где он? – брякнул я.
Кли-кли трагически вздохнул:
– Гаррет, ты безнадежен! А это что такое, если не спуск?
– Холм?! – изумился я.
– Холм, – скорчив рожицу, передразнил меня Кли-кли. – Ты разуи глаза-то! Какой, подавись костью, холм?! Иди обойди его!

– Ладно, ладно! Только не вопи, – успокоил я его. – От твоего визга у меня голова раскалывается.

Это действительно был спуск в Храд Спайн, по крайней мере, при более внимательном изучении холм оказался рукотворным строением. Неудивительно, что я ошибся – за давностью постройки (как-никак начало Темной эпохи!) задняя сторона сооружения поросла травой и кустами. Когда я обошел холм и оказался с другой стороны, то понял, что с эпохой немного приврал. Конечно же ворота были не из времен Темной эпохи (хотя именно в это время неизвестные существа заложили первые и самые глубокие ярусы Храд Спайна). Ворота появились намного позже – во времена расцвета эльфов и орков. Просто когда в Костяных дворцах пробудилось древнее зло и эльфы с орками (а затем и люди) оставили могильники на растерзание времени, ворота пришли в упадок и поросли лесом. Ведь раньше здесь не было никакой Заграбы и уж тем более Золотого леса. Просто за несколько тысячелетий деревья наступали. Наступали до тех пор, пока не поглотили ворота и не спрятали их от чужих глаз.

С этой стороны холм как будто вертикально резанули ножом. И вместо травы и кустов здесь зиял прямоугольный вход высотой в три человеческих роста. Солнечные лучи падали на каменный пол, под углом уходящий во тьму.

Я поежился.

– Ну и как тебе это, Гаррет? – вновь спросил меня гарракец.
– Неужели мы дошли? – Мне до сих пор в это не верилось.

– Еще как дошли! Вот смотри! – Кли-кли подбежал к входу, сунул туда голову, нисколько не боясь, что кто-нибудь ее откусит, и громко крикнул:

– Бу!

– У... у... у... у! – ответило гоблину эхо.

– Ты это, Кли-кли... – К нашей компании присоединился Фонарщик. – Поостерегся бы глупости делать.

– Да не бойсь, Мумр, не сожрут! – беспечно отмахнулся от него шут. – Это всего лишь вход, коридор тянется на тысячи ярдов, постепенно уходя вглубь. Отсюда до первого яруса еще топать и топать.

– Ты просто знаток, Кли-кли. А не скажешь мне тогда, что написано над входом и что это за статуи по бокам?

– Орочьим не владею, Гаррет, это ты у Эграссы спроси, чего тут накалякано. Что до статуй, то это никакие не статуи. Их вытесали прямо из камня, видишь? Да и разрушены они слишком сильно, теперь уже и не определишь, кого они изображали.

– Эй вы! Историки! – крикнул Халлас. – Пошли лагерь обустраивать, наглядитесь еще!

– Итак, – начал Алистан Маркауз, когда все (кроме Фонарщика и Угря, отправленных на дежурство к входу в Храд Спайн) собрались. – Балистан Паргайд с людьми уже внизу.

– Чтоб их там кто-нибудь сожрал! – искренне пожелал нашим врагам добрейший гoblin Кли-кли.

– Они опережают нас на два дня, вор. У тебя ведь есть карты Костяных дворцов, как думаешь, где сейчас они могут быть?

– Дворцы или люди? – бесхитростно влез в разговор шут и сразу же получил от милорда Алистана сердитый взгляд.

– Где угодно, милорд, – подумав, ответил я графу. – Уже на первом ярусе начинается настоящий лабиринт, если у них нет карт...

Все и так поняли, что я хотел сказать. Без карты в Костяных дворцах вы гарантированно покойник. По счастью, у меня карты были, не зря я в свое время полазил по Закрытой территории Авендума. Так что дорогу до восьмого яруса, где находится могила Грока и Рог, я найду. То есть я смогу найти дорогу, но вот доберусь ли до цели?

– Думаю, надо выступать немедленно. – Алистан Маркауз дернул себя за ус.

– Скоро ночь, милорд. Давайте подождем до утра, – осторожно начал Халлас. – Нечего по темноте лезть в эту дырищу.

– Ночь, день... Какая разница, Халлас? Там, внизу, все равно вечная ночь. Паргайд и эта женщина хотят опередить нас и взять Рог, чтобы принести его Хозяину.

– Они не смогут опередить нас, милорд. – Я, сам того не замечая, язвительно усмехнулся. – У них нет Ключа, а без Ключа им не открыть Створки третьего яруса. Если у них нет карты и Лафреса решит идти в обход... Ну что же, это займет у них пару месяцев.

– Пару месяцев? – недоверчиво переспросил Делер.

– Под нами Храд Спайн. – Эграсса постучал ногой по земле. – Не хочу разрушать твои радужные иллюзии, Делер, но Костяные дворцы намного больше всех ваших подземных городов в Горах карликов. Храд Спайн похож на гигантский слоеный пирог, он растянулся на десятки лиг в глубину и ширину. Здесь поработали огры, орки, люди и еще неизвестно кто. Так что Гаррет прав. Если идти не через Створки, можно потерять очень много времени, ища обходные пути.

– И нарваться на очень ба-а-альшие неприятности, – вякнул Кли-кли.

– Так ты тоже предлагаешь подождать до утра? – спросил капитан у эльфа, не обращая внимания на гоблина.

– Лучше идти отдохнувшими.

Крыса поджал губы и нехотя кивнул.

– Ладно, так и поступим. Тогда давайте решим, кто пойдет с Гарретом, а кто останется снаружи.

– Думаю, это решать Гаррету. – Эграсса посмотрел на меня.

– Решать должен вор? – изумился Алистан Маркауз и посмотрел на эльфа – не шутит ли тот.

– Именно. Ему лучше знать, кому следует идти с ним, а кому остаться.

– Ладно, – процедил граф. – Что скажешь, вор?

Я набрал в грудь воздуха и изрек:

– Со мной никто не пойдет.

– Что?! Ты совсем ошалел?!

Я боялся, что Алистана Маркауза хватит удар.

– Нет, милорд Алистан. – Я решил сказать все, что думал о безумной идее совместного похода в Храд Спайн. – Когда вы вели нас от Авендума, я не вмешивался, милорд, и делал то, что вы говорили. А когда мы шли по Заграбе, даже вы прислушивались к Эграссе. Мне не нужны спутники в Костяных дворцах. Вы для меня будете только обузой.

– Мы воины, Гаррет, а не обуза, – с обидой произнес Делер. – Кто тебя спасет от тех же зомбиков?

– Вот в том-то и дело, Делер, – вздохнул я. – Один я проскользну мимо покойника незамеченным или просто убегу, а с вами я буду ввязываться в каждую стычку. Я не смогу там присматривать еще и за вами.

– Мы сами можем за собой присмотреть, вор. – Алистану Маркаузу не очень нравилось то, что я говорил. – Как я буду тебя охранять, если останусь здесь?

– Вы довели меня до Храда Спайна и выполнили свой долг, милорд. К тому же, как говорят, нижние ярусы затоплены и придется плыть, а на вас слишком много железа.

– Значит, мне придется снять доспехи.

– Милорд, я пойду быстро, а с вами... Просто не мешайте мне выполнять Заказ.

– А люди Балистана Паргайда?

– Шанс встретить их в таком лабиринте не высок.

Пришлось еще целый час доказывать, что мне проще идти в одиночку. Милорд Алистан скрипел зубами, хмурился, но все же в конце концов сдался.

– Хорошо, вор, будь по-твоему. Хотя я не очень доволен своим решением.

На языке у меня вертелась колкость, но я благоразумно промолчал. Нечего злить милорда Крысу по пустякам.

– Карты Храд Спайна у тебя? – спросил Кли-кли.

– Да, – вздохнул я.

С самого утра гоблин доставал меня похлеще, чем компания жрецов, рассказывающих высокобожественную чушь.

– А как с факелами?

– Две штуки.

– Издеваешься? – ядовито осведомился шут.

– Нисколько. Двух факелов мне вполне хватит, чтобы добраться до первого яруса.

– А дальше будешь идти на ощупь?

– Ты же сам мне говорил, что в подземных дворцах достаточно света.

– Если магия еще работает, а если нет? Да и не везде в Храд Спайне дворцы...

– У меня есть «огоньки».

– Так чего же ты мне голову-то морочишь?! Сразу не мог сказать? – не на шутку рассвирепел Кли-кли. – Ладно, как с едой?

– Кли-кли, ты нарочно меня доводишь? Ты уже два раза спрашивал! – застонал я. – У меня два десятка сухарей. Я две недели могу не думать о еде.

– Теплая одежда?

– Угу.

Тьма знает, каково на большой глубине. Я взял у Угря шерстяной свитер двойной вязки. Такие свитера Дикие Сердца надевают во время зимних патрулей по Дремлющему лесу. Греет сия одежда не хуже чем печка. А уж самое главное достоинство – это то, что свитер можно свернуть в настолько тоненький и махонький сверток, что он без всякого труда поместится в полупустой холщовой сумке, переброшенной через плечо.

– А ты...

– Хватит, Кли-кли! – взмолился я. – Ты своими вопросами меня в могилу загонишь! Сделай перерыв хотя бы на полчаса.

– Через полчаса ты уже будешь вне пределов моей досягаемости, – возразил мне Кли-кли и безжалостно продолжил: – Стих помнишь?

– Какой?

– И он меня еще спрашивает? – трагически воззвал к небесам шут. – Забыл тот свиток, что показывал на совете у короля?

– А! Ты о стишке-загадке? Прекрасно помню.

– Повтори.

– Кли-кли, поверь, я его прекрасно помню.

– Тогда повтори. Ты что, не понимаешь, что этот стих – ключ ко всему? Там говорится о том, чего нет в картах.

– Тьма с тобой. – Проще рассказать, чем спорить с премерзким гоблином. – Тебе с самого начала?

– Лирику можешь опустить.

– Ладно, – прорычал я. – Но если после этого ты от меня не отстанешь, я самолично тебя придушу.

Пришлось напрячь память и пересказать Кли-кли стих-загадку.

Обнаружил я этот стишок совершенно случайно. Он был нацарапан на маленьком клочке бумажки, затерявшемся среди бумаг и карт Храд Спайна, найденных в заброшенной башне Ордена. Стишок написал маг, относивший Рог Радуги в Костяные дворцы. И чего уж скрывать, благодаря сему литературному творению я мог увидеть свой будущий путь, просматривая карты Костяных дворцов во время вечерних остановок отряда.

– Сойдет, – довольно кивнул Кли-кли после того, как я закончил декламировать последнее четверостишие. – Не забывай про стих. И, кстати, помни, что один отрывок изменен, но, впрочем, я тебе уже говорил. В Книге Пророчеств...

– Я помню, – поспешно перебил я его. Вот не поверите, сейчас мне хотелось одного – побыстрее сбежать в Храд Спайн, чтобы не слышать наставлений Кли-кли.

– Бяка ты, Гаррет, – обиделся Кли-кли. – Я же хочу как лучше! Ладно, фиг с тобой, потом вспомнишь доброту гоблина, но будет поздно. Наклонись.

– Чего? – не понял я.

– Наклонись ко мне, говорю! Я слишком мал, чтобы до тебя дотянуться!

Пришлось исполнить, что он просил, хотя я ожидал от шута прощальной каверзы. Кли-кли встал на цыпочки и надел мне на шею медальон в виде капельки. Тот самый, что он нашел в Харьгановой пустоши на могиле мертвой волшебницы. Медальон обладал воистину бесценным свойством – он нейтрализовывал боевые заклятия шаманства, направленные непосредственно на его владельца.

– В былые времена эльфы и орки понаставили во дворцах магических ловушек. А эта штука сможет тебя обезопасить хотя бы от некоторых.

– Спасибо, Кли-кли, – проникновенно поблагодарил я его за внезапную щедрость.

– Ты мне его назад принеси, – ворчливо сказал гоблин. – Да и себя заодно притащи, и лучше с Рогом.

Я хмыкнул.

– Ну что, вор, пора, – сказал милорд Алистан.

– Да, милорд. – Я в десятый раз мысленно пробежался по снаряжению, проверяя, не оставил ли чего, и забросил арбалет за спину. – Ждите меня две недели. Если ничего не случится, я вернусь.

– Мы подождем три недели.

– Хорошо. Если не вернусь к этому сроку, уходите.

– Если ты не вернешься к этому сроку, пойдет кто-то другой. Без Рога я к королю не вернусь.

Я кивнул. Милорд Крыса – человек упорный и не отступит, пока не будет так, как он хочет.

– Вот, Гаррет. – Эграсса протянул мне браслет из красной меди. – Надень его на руку.

Браслет как браслет, правда, очень старый и с орочьими поистершимися рунами.

– Что это?

– По нему я буду знать, что ты жив и где находишься. К тому же он даст тебе безопасный проход через стражей Кайю.

Я изумленно воззрился на эльфа, но тот лишь пожал плечами и улыбнулся.

– Говорят, что он защищает, его для этого и создавали, но не больно-то на него рассчитывай. Лично я не проверял.

Я благодарно кивнул и надел браслет на левую руку. Видно, Сагот решил, что сегодня Гаррет должен быть при побрякушках. Ну и плевать, в тишке упоминались стражи Кайю, а раз эльф считает, что браслет спасет меня от слепых сторожей эльфийских гробниц, следует с благодарностью воспользоваться предложенным подарком.

– Да помогут тебе боги, – пожелал мне эльф на прощание.

– Не подведи своего короля и свое королевство, Гаррет, – напыщенно произнес милорд Алистан, в кои-то веки назвав меня по имени.

– Удачи! – Угорь крепко пожал мне руку.

Делер и Мумр поступили так же. Халлас помялся, попыхтел, а потом протянул мне пистоль:

– Вот! Последняя. Бери, что ли?

– Спасибо, Халлас, но лучше не стоит. От нее слишком много шума, да и, если ярусы затоплены, порох отсыреет, – отказался я.

– Удачи, Танцующий в тенях, – шмыгнул носом шут.

– Ждите меня через две недели, – сказал я им еще раз и, развернувшись, пошел к черному провалу, ведущему в сердце древних могильников.

Глава 4

Дорога к створкам

Факел шипел и яростно плевался. Видно, он не очень-то хотел, чтобы я тащил его за собой в мрачную тьму подземелья. Что же, вполне понимаю его отчаянное нежелание следовать со мной. Самоубийц, по собственной воле спускающихся в заброшенные могильники, можно пересчитать по пальцам одной руки (может, я привираю, но таких людей действительно не так уж и много).

Два раза я останавливался и оборачивался назад. В первый раз это случилось, когда я прошел по коридору не больше ста пятидесяти шагов. Просто захотелось в последний раз посмотреть на солнечный свет. Далеко-далеко позади виднелся маленький светлый прямоугольник. Выход. Там, за спиной, остался мир солнца, мир живых, а под ногами лежал мир тьмы и мертвых. Когда я обернулся во второй раз, свет уже пропал и за спиной была одна лишь тьма.

Пол шел под уклон, уходя все глубже и глубже под землю. Абсолютно пустой коридор, стены выложены желтым песчаником или очень похожим на него камнем. Под потолком гулял легкий сквознячок, но этого было достаточно, чтобы от каждого дуновения пламя факела дрожало и бесновалось. Моя тень, огромная и черная, плыла по стене, отзываясь на призывное дрожание огня факела. Спустя какое-то время на стенах появились картинки и надписи на оро-чем языке. Поначалу они были тусклы и едва заметны (несмотря на вековую тьму, власт-вующую здесь, краски, которыми были сделаны картинки и надписи, сильно выцвели), но сто-ило пройти еще двести ярдов, и уже можно было различить изображения и буквы. На первые я не очень-то засматривался, вторые просто не понимал. Лишь однажды, когда факел высветил из тьмы огромную эпическую битву огров и созданий, как две капли похожих на тех, что были изображены на шкатулке Балистана Паргайда, где ранее хранился Ключ, я остановился. Полуп-тицы-полумедведи сражались с ограми меж стилизованно нарисованных деревьев. Внизу была какая-то подпись закорючками, но что она говорила, для меня так и осталось тайной.

Я пошел дальше, оставив картину далеко позади себя. Еще тысяча ярдов, и стены запестрели от изображений и ярких красок, которые отчего-то были неподвластны зубам времени. Тьма давила, и я возблагодарил богов, что у меня есть свет (хотя, с другой стороны, свет мог принести мно-о-ожесть неприятностей своему владельцу, в особенности если его увидит кто-нибудь большой и в меру голодный).

Шел я уже достаточно долго, в коридоре не было ответвлений, и он лишь все сильнее и сильнее вгрызался в землю. Вот уж не знаю, как глубоко я спустился, но не преминул вознести искреннюю благодарность Саготу за то, что не испытываю страха перед глубиной.

Шаги гулким эхом отражались от пола, бились о стены и затихали под высоким потолком. Факел стал затухать, и пришлось остановиться, чтобы зажечь новый. Я и не заметил, как быстро пробежало время. Сколько же я топаю по этому коридору, если у меня погас факел? Я отбросил старый факел к стене и пошел дальше. Что удивительно, здесь не ощущалось холода, запаха сырости и затхлости. Сухой теплый воздух дул в лицо, поднимаясь вверх, к выходу. Откуда на такой глубине дует ветерок, я задумываться не стал. Вентиляционные шахты, магия или что-то другое? Тьма его знает. Ну дует и дует. Главное, что не кусает.

Начались лестницы. Вначале маленькие, не больше трех-четырех ступеней, затем все длиннее и длиннее. Коридор, лестница, вновь сто ярдов коридора и новая лестница. Все глубже, все ниже, все темнее.

Я решил сделать перерыв и остановился. Прислонился к стене, пристроил факел так, чтобы он не погас, вытянул ноги и глотнул воды из фляги. Подумать только, столько протопал,

а до первого яруса до сих пор так и не дошел. Я передохнул, затем извлек из сумки дрокр, развернул его и достал старые карты Храд Спайна. Не знаю, где я сейчас нахожусь, но скоро коридор начнет закручиваться спиралью. Шесть огромных витков, уводящих в бездну, к первому ярусу Костяных дворцов. А мне нужно еще дальше – на восьмой ярус. Именно там находится могила полководца Грока, на погребальном камне которой и лежит Рог Радуги.

До восьмого яруса долгие и тяжелые дни пути. В лучшем случае неделя. Неделя до восьмого, а сколько же идти до сорок восьмого? А еще глубже, туда, где ярусы не имеют названий и куда не входили живые существа вот уже девять тысячелетий?

Коридор повернул, затем еще раз. Я накручивал круги, спускаясь все глубже и глубже.

Свет высветил очередную надпись, и я остановился как вкопанный. Надпись была на человеческом языке. Я приблизил к стене факел. Так я и думал – буквы темно-ржавого цвета. Писали кровью. Кто-то очень старательно, большими буквами, вывел всего лишь два слова: «НЕ СПУСКАЙСЯ!» Я постоял перед этим предупреждением, прошел несколько шагов вперед и наткнулся еще на одно слово – «УХОДИ!». Кто-то не пожалел ни времени, ни собственной (надеюсь) крови, чтобы предупредить таких, как я, о том, что живым здесь делать нечего. Спасибо за предупреждение, неизвестный парень, но мне отступать уже поздно. Придется идти вперед и выполнять Заказ короля.

Еще спустя вечность, после шестого витка, в коридоре стало светлеть. Поначалу я подумал, что это обман зрения, но тьма пропала, уступив место густым сумеркам. Спустя двести шагов в коридоре заструился слабый серый свет, казалось, что его излучают стены. Видимость стала вполне приемлемой, и пришлось побороться с самим собой, чтобы не затушить факел прямо сейчас. Сагот знает, может быть, свет в коридоре – это явление временное, брошу факел, а через сто ярдов вновь стемнеет и мне придется за ним возвращаться. Но не темнело! Сейчас пол под ногами накренился еще сильнее, он уже стал напоминать крутую горку. Приходилось идти очень осторожно и медленно, чтобы, не дай Сагот, не оступиться и не поехать вниз на заднице. Свет никуда не делся, и, немного поколебавшись, я отбросил факел в сторону. Горка внезапно кончилась, пол стал горизонтальным, коридор повернул, и я увидел то, что уж и не чаял увидеть, – вход на первый ярус Костяных дворцов.

Ну, с входом я немного загнул, от входа как такового совершенно ничего не осталось. Лестница, соединяющая Преддверье Храд Спайна с первым ярусом, обвалилась, и от нее осталась только верхняя часть, ведущая вниз, в зияющий провал в полу.

Я аккуратно подошел к дыре и глянул вниз. М-дя, как говорит мой достопадный дружок Кли-кли, когда ему что-то очень не нравится. Четыре ступеньки – и пустота. Пол находился от меня на расстоянии восьми ярдов. Обломки лестницы грудой камней лежали внизу. Странно все это... Очень странно... Какая гадина ее обрушила?

Да-да, именно обрушила, как иначе объяснить тот факт, что уцелевшие ступеньки лестницы изрядно покрыты копотью, а порой и оплавлены. Кто-то просто не хотел, чтобы я спустился вниз, и предусмотрительно накрыл лесенку заклятием. Имя этому «кому-то», вне всякого сомнения, Лафреса. Вот только я немножечко не понимаю логики служанки Хозяина. Во-первых, неясно, каким боком она вместе с Балистаном Паргайдом и его людьми теперь собирается возвращаться назад. Во-вторых, с ее стороны по меньшей мере очень странно думать, что я не смогу спуститься. Нет, конечно, прыгнуть с такой высоты – это прямой путь к превращению собственных костей в мелкое крошево, но ведь кроме прыжков существуют и другие способы оказаться внизу. Например, эльфийская веревка-паутинка, прилипающая к любой поверхности и самостоятельно втаскивающая своего хозяина на любую высоту.

Лафреса отнюдь не дура, и уж она-то была уверена, что я смогу спуститься на первый ярус. Значит, дело тут нечисто и меня поджидает теплая встреча с королевским оркестром и глашатаями. Лучше сто раз убедиться, что никакой опасности нет, а затем уже лезть в глотку к демону.

Пришлось лечь на пол и свеситься в дыру, дабы изучить место будущего приземления со всей тщательностью и кропотливостью. М-дя. Ничего не изменилось. Великолепно освещенный коридор с горящими факелами на стенах и груда камней, осколков и мелкой пыли на полу. Что до горящих факелов – здесь все понятно, они горят несколько тысячелетий и будут гореть еще столько же. Шаманство не дает погибнуть огню, и я очень надеюсь, что, чем глубже я буду спускаться, тем больше света окажется в залах, иначе даже на «огоньках» я долго не протяну. Но об освещении поговорим как-нибудь потом, сейчас меня уж очень сильно смущает это странное разрушение лестницы.

Пришлось залезть в сумку на поясе и выудить пробирку с магическим реактивом. Я вновь лег на живот и пролил несколько капель вниз, прямо на груды обломков.

То, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Я, по правде говоря, от неожиданности едва не сверзился вниз. Потому как на груде обломков сидело существо. До этого оно было накрыто магическим заклятием, и, пока я не поплескал волшебной жидкостью, сия тварь казалась невидимой. В общем, она разлеглась как раз под дырой и, раззявив пасть, терпеливо ждала, когда к ней спустится ужин. Нисколько не удивлюсь, что это чудовище родилось в очаровательной, но несомненно безумной голове Лафресы. Ну не может существовать в мире тварь, состоящая исключительно из одной пасти и рядов, рядов, рядов ослепительно белых кинжалов-зубов! В принципе если очень постараться и порядком поднатужиться, то в глотку сей голодной твари вполне можно запихать рыцаря на лошади.

Коварная бестия эта Лафреса. Такой великолепный капкан собиралась мне устроить. Прямо так и представляю, как спускаюсь по веревочке вниз и с превеликим изумлением оказываюсь в желудке очень голодного создания. Какой бесславный конец, да еще и на первом ярусе Костяных дворцов!

Ну и что прикажешь с тобой делать, тварь голодная? Ишь как ощерилась! Захотелось лупануть из арбалета ей прямо в глотку, но, боюсь, тут нужен не арбалет, а целая баллиста. Обычным болтом ее не возьмешь. Да и медальон Кли-кли, вероятно, будет бесполезен против такой дури.

Я со злости пошарил по полу, поднял каменный осколок от лестницы размером чуть больше моего кулака и швырнул точнехонько в середину разверзнутой пасти. Капкан сработал идеально – стоило камню упасть, и рот твари резво захлопнулся.

– Клац!

Чтоб у тебя несварение желудка случилось!

Камень пасти не понравился, и чудовище, оглушительно «чпокнув», исчезло.

Это еще что за?.. Капкан на один раз? Сработал и больше не нужен?

Но я слишком подозрительная натура, чтобы вот так просто купиться на внезапное исчезновение создания. Поэтому я не пожалел еще нескольких капель эликсира, обнаруживающего скрытые ловушки магического содержания. Никакого эффекта. Пасть действительно приказала долго жить.

Спускался я по веревке все же с некоторой опаской. Тьма знает, а вдруг тварь вернется в самый неожиданный момент и оттяпает мне ноги? Поэтому для собственного успокоения и душевного равновесия, когда до пола оставалось не более двух ярдов, я отцепил от веревки руку, залез в сумку и бросил на пол заготовленный булыжник. Камень громко стукнулся об пол, тем самым доказав, что внизу меня никто не поджидает. Я спустился, мысленно приказав веревке отцепиться, а затем смотал паутинку и прикрепил к поясу. Что же, пора в путь.

Сейчас я находился в небольшом пустом зале с восемью горящими факелами. В каждой стене было по проему, и мне пришлось потратить несколько секунд, чтобы сориентироваться с планами. Где север, а где юг, на такой глубине определить было попросту невозможно, но, на мое счастье, зал Прихода, как его называли на картах, обладал очень четким указателем для всех тех, кто по глупости решил наведаться в Костяные дворцы. Правда, для того чтобы

определить стороны света, пришлось задрать голову к потолку. Там чьими-то умелыми руками была выложена огромная стрела, говорившая путнику, где находится север. Судя по стрелке, мне нужно идти в правый дальний проем.

По закону всемирного свинства именно этот проем вел в самый темный и самый узкий коридор. К тому же в отличие от трех других – широких и более светлых, этот поднимался вверх, а не шел вниз. Я остановился перед выходом и внимательно прислушался. Ни шороха. Ни звука. Лишь в четырех десятках шагов от меня горит одинокий факел. Сюда ли мне? Пришлось лезть в сумку и сверяться с картами. Да, вроде сюда. Я вновь бросил тоскливый взгляд в более приветливые коридоры, но делать нечего, карта не врет.

Проход в следующие залы построили таким узким, что плечи касались стен, и мне приходилось, словно крабу, идти полубоком. К тому же, излишне напуганный рассказами о пробудившемся зле костей огров, я часто останавливался и вслушивался в тишину. На мое счастье, тишина так и оставалась тишиной, никаких посторонних и необъяснимых звуков я не слышал. Я прошел мимо первого факела, второго, третьего. Коридор все так же едва заметно вел вверх, и я все сильнее начинал беспокоиться, что иду не туда, даже несмотря на то, что карта показывает именно это направление. Восьмой уровень, насколько я мог представить, должен находиться ниже первого, а не выше его. Надо мной Заграба, а не сердце могильников. Возле седьмого факела я остановился и попытался вытащить его из гнезда. Бесполезное занятие – сидит как влитой и даже не шевелится. Ну и тьма с ним, я и так найду дорогу!

Подъем завершился, коридор под прямым углом вильнул в сторону и вывел меня на маленькую площадку с двумя ответвлениями. Здесь так же светло, как и в первом зале, и сверяться с картой не было нужды, я и так помнил, куда надо идти.

Дорога до лестницы, ведущей на второй ярус, заняла у меня шесть часов. Не так уж и много, если разобраться. Скажу честно, первый ярус меня не очень-то и впечатлил. Не могу соврать, что я разочаровался, но слухи о Храд Спайне оказались излишне преувеличены. Никаких зубов, клыков, голодных ртов, вековой тьмы и тому подобного стандартного набора страстей и ужастей я, слава Саготу, не встретил. Очень надеюсь, что во время всего последующего пути дорога будет такой же скучной и унылой. Собственно говоря, от первого яруса нельзя было ожидать ничего другого. На первом даже люди никогда и никого не хоронили, он скорее являлся проходным двором, да и до ярусов огров отсюда далековато, а Створки третьего яруса надежно защищали верхние уровни от глубинного зла. Захоронения людей начались на втором и в меньшей степени на третьем уровне (где хоронили покойников в обход Створок). Ну и на шестом, где лежали кости воинов-героев. Могила Грока, находящаяся на восьмом ярусе, скорее исключение из правил.

Весь первый ярус оказался переплетением залов, коридоров и комнат. Дважды я запутывался, сверялся с картой и возвращался назад, ища нужное ответвление. Везде меня встречали унылые стены из серого базальта, ничем не украшенные, а порой и небрежно обработанные. Три раза я наткнулся на лестницы, ведущие вниз, во тьму, но разумно избегал по ним спускаться. Неизвестно, в какие дали они могли меня завести, к тому же в картах о них не было ни слова. Четырежды я делал остановки и отдыхал, унылость и полумрак этого места нагоняли смертельную тоску, глаза и голова нещадно болели, ноги ныли, и когда я дошел до нужной лестницы, то вздохнул почти что с облегчением.

Тишина молчаливых залов давила на уши, хотелось завывать, лишь бы услышать хоть какой-нибудь живой звук. Удивительно, но на такой глубине оказалось не холодно, а скорее даже тепло. И главное, ни дуновения, ни сквознячка, пламя факелов горело ровно, не дрожало, и тени не плясали на стенах. Вместе с тем воздух в залах был свеж и чист, словно я бродил по Заграбе, а не по глубокому подземелью. Наверное, и здесь не обошлось без магии.

В общем, от первого яруса у меня осталась размытая картина впечатлений. По крайней мере, четверостишие из стиха-загадки, по счастью, не сбывалось. Какое? Вот это самое:

Коль смел ты и быстр, коль храбр ты и ловок,
Коль легок твой шаг и остра твоя мысль,
Избегнешь расставленных нами уловов,
Земли, воды, пламени ты берегись².

Ничего из этого пока не случилось, ну и слава Саготу. Очень надеюсь, что и далее ни одно из четверостиший глупого стишка магов Ордена не сбудется.

Но даже никого не встретив, я изрядно устал. Хотя бы оттого, что все время по старой привычке держался стен, бегал из полутени в тень, стараясь избегать освещенных мест, и через каждые две минуты останавливался и вслушивался в тишину. Так что устал я не только физически, но и морально.

Для отдыха нашлось очень удобное место, в дальнем углу зала, где по стенам растекся густой полумрак. За все время пути я изрядно проголодался, а потому без всякого колебания умял половину сухаря. Сухарь – пластинка не больше ладони, наделенная волшебными свойствами. Съел половинку и как будто отужинал на королевском пиру, попробовав сто одно блюдо. Сытно, но не очень-то вкусно. Сухарь великолепно подавляет голод, хотя и совершенно не способствует утолению ваших гастрономических пристрастий. В самом лучшем случае эта штука по вкусу напоминает хлеб. В худшем – прелое сено. Есть можно, но особого удовольствия не испытываешь, если, конечно, ты не лошадь. Сжевав сухарь, я запил все это водой из фляги и устроился на ночлег. Сегодня я слишком устал, чтобы продолжать путь, следовало хоть немного отдохнуть и набраться сил. Я положил рядом с собой арбалет и уснул. Не могу сказать, что спал как младенец. Храд Спайн – не самое лучшее место для приятных снов. Я летел по границе полусна-полуяви, то погружаясь в него, то вновь выныривая на поверхность. Это была излишне чуткая дрема, во время которой пришлось раз шесть открыть глаза и схватиться за арбалет, но никакой опасности не было, зал неизменно оказывался пустым, лишь факел мерцал на дальней стене. Не знаю, что заставляло меня просыпаться, но, даже несмотря на эти частые пробуждения, сон пошел на пользу. По крайней мере, проснулся я отдохнувшим и что самое удивительное – целым и невредимым. За время сна никто не решился откусить мне ногу или голову, за что я тут же возблагодарил Сагота.

Перед широкой каменной лестницей, уплывающей вниз, во тьму, я ненадолго замешкался. Неизвестно, что скрывается там, во мраке, а проверять на собственной шкуре остроту зубов какого-нибудь страшилища не хотелось. Но сколько бы я здесь ни простоял, Рог Радуги сам ко мне не приползет. Я вздохнул, достал «огонек» и встал на первую ступеньку лестницы, ведущий ко второму ярусу.

На лестнице царил тьма-тьмущая, и если бы не холодный магический свет «огонька», спускался бы я целый час. Какая-то сволочь то ли по забывчивости, то ли по злему умыслу не озаботилась понатыкать в стены факелов. Лестница спускалась все ниже и ниже. Она не закручивалась спиралью, не плясала, как опьяневшая гадюка, она тянулась и тянулась, уводя меня вглубь, и слабый свет моего волшебного фонарика едва-едва дотягивался до потолка. Прежде чем выйти на второй ярус, я насчитал одну тысячу двести сорок четыре ступеньки. Кто строил это длиннющее чудовище, вырубая ступеньки прямо в теле земли, навсегда останется очень большой загадкой, но мысленно я промыл ему все кости, особенно в те моменты, когда подумывал: каково будет подниматься и отчего никто не догадался создать подъемники, как в пещерах гномов или карликов? Ладно, пусть горе-строителям судьями будут боги, потому как

² Здесь и далее стихи Павла Костина.

я опоздал ныть и стонать лет, наверное, на тысячу, а то и больше. Теперь уж точно никто не прибежит и не построит персональный подъемник для Гаррета-тени.

Удивительно, но второй ярус очень отличался от первого.

Во-первых, все потолки здесь были не прямыми, а сводчатыми. Во-вторых, стены уже не казались голыми и безжизненными. То в одном, то в другом зале виднелись сохранившиеся изображения и даже надписи, некоторые на человеческом. Правда, буквы оказались древними и вычурными. В основном это были указатели, направляющие в ту или иную секцию и говорящие, где какое захоронение. Также здесь было много каменных горгулий, натканных чуть ли не через каждые сто шагов. Все статуи казались абсолютно разными, по крайней мере, пока я шел, ни одной одинаковой не заметил. Неизвестные скульпторы создали горгулий всех размеров и изобразили их в самых невероятных позах. Многие статуи были настолько мерзкими, что без дрожи в коленях не посмотришь. Горгулий выдалбливали прямо в стенах, и от этого они напоминали парочку знакомых мне по приключениям в Авендуме демонов. По крайней мере, те тоже очень любили вылезать из стен, причем в самый неожиданный момент, а уж рожами могли испугать даже этих каменных истуканов.

Из рта одной горгульи серебристым звонким ручейком выбегала нитка воды и падала в неглубокую чашу, которую статуя держала в своих руках. Я осторожно попробовал воду. Вроде неотравленная. Так что, пользуясь случаем, я вдоволь напился и наполнил изрядно опустевшую флягу.

В-третьих, на втором ярусе напрочь отсутствовали факелы. Огонь трепетал либо в раскрытых ладонях горгулий, либо под самым потолком в маленьких клетушках. Но по большей части пламени не было совсем, и свет лился прямо с потолка, причем в некоторых местах потолок едва светился, и тогда по залу растекались густые сливки сумерек.

Костяные дворцы подтвердили славу самых гигантских могильников в мире, потому как, несмотря на архитектуру, картинки на стенах и десятки горгулий, дворцы оставались могилами для тысяч и тысяч ушедших в свет. Уже возле самого входа на второй ярус меня поджидали два саркофага. Каменные ящики с массивными и, как видно, тяжелыми крышками. Ради любопытства я подошел к одному и прочел на крышке имя человека и дату его смерти. Парня похоронили семьсот с лишним лет назад. Помнится, когда мы еще были в Ранненге, Кликли настоятельно рекомендовал мне, как только я окажусь в Храд Спайне, поднять крышку и заглянуть внутрь саркофага. Проверить, правда ли там лежит покойник. Я не настолько безумен, чтобы следовать глупым гоблинским советам. Надо быть настоящим силачом, таким как Медок, чтобы сдвинуть каменюку хотя бы на четверть дюйма. Да и огрести по ушам от того, кто сейчас спит вечным сном в саркофаге, можно в любой момент. Мертвых лучше не тревожить, особенно без всякой на то необходимости.

Так что я пошел своей дорогой, иногда, любопытства ради, останавливаясь возле того или иного гроба, чтобы узнать имя усопшего. Но любопытство вскоре иссякло, приходилось отчаянно вертеть головой, чтобы, не дай Сагот, не свернуть не в тот коридор, да и саркофагов стало так много, что если бы я читал имена всех усопших, то проторчал бы здесь лет десять.

Ящики иногда высились один на другом, поднимаясь до самого потолка, или прятались в нишах стен, сейчас больше всего напоминающих пчелиные соты. Причем очень часто на крышках саркофага оказывалось выдолбленное изображение покойного. Еще чаще, особенно в дальних от лестницы залах, мертвецов хоронили прямо в стенах, затем замуровывая ниши, или в полу, оставляя как напоминание о мертвом человеке могильные плиты.

Залам, коридорам, галереям, штольням, проходам, комнатам и лестничным пролетам, казалось, никогда не будет конца. И везде меня встречала кладбищенская тишина, многочисленные могилы и горгульи, провожавшие зашедшего сюда незрячими каменными глазами.

На первого мертвеца я наткнулся после долгих блужданий по второму ярусу, как обычно проигнорировав несколько лестниц, ведущих на третий ярус. (Я желал попасть на третий только через Створки, благо именно для этого у меня и имелся Ключ. А идти в любой проход мимо Створок ничем не лучше, чем сразу сигануть в омут головой или войти в горящий дом голышом.)

Покойник разлегся на полу, раскинув руки и ноги, явственно говоря, что он мертв уже не один месяц, о чем свидетельствовали изрядно истлевшая одежда и избавленные от плоти кости. Если честно, именно таких покойников я уважаю больше всего, потому как от них меньше всего неприятностей. Сей вид мертвецов всегда лежит – никого не трогает, не хрипит, не желает тебя съесть или сотворить еще какую подлость. Образцовый мертвец, в общем. А вот одежда его мне не понравилась, потому как она оказалась серо-синего цвета. И удоду ясно, что это не какое-то гражданское платье, а военный мундир. Мундир гвардейца королевской гвардии. О том, что при жизни человек был военным, свидетельствовал и сломанный меч, валявшийся рядом с останками.

Как сюда попал гвардеец Сталкона? Что ж, вероятно, я способен ответить на этот вопрос – парень мог оказаться участником первой экспедиции, той, что отправлялась за Рогом Радуги еще зимой – весной этого года. Тогда на поверхность не вернулся никто, а Алистан Маркауз потерял в Костяных дворцах больше сорока своих людей. Этот парень был одним из них. А может, я и ошибаюсь и покойник – участник второй экспедиции, которая тоже нашла свой последний приют в мрачных глубинах подземелья.

Череп оказался расплюсчен, словно на нем усердно потоптался мамонт из Безлюдных земель. Интересно знать, что могло убить парня? Я наклонился, внимательно изучая покойника, и тут мой взгляд уткнулся в черную сумку, на которой лежал мертвец. А ну-ка, посмотрим, что там...

Я без всякой брезгливости (кости они и есть кости) отодвинул остов несчастного в сторону и поднял с пола сумку. Ткань от пропитавшей ее крови была жесткой и темной. В сумке лежала книга, но, увы, то, что в ней было написано, я разглядеть не смог – она оказалась почти вся залита кровью. Я попробовал перелистнуть страницы, но они слиплись, и лишь несколько из них поддались на мои настоятельные уговоры. Тьма! Ничего невозможно прочесть, хотя и видно, что книгу использовали для того, чтобы писать на полях.

...6 м...та

..... попал в л...вушк...

М-да, ничего не разберешь. Может, на последних страницах дела пойдут получше? Посмотрим...

Пока я листал книгу, мне попала еще одна едва-едва различимая надпись.

28 ...арта.

Ст...рки заперт... ..буем найти обхо...й путь. Синий св...т несет сме...ь!

Ага! Значит, отряд дошел до Створок, ведущих на третий ярус. Что за синий св...т? Сват? Свет? Или еще что-нибудь этакое? Посмотрим-посмотрим, что там дальше.

На последней странице не было ни капли крови, но единственная уцелевшая запись оказалась очень неразборчивой, и мне потребовалось небольшое усилие, чтобы прочитать закорючки. Казалось, что писавший очень торопился.

2 апреля

Лейтенант погиб, тварь расплющила его в лепешку. Сиарт и Шу ушли к лестнице, я попытаюсь задержать врага, да поможет мне Сагра.

Бедняга... Что же такое выползло к нему из глубин и разможило голову? Я с опаской осмотрел пустой зал и вход в следующий. Как и следовало ожидать, никаких страшилищ на горизонте. Что бы ни убило несчастного, оно уже давно ушло отсюда, поэтому, нисколько не таясь, я вошел в следующий зал. Здесь не было ни одного склепа, лишь высокие четырехгранные колонны с широким основанием. Казалось, им нет конца. Потолок здесь едва светился, и от этого зал казался бесконечным и мрачным. Я, стараясь держаться поближе к колоннам, быстрым шагом начал двигаться по залу. Тьма его знает, что на меня нашло, но это место мне жутко не нравилось. Я прошел где-то четверть пути, и вот тут-то и начались неприятности.

По всему залу разнесся страшный скрежет, и я, не ожидавший ничего подобного, замер. Восемь секунд оглушающей тишины, и вновь скрежет. За две колонны от меня на стене появились три длинные и глубокие царапины. Казалось, что чьи-то мощные невидимые когти процертили на камне борозды. Я, не веря своим глазам, испуганно клацнул зубами, и тут же под все тот же безумный скрежет на ближайшей колонне появились новые царапины. От пронзительных звуков сводило челюсти.

Больше раздумывать и медлить я не стал и задал хорошего стрекача в обратном направлении. Колонна позади взорвалась облаком осколков. Что-то пребольно ударило меня в правое плечо, и я едва устоял на ногах.

Бум-м-м! Бум-м-м!

Тяжелые шаги и скрежет раздавались прямо за спиной, но я неслся изо всех сил и не оборачивался (излишнее любопытство в Костяных дворцах каралось смертью). Колонны мелькали справа и слева, выход из зала сделался несравнимо далеким. Как назло, с пояса соскользнула, казалось бы, так хорошо закрепленная веревка-паутинка и шлепнулась на пол. Не могло быть и речи, чтобы остановиться и подобрать ее – своя жизнь дороже всех волшебных веревок мира. Что бы за мной ни гналось, но дело свое оно знало, и еще три колонны позади меня лопнули каменным крошечком. Такое впечатление, что взбесившийся великан лупил по ним кулаками. Только вот какой надо обладать силищей, чтобы разнести каменную колонну толщиной с вековой дуб?

Я юркнул в зал, где лежал мертвец, перескочил через покойника, пробежал все помещение и остановился у дальнего выхода. Чем бы ни была эта тварь, но выход из колонного зала слишком узок для нее. Шаги приближались, но, клянусь Саготом, я никого не видел!

Вновь заунывный скрежет, а затем большая часть стены у входа в колонный зал пошла трещинами, застонала, словно живая, и рухнула горой обломков.

Бум-м-м! Бум-м-м!

Невидимое чудовище наступило на скелет гвардейца, разнеся того в мелкую пыль, и с явным намерением сделать то же самое с милягой Гарретом двинулось в мою сторону.

Не стану врать, я, кажется, взвизгнул, а затем бросился бежать. Просто бежать, не думая о том, куда следует поворачивать, и не опасаясь заблудиться. Сейчас надо спасти свою шкуру. Позади меня раздавались страшные «бум-м-мы» и грохот рушащихся стен. Я бросился в коридор, свернул налево, направо, вновь налево...

Грохот твари уже давным-давно затих, а остановиться не хватало смелости. Я понял, что заблудился, лишь в тот момент, когда бежать уже не было никаких сил. Послав все и вся во тьму, я уселся на пол и прислонился спиной к саркофагу. Будь что будет, но Гаррет больше бегать не намерен. Чем дольше носишься по полутемным коридорам, тем меньше шансов найти обратную дорогу. Плечо, куда угодил осколок колонны, ныло. Видать, теперь будет здоровенный синячище. Сейчас мне следовало отдохнуть, отдышаться и подумать, где я в данный конкретный момент нахожусь.

Собственно говоря, все начиналось так же невинно, как и на первом ярусе, и кое-кто (не будем показывать на этого субъекта пальцем) излишне и непростительно расслабился, не

ожидая никакой беды. Вот и доигрался! Мало того что заблудился, так еще и веревку потерял. А без паутинки назад не вернешься, милочка Лафреса обрушила лестницу, и восемь ярдов до потолка мне не преодолеть до тех пор, пока люди не научатся более-менее прилично летать. Перспектива подохнуть в Храд Спайне увеличилась в десятки раз. Попробовать вернуть веревку нет никакого смысла – не уверен, что смогу отыскать дорогу назад, да и соваться в логово Разрушителя стен не очень-то и хотелось.

Итак, выход под солнышко закрыт для меня на веки вечные. Если, конечно, не отыщется другой или не найдется новая эльфийская веревка-паутинка (последнее – еще менее вероятное чудо, чем успех попытки добраться до люка в потолке). То, что есть другие выходы из Костяных дворцов, я нисколько не сомневался. По крайней мере, существовало четыре центральных спуска в Храд Спайн. Восточный – тот, через который я вошел. Западный – где-то в самом сердце Заграбы, но до него идти сотни лиг. Еще было два входа возле отрогов Гор карликов, но с тех пор как в могильниках пробудилось зло, карлики завалили ближайшие к их королевству входы от греха подальше. Так что о перечисленных спусках я могу забыть. Но кроме центральных должны быть и менее значительные входы. Обязательно должны быть, весь вопрос в том, смогу ли я их отыскать? Просто так бродить по первому ярусу и тешить себя зыбкой надеждой на чудо в мои планы не входило, поэтому я извлек из сумки карты и при тусклом свете занялся кропотливым их изучением. Пришлось провозиться более получаса, чтобы отыскать старую лестницу первого яруса, ведущую на поверхность. По моим подсчетам, если лестница, конечно, сохранилась и продержалась все эти тысячелетия, от Створок до нее было две лиги по второму ярусу и пять лиг по первому. Огромное расстояние, но эта лестница лучше, чем совсем ничего. Что ж, после того как (то есть если) я смогу добыть Рог, у меня появится шанс выбраться из могильников, пускай я и окажусь за тьму-тьмущую от того места, где меня ожидает отряд. Но уж лучше я окажусь в совершенно незнакомой мне лесной чаще, чем подохну от голода в этих каменных унылых залах. (И какая только сволочь придумала сказку, что здесь невероятно красиво?)

Сейчас же основной проблемой и главным жизненным вопросом было то, что я не имел никакого понятия, в какой части второго яруса нахожусь. Панический забег наперегонки с Разрушителем стен полностью лишил меня ориентации в пространстве, и теперь в верном нахождении пути могут помочь только карты. Следовало найти какой-то приметный и необычный зал, затем отыскать его на карте и сориентироваться.

Задача, на первый взгляд очень легкая, на самом деле оказалась очень непростой. В этом секторе все залы и все коридоры оказались похожи один на другой. Полутьма, захоронения и сотни горгулий. Чем дальше я бродил в каменном лабиринте усыпальниц, тем в большее отчаяние впадал.

Зал, коридор, комната, перекресток, зал, зал, коридор, полутьма и горгульи. Эти проклятые твари с мерзкими рожами нервировали меня почище чем сотня гоблинов-шутов, обкурившихся красавки. Ноги гудели, пришлось сделать очередной перерыв и перекусить. Я все еще нахожусь где-то на ярусе людей, но на стенах, как это было раньше, не наблюдалось ни одного указателя или пометки. По Храд Спайну я мотался уже полтора дня, но так и не смог добраться до Створок. А ведь где-то еще бродит Лафреса с прислужниками Хозяина. Будет крайне неприятно наткнуться на них в самый неподходящий для этого момент.

Наконец, когда я уже собирался взвыть во весь голос, чтобы хоть что-нибудь услышать в давящей на глаза полутьме, я вышел к громадному залу, где все саркофаги были установлены в виде огромной восьмиконечной звезды. При ближайшем рассмотрении зал тоже оказался в форме звезды, но только пятиконечной. Вновь пришлось лезть за картами. Зал-звезду я нашел довольно быстро, его не заметил бы только слепой. Проследив по картам путь до Створок, я тихонько присвистнул. Да-а-а-лековато меня занесло. Топать и топать. И путь в отличие от пути, указанного магами Ордена на карте, казался несоизмеримо опаснее. Здесь не были ука-

заны ни расположение ловушек, ни другие «милые» моему сердцу сюрпризы. Все то, что я обходил за лигу, теперь могло находиться прямо у меня под ногами. Возвращаться назад не имело смысла – я так хорошо заплутал, что путь обратно и дальнейшее путешествие к третьему ярусу будут намного длиннее, чем дорога отсюда до Створок. К тому же я ни на миг не забывал о твари, едва не расшибившей меня в лепешку. Вот радости-то было бы, попадись я ей под ноги!

Я отправился в путь, между делом кляня почему свет проклятых магов, запрятавших Рог Радуги на такую несусветную глубину, строителей Костяных дворцов, создавших бесконечный лабиринт, тварей, которым не сидится на месте, и себя за то, что так плохо закрепил паутинку на поясе.

Не прошло и получаса с тех пор, как я покинул зал-звезду, а в одной из смежных с коридором комнат что-то блеснуло. Этот блеск я заметил краем глаза, но подействовал он на меня, как запах травки-красавки на любителя этого зелья или как жирный червяк на голодного карася. То бишь я остановился как вкопанный и дважды протер глаза, дабы удостовериться, что у меня не внезапное видение. Протирание глаз нисколько не помогло – блеск никуда не делся.

Собственно говоря, в маленькой круглой комнатухе стояли два каменных гроба, на крышках которых лежали мечи. Из коридора я не мог различить, насколько хорошо сохранились клинки, но, думаю, они были точно такими же, как в тот момент, когда навечно упокоились в подземелье вместе со своими хозяевами. Воздух здесь был сухой и очень теплый, так что ни о какой влаге и сырости, грозящей металлу ржавчиной, не могло быть и речи. Но тьма с ними с мечами! Такого барахла полно в любой оружейной лавке, пускай у лежащих на гробах клинках и были очень дорогие ножны. Мое внимание привлекло совершенно другое: на ближайшей ко мне каменной усыпальнице лежала самая настоящая корона. Тяжелый золотой обод, из которого вырастали маленькие золотые мечи. Но и золото сейчас было не главным. В короне находились камни – ажно целых четыре штуки. Каждый размером с приличное голубиное яйцо. И камушки эти мерцали насыщенным темно-синим цветом. Клянусь всеми богами и демонами, но таких булыжников не было даже в короне Сталкона, а оттого у меня возникло стойкое и непроходящее желание завладеть короной и выковырять из нее сокровище. Выходит, не врал людская молва, говорившая, что есть в Костяных дворцах несметные богатства, да такие, что им позавидуют некоторые королевские сокровищницы. Правда, меня немного смущал тот факт, что корона лежала на виду. А нет ли здесь какого-то подвоха?

Я осторожно заглянул в зал, внимательно изучая пол. Вроде ничего опасного, все плиты плотно подогнаны друг к другу. В стенах никаких отверстий. Так что не стоит опасаться стрелы в брюхо или огненного шарика в задницу. Но вот потолок... Потолок был немного странно-ват. Он сужался в виде конуса, кончик которого был направлен точнехонько на саркофаг, где покоилась корона. Не знаю, может, это такая оригинальная задумка строителей – создавать замороженные потолки?

Жадность боролась с осторожностью, и жадность победила. Камни оказались для меня уж очень большим кушем, и я не мог оставить их лежать на могиле неизвестного мертвеца еще пятьсот лет. Я сделал аккуратный шаг и оказался в комнате. Еще один шаг. И еще один. Корона была все ближе и ближе.

Едва слышное «з-з-з» привлекло мое внимание. Я задрал голову и увидел, что по конусу растекается розовое сияние.

«Прочь!» – рявкнуло у меня в голове.

В два прыжка я вылетел в коридор, и в этот самый момент тоненький писк комара сменился визгом ошалелого гоблина, и ослепительный розовый луч, упавший с потолка, в один миг расплавил корону и развалил гробницу.

Из комнаты стеной повалила пыль, мелкая каменная крошка и прах, а я зло выругался, сетуя на потерю сокровища и на гадов, установивших ловушку. В глазах плясали яркие пятна, в ушах все еще стоял звон. Благодаря своей вселенской жадности я едва не отправился в свет. Спасибо Вальдеру – мертвый архимаг вовремя предупредил меня об опасности. И не только предупредил, но и на несколько секунд овладел контролем над моим телом и заставил выскочить из комнаты.

– Спасибо, Вальдер, – просипел я, но, как и следовало ожидать, в голове у меня молчали.

Душа погибшего на Закрытой территории мага не считала своим долгом общаться по пустякам. Я вздохнул. От Вальдера не было ничего слышно с тех самых пор, как я побывал в тюрьме Хозяина. Архимаг молчал уже больше трех недель, и я стал забывать о его существовании. Вальдер появился как всегда неожиданно и как всегда в тот самый момент, когда моей шкуре грозила оч-чень большая опасность. Дух мертвого человека, без спросу поселившийся в голове, не всегда спешил на помощь. Иногда, когда жизнь висела на тонюсеньком волоске, допроситься помощи от Вальдера – все равно что дожждаться дождя в пустынях Султаната.

Пройдя сорок три зала, я нарвался на новую ловушку, по счастью уже активированную. Короткий отрезок коридора с дырой вместо пола. Яма глубиной в три ярда, утыканная острыми стальными шипами. Внизу лежал скелет, сквозь ребра которого, словно побеги молодых деревьев, торчали шипы. Бедняга не заметил ловушки и поплатился за это жизнью.

Проблема была в том, что Гаррет, увы, не блоха. Даже если я разбегусь, то не смогу преодолеть в прыжке пятнадцать с лишним ярдов. Реальность такова, что на половине полета рухну в яму. Тупик. Обходного пути нет, и либо я преодолею яму, либо придется потерять еще один день, чтобы возвратиться назад, а уже оттуда искать дорогу к Створкам.

При внимательном изучении провалившегося пола я увидел, что в стенах имеются широкие длинные щели, где вполне могли находиться исчезнувшие плиты. Значит ли это, что здесь какой-то скрытый механизм и если его активировать, то плиты встанут на свои места и закроют яму, предоставив мне возможность пройти дальше? Вполне вероятно. После дальнейших изысканий я заметил на потолке выступающий прямоугольный блок. А вот и разгадка. Сейчас до потолка мне было ничуть не ближе, чем до луны, особенно если учесть тот факт, что паутинка безвозвратно потеряна. Но оставался еще арбалет. Я прицелился и нажал на спуск. Болт шелкнул по стене рядом с блоком, высек искру и, отскочив, упал в яму. Ладно, попробуем по-другому. Я лег на пол, так чтобы выступающая часть потолка оказалась прямо надо мной, обеими руками поднял арбалет и нажал на спуск.

Звеньк!

Блок плавно и беззвучно утонул в потолке, слившись с ним в единое целое. В стене что-то тихонько загудело, а затем из дыр выползли плиты и ме-е-едленно двинулись навстречу друг другу. Я не стал ждать, когда плиты сомкнутся и создадут монолитный пол – слишком велика вероятность того, что ловушка окажется взведенной. Прыгнул на левую движущуюся плиту и, стараясь не хряснуться в яму, поспешил вперед. Я успел встать на нормальную поверхность до того, как плиты с глухим «п-ф-ф» сомкнулись. М-да-а-а. Теперь за спиной был абсолютно ровный пол. Как будто и не было никакой ямы с минутой назад.

Еще два зала и вновь коридор с узкими длинными прорезями в стенах, только на этот раз прорези находились на уровне моих бедер. Оч-чередной сюрприз, прибережи его тьма! Выстрел болтом в пол к успеху не привел – все осталось без изменений. Я решил пойти другим путем и подошел к разбитому саркофагу. Вот уж не знаю, кто постарался разбить крышку гроба, но теперь до останков можно было легко добраться. Желтый череп скалился на меня из усыпальницы. Я взял его в руки (думаю, покойнику все равно, что с ним делают) и бросил на пол коридора. Из дальних прорезей выскочили полукруглые лезвия, взвизгнули в воздухе, долетели до входа, щелкнули, остановились. Наступи я на пол, и меня тут же разрезало бы на

двух маленьких Гарретов. В то время как лезвия исчезали в стене, а ловушка перезаряжалась для нового путника, я проскочил мимо и был таков.

Пока все уловки-западни выглядели излишне топорными, а это говорило лишь о том, что все ловушки – поделки людских рук. Думаю, эльфы и орки были бы намного изобретательнее в способах отправки в свет нежелательных посетителей священных дворцов.

Прошло довольно много времени, и усталость взяла свое. На этот раз я устроил себе гнездышко на руках большой и страшной горгульи. Пришлось потрудиться, чтобы залезть в сложенные чашей каменные ладони, но здесь я себя чувствовал, как у Сагота за пазухой. Пережевав половинку сухаря, сняв сапоги и положив под голову сумку, а под руку взведенный арбалет, я уснул как младенец.

Не знаю, сколько я проспал – в подземельях время течет незаметно. Ни солнца, ни звезд. Приходилось ориентироваться на голод и усталость, а если считать, что от усталости не осталось и следа, то вполне возможно предположить, что продрых я долго. По крайней мере, в животе требовательно урчало, и мне потребовалось запихать в него очередную половинку волшебной снеди, дабы он заткнулся на какое-то время.

От долгого лежания в каменных ладонях все тело затекло, и я с трудом встал, потянулся и надел сапоги. Пора было двигаться в путь, до Створок оставалось пройти не больше десяти залов. Я специально остановился и поспал, чтобы прийти к Створкам свежим и отдохнувшим. Первый и второй ярусы – это цветочки, а вот дальше в необозримой глубине меня ждали сюрпризы. И если все зло Костяных дворцов – это ловушки и невидимое чудовище, крушащее колонны, то можно сказать, что Гаррет легко отделался. Но вот интуиция почему-то говорила, что главные неприятности еще впереди.

– Ходим, ходим, ходим, а никакого толку! Ты понимаешь, что мы заблудились в этих проклятых коридорах?!

Неожиданно прозвучавший голос заставил меня инстинктивно пригнуться, хотя, даже стой я во весь рост, меня бы никто не увидел. Сложенные руки горгульи служили великолепным укрытием.

– А все из-за тебя! – раздался второй голос.

– Из-за меня?!

– А кому приспичило отлить?! Из-за тебя все ушли дальше, и мы не смогли их найти! Какой же я дурак, что остался с тобой!

– Не паникуй. Милорд Балистан Паргайд своих людей не бросает.

– То-то последние восемь часов он нас так усиленно ищет, – фыркнул второй.

– Есть-то как хочется! Куда нам теперь идти?

– Один хрен! Давай вперед. Будь проклят тот день, когда я полез под землю!

– Граф обещал заплатить по сто золотых каждому.

– Покойникам деньги не нужны. А мы – покойники, все припасы остались у Лорга.

Голоса стали отдаляться, и я позволил себе подпрыгнуть, схватиться за край чаши-рук и подтянуться. Два воина, облаченные в кольчуги и при мечях, устало плелись в ту сторону, откуда я совсем недавно пришел. Заблудились бедные. Ну, туда им и дорога. Через два зала ловушка, которая расплющит их в кровавый блин. Выходит, что Балистан Паргайд и Лафреса добрались-таки до второго яруса. Неприятное известие. Надеюсь, они успели потерять достаточно людей в залах.

Я дождался, когда люди скроются в дальнем коридоре, спрыгнул вниз и поспешил своей дорогой. Здесь путь был прямой, словно улица Смотра, а значит, до первого перекрестка я могу идти совершенно смело. Два барана, только что протопавших подо мной, должны были активировать все ловушки, а так как они все еще живы, я вполне могу заключить, что ни одной западни на дороге не предвидится. Следующие шесть залов я преодолел бегом (на тот случай,

если заблудившиеся решат вернуться назад). В седьмом зале, стены которого пестрели от черных провалов коридоров, ведущих во все стороны, я замешкался, покопался в бумагах и шагнул в четвертый по правую руку. Коридор выглядел по меньшей мере странно – семь шагов и резкий поворот налево, еще семь шагов и вновь налево, затем направо, и так достаточно долго. Эдакая ломаная змейка, построенная руками безумного ребенка. К тому же здесь было настолько узко, что в некоторых местах приходилось угрем продираться между сдвинувшихся стен.

Я возблагодарил Сагота, когда оказался у лестницы. Здесь меня встречали два каменных изваяния. Знакомые твари – полуптицы-полумедведи. Интересно, в чьей больной голове родилась мысль придумать таких образов? Уж точно не в человеческой. Чем ниже я спускался по ступенькам, тем выше поднимался потолок и тем темнее становилось вокруг.

Лестница кончилась, и я оказался в зале. Огромном. Необъятном. Совершенно темном, хоть глаза выкалывай. Я уже было собрался лезть в сумку за «огоньком», но тут пол тихонько засветился и прямо из-под ног куда-то вдаль побежала ярко освещенная дорожка. Снова магия, но эта хотя бы не грозит мгновенной смертью. Дорожка все бежала и бежала, указывая путь, а затем остановилась у дальней стены, и тут же на стене вспыхнул большой прямоугольник. До него было так далеко, что я поначалу не понял, что это такое, а когда понял... Когда понял, возблагодарил Сагота. Впереди сияли Створки.

Глава 5

Сквозь дремлющий мрак

Шаги громким эхом отпрыгивали от пола, выложенного белыми мраморными плитами, и словно летучие мыши, испугавшиеся света факела, метались под потолком, отражаясь и множась. Идя к Створкам по освещенной дорожке, я начал сомневаться, что плиты под ногами сделаны из обычного мрамора. Насколько я знаю, светящегося мрамора в природе не существовало. Меня так и подмывало сойти с тропинки в полумрак, чтобы быть менее заметным, но, тьма меня возьми, световая дорожка ведь специально создана для того, чтобы по ней шли пришедшие сюда, и Сагот знает, что меня ждет, если я сделаю в сторону шаг. Створки становились все ближе и ближе, но на них я почти не смотрел. Меня больше заботило то, что плиты, по которым я проходил секунду назад, тускнели, темнели и гасли. За моей спиной крадется темнота. Не очень-то приятное ощущение. Стен зала я не видел, они тонули в черной бархатистой мгле и были недостижимы для света, излучаемого дорожкой.

Перед самыми Створками неровным полукругом светились сразу два десятка плит, образующих площадку ярдов в двадцать в поперечнике. Отсюда вправо и влево от Створок отходило два коридора с высокими потолками, где мерцали маленькие голубые огоньки, заливающие холлы бледным голубоватым светом, переходящим в дымку точно такого же цвета. Куда вели эти два абсолютно идентичных хода, я не знал. В бумагах старой башни Ордена о них не было ни слова.

К Неназываемому таинственные коридоры, я не собирался устраивать по ним ознакомительные прогулки, сейчас в целом мире существовали только я и Створки, возвышавшиеся надо мной на высоту семнадцати ярдов. Я снял с руки перчатку и осторожно коснулся ладонью поверхности Створок. Они оказались теплыми, словно в них жил какой-то внутренний жар, и в то же время ледяными, как будто их вырезали из единой глыбы темного льда. А еще они были очень гладкими. Я даже не стал предполагать, из какого материала их сотворили, но внешне он был очень похож на черное непрозрачное стекло. Готов поспорить на выручку от ста будущих Заказов, что, стучи по Створкам хоть рота великанов, хоть армия магов всех мастей – преграда даже не дрогнет. Эльфы сотворили великолепную вещь, и тому, кто не владел Ключом, проход дальше был заказан (представляю, как взбесились орки, когда обнаружили, что самый легкий и быстрый путь к гробницам их предков оказался заперт эльфами до окончания веков).

Сейчас Створки едва сияли темно-синим светом, но даже он нисколько не мог помочь мне отыскать то место, где одна Створка соприкасалась с другой. Я встал у края Створок и, приложив к ним руку, прошел все десять ярдов от одного края до другого. Ни-че-го. Абсолютно ровная, совершенно цельная поверхность, если не считать искусно выполненных на ней мастерами-скульпторами темных и светлых эльфов изображений, повествующих о схватках своего народа с Первыми. Изображения поражали своей красотой, выразительностью и вниманием к мелким деталям. Вот эльф, вооруженный с'кашем, опустил ногу на тело поверженного противника. Складывалось впечатление, будто все изображенное неизвестными скульпторами происходит у тебя на глазах. Фигуры казались живыми, был виден каждый волос, каждое колечко кольчуги, каждая морщинка в уголках глаз уже немолодого эльфа. А вот исполинский дуб. Можно разглядеть каждый листочек, каждую щербинку на толстой коре. Связанные орки висят на нем вниз головой, в раскосых глазах стынет вселенский ужас. Внизу стоят эльфы. Много эльфов. Насколько я знаю расу Вторых, ребята собираются устроить оркам Зеленый лист.

Все это, конечно, впечатляло, но на Створках не было самого важного – замочной скважины, куда следовало вставить принесенный мною Ключ. Я проглядел все глаза, два раза прошел из угла в угол, но не нашел ни одной зацепки. Мало того что меня немного нервировал

окружающий мрак огромного зала и голубая полумгла двух коридоров, так еще и со Створками было что-то не так. Самое досадное, что я никак не мог понять, что же так меня смущает с того самого момента, как я к ним подошел. Это «что-то» постоянно от меня ускользало, может быть оттого, что я слишком сильно волновался, находясь перед одной из великих легенд этого тысячелетия.

Спокойно, Гаррет, спокойно. Давай трезво оценивать ситуацию. Ключ у тебя, и его создали именно для того, чтобы отомкнуть Створки. Значит, он *должен* их отомкнуть, а тебе надо всего лишь поднапрячь то, что находится у тебя в башке, и найти замочную скважину. Я зашел и так и эдак, и сяк и не сяк... Пусто. Может, это такая эльфийская шутка – создать неоткрывающиеся Створки? Тогда какой тьмы они пыжились и связывались с карликами, чтобы те сделали Ключ? Ведь не для собственного же удовольствия? Была бы жива Миралисса, и все оказалось бы намного легче и проще. Эльфийка могла знать что-то такое, чего не знал Эграсса. Просто держала тайну до того момента, как мы придем к Храд Спайну, но сказать ее так и не успела...

Разгадку я все же нашел. Она крылась в фигурах, изображенных на Створках, а точнее, в одной из них. В левом нижнем углу был изображен высокий эльф. Правая рука протянута вперед, ладонь открыта, а в ладони почти незаметная из-за цвета материала – стекла – выемка. Даже не выемка, а так, маленькая бугристость, теряющаяся среди десятков выдавленных в Створках фигур. Размеры выемки как раз подходили для того, чтобы положить туда Ключ.

Выудив из-под рубахи цепочку, где болтался тонкий и изящный льдисто-хрустальный Ключ, я вложил его в ладонь эльфа. Ключ мигнул фиолетовым, и вся фигура эльфа на миг засияла. Из прозрачного Ключ стал точно такого же цвета, как и Створки. Эльфийский артефакт слился с ними в одно целое. Затем ровно посередине огромных ворот снизу вверх пробежала светящаяся фиолетовая линия, и Створки медленно и абсолютно бесшумно принялись раскрываться в мою сторону. Пришлось отступать назад, чтобы какая-нибудь из них меня не задела. В груди что-то тихонько лопнуло, и я понял, что узы, которыми Миралисса связала меня и Ключ, порвались. Ничего удивительного: я же отомкнул Створки, и теперь узы больше не нужны. Ключ сделал свое дело.

– Узы были крепки, – промурлыкал Ключ. – Беги!

Бежать? Но они же еще не раскрылись?

– Беги прочь! Запах врага! Узы были крепки! – напоследок шепнул Ключ и замолк.

Запах врага? О чем он говорит?

Я принял и почувствовал слабый запах клубники. Лафреса!

– Убейте его! – рявкнул из темноты мужской голос.

Может, местами я плохо соображаю, может, я туп как пробка, может, я не умею владеть мечом, но одного у меня не отнимешь – когда прижмет, я мыслю со скоростью молнии, а бегаю еще быстрее. Не верите? Что ж, спросите у доблестной стражи Внутреннего города, сколько раз они смогли меня догнать. Не думаю, что они ответят вам правду, но так и быть, скажу сам. Меня еще никому не удавалось поймать (исключая того памятного случая, когда за дело взялся барон Фраго Лантэн и я получил нынешний Заказ).

Когда граф Балистан Паргайд проорал команду, я уже находился далеко от Створок и что было сил улепетывал по левому коридору. В отдалении кто-то орал, что меня надо догнать, другие требовали, чтобы я немедленно остановился или хуже будет. Естественно, я даже не думал останавливаться. На мое счастье, у поджидавшего, пока я открою Створки, отряда не было при себе арбалетов, иначе бы я уже отправился в свет. Теперь им оставалось только одно – догнать меня и продырявить. Естественно, я не собирался принимать участие в столь неприятном процессе и, услышав за спиной голоса преследователей, поднажал еще сильнее. У меня было небольшое преимущество перед шакалами Хозяина – я сорвался с места намного раньше, чем они, да и бегать в кольчугах и при мечах немного тяжелее, чем без оных.

Я несся по нескончаемому коридору, залитому голубым светом, молясь Саготу лишь о том, чтобы он даровал мне перекресток, дабы я смог запутать следы. Как назло, по пути не было ни одного ответвления, лишь коридор раздвинул стены в стороны, приподнял потолок и погасил каждый второй голубой огонек. Стало еще мрачнее, видимость ухудшилась, создавалось ощущение, что я бегу по призрачному миру, купаясь в голубоватой патоке дымки. Синеголубой свет вызывал ощущение нереальности происходящего, я попал в иллюзорный мираж сна, который никак не хотел кончаться.

Фш-ш-ш... Фш-ш-ш... Ф-ш-ш-ш...

Огоньки под потолком проносились надо мной яркими размытыми пятнами. Пол здесь, как и в Створчатом зале, был выложен белой мраморной плиткой с золотыми прожилками, но, по счастью, не светился. Топот преследователей, впрочем, как и их воинственные вопли, был прекрасно слышен. До идиотов пока еще не дошло, что громко орать в местах вроде Храд Спайна опасно для здоровья. Фор у меня есть, и я позволил себе оглянуться назад, дабы оценить шансы выжить в сегодняшнем забеге. Коридор залит густой голубой дымкой, и видно не далее чем на пятьдесят шагов. А я оторвался на гораздо большее расстояние, так что в поле зрения пока никого не наблюдалось.

Раздумывать нет времени – псы Балистана Паргайда вот-вот будут здесь, и тогда меня сможет спасти одно лишь чудо. По стенам коридора тянулись широкие бордюры, с которых на меня скалились каменные горгульи, каждая высотой в два человеческих роста. Скульптор изобразил тварей совершенно одинаковыми – у всех головы в виде человеческих черепов и неестественно длинные руки с тремя пальцами. Горгульи наклонились над дорожкой, и казалось, что еще секунда – и какая-нибудь из скульптур оживет и прыгнет вниз. То, что я задумал, вполне могло пройти.

Я вскочил на бордюр, закинул ногу на бедро горгульи, подтянулся, вцепился в шею статуи и спрятался между ее спиной и стеной коридора. Великолепное место. Во-первых, вряд ли преследователи станут смотреть вверх. Во-вторых, меня не видно, а в-третьих, я все прекрасно видел.

На секунду мне показалось, что каменная спина горгульи едва заметно дрогнула. Естественно, это полная чушь, в голубом мареве могло привидеться и не такое. Я извлек из-за спины арбалет и принялся ждать гостей.

Спустя десять долгих, но отнюдь не томительных секунд появились преследователи. Граф Балистан Паргайд снарядил в погоню четверку воинов. Эти ребята ничем не отличались от тех двоих, что заблудились в лабиринте второго яруса. Кольчуги, мечи и свирепое желание догнать некоего Гаррета, преспокойно (вру) пережидającego опасность за спиной статуи. Как я и думал, парни даже не удосужились посмотреть по сторонам. Все их силы были направлены на вопли и размахивание мечами. Четверка пробежала мимо моего укрытия и с победными криками скрылась в голубой дымке. Что же, пушай догоняют, бег, как говорят, полезен для здоровья. А я лучше посижу здесь и подожду, когда они набегаются и уберутся подальше.

Как же все-таки мастерски провела меня Лафреса! Хотя я сам виноват – впервые недооценил опасного противника. А ведь знал же, что она не последняя фигура в играх Хозяина и к тому же еще и волшебница каких поискать! Так что ничего удивительного, что женщина смогла найти дорогу к Створкам и избежать ловушек, а также подготовить для меня приятную встречу. Не буду даже предполагать, как она догадалась, что я тоже достигну Створок, но выводы служанка Хозяина сделала правильные. Без Ключа ей не удалось отомкнуть Створки, поэтому Лафресе оставалось только одно – ждать, пока олух, связанный с Ключом узами, не отомкнет для нее Створки. Я поступил так, как она и предполагала, и тогда уж вступили в игру люди Балистана Паргайда, жаждущие моей кровушки. Да, возле Створок витал слабый запах клубники, он смущал меня, но внимание на него я не обратил, и если бы не волшебный Ключ...

Долгий и ни с чем не сравнимый вопль боли и ужаса потряс коридор, заставив меня испуганно икнуть. Шаткое мгновение тишины, а затем еще один захлебывающийся крик. И еще один. Волосы на голове зашевелились и встали дыбом. Я как можно теснее прижался к спине горгульи, пытаясь раствориться в воздухе.

– Спаси меня, Сагра! Спаси меня, Сагра!!! А-а-а-а!!! Спаси меня, Сагра!!!

С криками и мольбами из дымки выскочил человек. Единственный из той четверки, что совсем недавно преследовала меня. Человек отбросил меч и что было сил несясь обратно к Створчатому залу, призывая на помощь Сагру. Как и следовало ожидать, богиня войны не откликнулась на призыв человека. Зато откликнулся кое-кто другой. Горгулья, находящаяся на противоположной от меня стороне коридора, повернула голову на вопли воина. Поначалу я даже подумал, что это обман зрения, вызванный странным светом, заливающим коридор, но вот шевельнулись пальцы на руках, дрогнули плечи, и, когда человек пробежал под ожившей горгульей, каменный монстр проворно спрыгнул с бордюра и всей тяжестью обрушился на воина.

Кляк!

От парня осталось мокрое место, он даже не успел понять, что его убило. Длинные каменные руки чудовища приподняли тело за ноги, размахнулись и ударили мертвеца головой о бордюр. Раздался звук треснувшего ореха. Камень окрасился темным. Все так же молча горгулья вернулась на свое привычное место и застыла в прежней позе, вновь обратившись в безжизненный камень. Будто и не было той страшной картины, что я увидел минуту назад. Я старался успокоить бешено колотящееся сердце, но это было выше моих сил. Сохрани Сагот, никак не могу оторвать взгляда от чудовища, убившего человека! Но тварь не шевелится и не подает признаков жизни. Как же, меня теперь не обманешь!

Спина горгульи, за которой я все это время прятался, вновь едва заметно дрогнула. Да нет, почудилось... Или *не* почудилось? Я не дышал. Голова на каменной шее пришла в движение...

Я говорил, что, когда крепко прижмет, старина Гаррет соображает быстрее молнии? Ах говорил! А я случайно не рассказывал, что бегаю очень быстро? И это было? Тогда ничего удивительного, что во время этой канители я мог забыть все сказанное ранее.

Итак, я что есть сил несясь к Створчатому залу, а где-то у меня за спиной просыпалась от долгого сна горгулья. Конечно же я не собирался дожидаться пренеприятнейшего момента полного пробуждения каменного монстра и сделал ноги, прежде чем меня успели схватить.

Фш-ш-ш... Фш-ш-ш... Ф-ш-ш-ш...

Голубые огоньки слились в длинные росчерки. Сейчас мне приходилось бежать в обратном направлении. Во тьму Лафресу и Балистана Паргайда с его людьми! Как-нибудь прорвусь! В Створчатом зале у меня был хоть какой-то шанс, хоть какая-то капелька удачи и внезапности, а беги я в противоположную сторону – гарантированно попаду в свет. Да и сквозила у меня в голове одна глупая идея: выскочи я к Створкам – и горгулья вполне способна обратить свое драгоценное внимание на кого-нибудь из людей Паргайда и забыть про меня. Немного эгоистичный поступок, но эффективный, с этим не поспоришь.

По коридору разносился скрежет каменных когтей. За мной несло что-то большое и очень недружелюбное. Я поддал скорости, дабы не оказаться в каменных объятиях преследователя. Горгулья, стоявшая впереди, потянулась и стала слезать с бордюра, но я уже пролетел мимо, не давая очередному ожившему порождению тьмы опомниться. До выхода из коридора уже было недалеко, но дорогу мне преградила третья тварь. Горгулья с горящими голубыми угольками вместо глаз встала прямо на моем пути. Остановиться сейчас – совершить большую и непростительную глупость, поэтому я камнем рухнул на пол, проехал на животе по мраморной плитке и прошмыгнул между ног твари. Вроде бы та даже не успела ничего понять. Я

вскочил и дал деру. За спиной раздался жуткий грохот – это преследовавшее меня чудовище не успело остановиться и врезалось в горгулью, под которой я так ловко проскользнул.

Коридор выплюнул мою быстроногую светлость обратно в Створчатый зал. Светящийся пол возле Створок. Тьма в глубине зала. И никого. Так я и думал: Балистан Паргайд не стал дожидаться, когда его люди меня укокошат, и пошел к третьему ярусу, благо, на его счастье, один идиот успел отомкнуть Створки. Сдавленное разочарованное стенание донеслось до меня из коридора. Я обернулся.

Купаясь в лучах голубого света, на границе коридора и Створчатого зала стояла горгулья. Стояла и смотрела на меня. Смотрела в бессильной ярости того, кто не может достать принадлежащее ей по праву сильного. По праву охранника. Секунда – и горгулья, развернувшись, потопала назад, так и не решившись переступить через границу голубого света.

Я облегченно крикнул и попытался отдышаться. Недаром в дневнике убитого гвардейца было написано, что синий свет несет смерть. Фу! Так, не ровен час, и помереть можно. Кли-кли меня предупреждал. Гоблин частенько насмехался и говорил, что если я выживу в Костяных дворцах, то они запомнятся мне именно беготней. От одного убежища. Потом от другого. Затем от третьего. «Замечательная» вещь эти Костяные дворцы!

Я едва не упустил момент, когда Створки стали закрываться. Все это происходило абсолютно бесшумно, и когда я обратил внимание на волшебные ворота, они уже закрылись на четверть. Так недолго и здесь остаться! Я бросился к ним, лихорадочно ища фигуру эльфа, в руке которого я оставил Ключ. Створки продолжали безжалостно закрываться. Тьма! Нужен Ключ! Эграсса оторвет мне голову, если я вернусь назад без эльфийской реликвии! Тьма! Тьма! Тьма! Тьма! Сожри мои мозги демоны бездны! Ладонь эльфа была абсолютно пустой! Проклятая Лафреса забрала Ключ!

Не время посылать проклятия небесам – между Створками осталась небольшая щель, и я бросился вперед. Иначе, чтобы попасть на третий ярус, мне придется прогрызть дыру в Створках зубами.

Я успел. Угроза быть раздавленным сдвигающимися Створками заставила меня пошевеливаться, и я выскочил на другую сторону, словно пробка из бутылки игристого вина. Створки бесшумно сомкнулись за мной, не оставив каких-либо шансов вернуться назад этой дорогой. Теперь или я отниму Ключ у Лафресы (что невероятно), или пройду через бездну ужаса и найду другой выход (что еще менее вероятно). Мне оставался один-единственный путь – вперед и только вперед, надеясь, что какая-нибудь добрая душа пришибет волшебницу и я сниму с ее тела Ключ.

Прижавшись спиной к гладкой черной поверхности, я вглядывался в темноту. Перед Створками еще жил какой-то мало-мальский свет, а вот дальше... Через тридцать шагов уже ничего не было видно. Густой бархатистый мрак. Я стоял на едва освещенной гранитной площадке шириной чуть больше Створок и длиной шагов в пятнадцать. Вся площадка усыпана костями по самое не хочу. Слева и справа пол переходил в стены пещеры, уходящей во мрак. Потолка не видно, он слишком, он чудовищно высок, и отсутствие яркого света надежно скрывало его от моих глаз. Площадка с неровными, обломанными краями срывалась в бездну, залитую пустотой. Похоже, Створки впустили меня в непостижимо огромную естественную пещеру, обнаруженную строителями Храд Спайна множество тысячелетий назад. Третий ярус намного ниже того места, где я сейчас нахожусь, и к нему ведет каменный мостик, начинающийся от волшебных ворот и кончающийся где-то там. Мне придется пересечь пещеру по мосту. М-да... Не очень обнадеживающая перспектива, особенно если учесть, что мост всего четыре шага в ширину и у него отсутствует всякое подобие перил. Как бы не свалиться, а то буду лететь вниз, пока не помру с голоду. Не вовремя проснувшееся любопытство заставило меня поднять с камней то, что раньше было плечевой костью, и бросить это в бездну. Я тут же пожалел о своем минутном порыве – мало ли кого можно растревожить брошенной косточкой.

Жалеть жалел, но считать не забывал, авось узнаю глубину бездонной пещеры. Я бросил считать на девяносто трех, поняв, что так ничего и не услышу. Если кость и упала, то расстояние оказалось слишком велико, чтобы мои уши смогли расслышать звук удара.

С тех пор как захлопнулись Створки, прошло больше пятнадцати минут, и пора двигаться в путь, отринув на время соображения о том, как мне выбираться обратно. Сейчас я попросту тянул время и не спешил вступать на мост. Спорю на полновесный золотой, что мост длиннее, чем жизнь огра, а между тем никаких опор, отходящих от него вниз, я не видел. На чем держится весь этот вес? Какая магия заставила камень превратиться в узенький мост? Да и слуги Хозяина все еще могли быть где-то поблизости, а встреча с ними на площадке шириной в четыре шага фатальна для здоровья. Лафреса, Балистан Паргайд, Бледный и еще дюжина людей. Думаю, они как никогда будут рады меня видеть. С одной стороны, наткнись я на них, и как пить дать произойдут неприятности. С другой стороны, упусти я их сейчас и потеряй в лабиринте дворцов и залов, и о Ключе можно забыть. Как и о шансе вернуться из глубин под солнечные лучи. Нечего раздумывать! Надо действовать! Как там дальше в тишке-загадке?

А дальше – иди же! Распахнуты Створки
В Уснувшего Шепота залов покой.
Здесь мозг человека, и эльфа, и орка
В безумии гаснет... Погаснет и твой.

Очень обнадеживающая перспектива, особенно если учесть, что Створки отнюдь не распахнуты, а до залов Уснувшего Шепота предстоит долгий многодневный путь по тонкой каменной нитке, протянувшейся между мраком и бездной.

Я отбросил колебания, зажег «огонек» и, вступив на мост, пошел вперед. Стараясь идти посередине и не смотреть вниз, я держал волшебный фонарик на вытянутой руке и втайне от самого себя надеялся, что свет во мраке не привлечет ко мне излишнего внимания недружелюбных личностей, которые вполне могли здесь обитать. Прямой словно струна мост, и идти было в общем-то удобно, надо всего лишь забыть о том, куда забросила меня нелегкая, и не подходить к краю. Тишина и тьма. Тьма и тишина. Как описать Костяные дворцы, если выбросить слова тьма, тишина и полумрак? Никак. Потому что Храд Спайн – это именно тьма подземелий, тишина древних могил и полумрак, властвующий в мрачных залах, иногда освещенных непонятным образом.

Сейчас каждой частичкой своего тела я ощущал неизмеримое давление тьмы, тишины и нескольких лиг камней, земли и Сагот знает чего еще. «Огонек» едва-едва прогонял мрак и высвечивал мост на семь шагов вперед и на семь шагов назад. Света было недостаточно, и я чувствовал себя одинокой букашкой, оказавшейся за пазухой у демона. Мост имел едва заметный уклон, и постепенно я спускался все ниже и ниже. Здесь было прохладнее, чем на втором и первом ярусах, но в коридорах и залах частенько ощущались откуда-то берущиеся сквозняки, а в пещере не чувствовалось ни дуновения.

Далеко-далеко впереди полыхнула быстрая череда молочно-белых вспышек. Отсюда вспышки казались миганием крохотной раскалившейся песчинки. Но этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы я остановился как вкопанный и сжал «огонек» обеими руками, чтобы его свет не был виден. Теперь свет «огонька» пробивался сквозь пальцы и освещал руки и лицо бледно-розовым светом. Еще одна череда молочно-белых искорок. Отсюда до них больше тысячи ярдов. Три долгих томительных минуты я слепо вглядывался во мрак, но вспышки больше не повторялись. Чего бы там ни напридумывала Лафреса (а я уверен, что это ее проделки), все было кончено. Я сел, скрестил ноги и на всякий случай выждал еще десять минут, пропуская идущий впереди меня отряд. Это не лишняя предосторожность, пускай слуги Хозяина не подозревают о моем присутствии и считают, что я остался где-то за

Створками. Теперь я несколько не беспокоился, что люди увидели свет «огонька», – слишком велико расстояние между мной и компанией Балистана Паргайда. «Огонек» по сравнению со вспышками магии Лафресы – это все равно что уголек супротив пламени лесного пожара.

Минут через двадцать ходьбы я услышал ровный тихий гул. Так гудят растревоженные пчелы в улье, так гремит вода, падая с большой высоты. Но до источника непонятного шума надо было еще дойти, и я шел, шел и шел. Все ниже, ниже и ниже. Прямой мост, незнамо как державшийся под гнетом времен, едва заметно опускался, теперь я оказался ярдов на триста ниже, чем Створки. Чем дальше я шел, тем сильнее становился неизвестный гул.

Тело одного из воинов Балистана Паргайда лежало прямо на дороге, вся поверхность камня была щедро залита свежей кровью. У покойника отсутствовала голова. На мосту ее тоже не наблюдалось, из чего я заключил, что она свалилась вниз. Думать о том, с какой стати человек потерял голову, не приходилось. Видать, излишне горячий граф снес ее у послушавшегося приказа слуги. Правда, это не очень похоже на Паргайда. Не его стиль. Скорее уж тут поработал мой дружок Бледный. Морщась, как от зубной боли, я наступил сапогами в кровь и перешагнул через мертвеца. Теперь придется искать воду, чтобы вымыть обувь. Многие твари чуют вожделенный аромат за лигу, и привлекать к себе внимание без всякой на то нужды не стоило.

Я бросил невольный взгляд на мертвеца и замер. Что за меч снес голову несчастному? Если это меч, то он был самым тупым во всем мире. Срез оказался неровным, кожа свисала лохмотьями, мясо местами вырвано, позвонки... Все было измочалено, как будто кто-то просто оторвал человеку голову. Я наклонился над телом и поднес к нему «огонек», дабы лучше рассмотреть рану. Это меня и спасло.

Из мрака выскользнуло нечто, просвистело надо мной и вновь исчезло в темноте. От неожиданности я едва не свалился с моста. Выпрямившись и озираясь по сторонам, я испуганно размахивал «огоньком» из стороны в сторону, стараясь разогнать темноту. На этот раз я услышал хлопанье крыльев и вовремя отскочил в сторону. Страшные когти, собиравшиеся оторвать мне голову, загребли воздух. Существо издало разочарованный скрежет и вновь упорхнуло во мрак. Я бросил источник света на мост и, присев на землю, лихорадочно принялся отцеплять арбалет. Арбалет, конечно, не магия Лафресы...

Теперь оно упало на меня сверху, издав вопль победителя. Я откатился в сторону, чуть не рухнув с моста. Существо отчаянно забило крыльями, чтобы не врезаться в твердую поверхность, и я тут же выстрелил. Естественно, промазал, и тварь соскользнула куда-то вниз.

Пока я разбирался с первой, вторая bestия появилась в круге света, и мне пришлось прыгнуть вперед, чтобы избежать встречи с ее когтями. Вновь разочарованный скрежет-крик. А теперь представьте, каково это – заниматься акробатическими трюками на узенькой площадке. Мне едва-едва хватало места, чтобы разминуться с летунами. Я схватил «огонек» и побежал вперед, питая надежду, что твари от меня отстанут. Как же! Размечтался!

Хлопанье крыльев за спиной известило о приближении преследователя. Я рухнул на мост, тварь, обдав ветерком, пронеслась надо мной, и прежде чем она успела вылететь из круга света, второй болт, остававшийся в арбалете, вонзился в нее. Существо издало скрежет боли, рухнуло на мост и в конвульсиях застучало перепончатыми крыльями. Вторая тварь, забыв про меня, упала на своего недавнего товарища и принялась вырывать из умирающего здоровенные куски мяса. Я недолго думая достал два коротких болта, уложил их в арбалетные ложа, потянул рычаг, взводящий тетивы, и, прицелившись, вбил оба болта в голову твари. Та незамедлительно подохла, за что я поспешил выразить Саготу горячую благодарность.

На поверку летуны оказались не такими уж и большими. Чем-то похожие на летучих мышей, с длинными перепончатыми крыльями, маленькими телами, головой с подковообразным носом, большими ушами и огромными черными плоскими глазами. Зато вот коготки задних лап размерами могли поспорить с приличными кинжалами. Каждое существо было едва ли крупнее средней собаки. Но самое удивительное, что летучие мышки оказались обычными

живыми существами без всякой примеси магии. Интересно, чем они тут питаются, когда по мосту не ходят люди? Ведь не каждый же век повезет оторвать голову у ничего не подозревающего путешественника?

Брезгливо сморщившись, я ногой спихнул оба создания в бездну и поспешно пошел дальше, держа арбалет наготове. Лафреса небось неплохо поработала и пожгла уйму таких вот порхающих в непроглядной темноте тварюшек, но не стоило задерживаться, потому как незнамо сколько бестий уцелели и желали полакомиться свежим мясом. Я вновь двинулся по мосту, думая о том, что должен же он когда-нибудь кончиться.

Гул превратился в грохочущий рокот, рокот сменился громом, гром перешел в рев. В воздухе витала свежесть и почти неосязаемая водяная пыль. Теперь я знал, что там, впереди. Водопад. Не было ни времени, ни желания выяснять, откуда он здесь взялся. Очень незаметно стало светлеть. Из призрачной тьмы появились стены. Они слабо сияли мертвенным бледно-зеленым светом. Стены пещеры сдвинулись, где-то высоко-высоко заискрился неровный потолок. Рев стоял неописуемый, стены сомкнулись еще больше, от моста до них было не более сорока ярдов. Влага, висящая в воздухе, росой оседала на одежде и холодила кожу. От гула падающей воды грозила расколоться голова. Мост стал мокрым, и камень блестел в свете «огонька». Слава Саготу, что здесь не скользко, а то зазеваюсь и загремлю вниз. Еще двести ярдов, и вот они – водопады. На правой и левой стене появились огромные, ярдов в тридцать гротескные головы полуптиц-полумедведей. Пасти-клювы широко раскрыты, и из них с ревом вырываются потоки воды. Водопад по правую и водопад по левую руку. Черная вода, едва различимая в бледно-зеленом свете, царящем в пещере, ревела, бесновалась и неслась куда-то вниз. Я поравнялся с головами на стенах и за несколько секунд промок до нитки (к тому же еще и оглох). Откуда здесь вода? Какой-то подземный приток Иселины или что-то совершенно другое? Мне сразу же вспомнилась легенда про Реку Мертвых, текущую в мрачных глубинах земли и несущую души грешников во тьму.

Сагот! Когда я проходил мимо ревущих как сто тысяч демонов бездны водопадов, я боялся, что или оглохну на веки вечные (про припасенные затычки для ушей я и думать забыл), или меня сметет водяным потоком. Казалось, протяни руку – и дотронешься до одного из двух водопадов. Да и головы уже не раз виденных птицемедведей грозили поразить чужака или хотя бы напугать до мокрых штанов. Впрочем, штаны-то как раз у меня и вправду были мокрыми, как и вся остальная одежда.

Водопады подземной реки остались позади, провожая меня затихающим гулом. Стены вновь разошлись, их бледно-зеленый свет погас, приглашая прийти мрак (последний не преминул воспользоваться приглашением и тотчас явился).

Тьма меня заберит, но я зверски устал и поэтому расположился прямо на мосту, решив перекусить. Заодно пришлось раздеться и отжать пропитанную влагой одежду. Я мелко дрожал и ежился после невольного купания в брызгах водопада. Затем, приведя свой гардероб в более-менее божеский вид, пришлось уделить внимание желудку, и я добыл изрядно промокший сухарь. «Огонек» в последний раз мигнул и погас. Я ругнулся и зажег новый. Сколько же времени я прусь через мост? По моим подсчетам, с тех пор, как я оказался в Храд Спайне, прошло почти три дня, а я до сих пор где-то между вторым и третьим ярусом.

После краткого отдыха пришлось продолжить движение. Мост к этому времени перестал быть прямым и принялся закручиваться серпантинном, ускоряя мой спуск. Серпантин превратился провалом. Дальше моста не было. Точнее, он был, но только через два ярда, а между двумя половинками лежала пустота. Пришлось отходить назад и штурмовать маленькую пропасть с разбега. Миг, и бездна, мелькнув под ногами, уступила место твердой поверхности. Еще пять раз мост заканчивался провалами, но они были не более полутора ярдов в длину, и я без всякого труда преодолел опасные участки. Очень странно, что мост обрушен, и еще более

странно, что его отдельные половинки без всяких опор держатся в воздухе, словно прибитые невидимыми гвоздями.

Спустя вечность стены вновь сошлись, мост сделал последний виток, и передо мной оказался выход, а точнее, вход на третий ярус.

Зал. Даже не могу найти слов, чтобы описать то, что высветил «огонек». Стоило лишь отдать ему надлежащий приказ, и круг света расширился до сорока шагов (все прекрасно видно, но жизнь волшебного фонарика сокращается на несколько часов). Все виденное мной в Храд Спайне до этого не шло ни в какое сравнение с первым залом третьего яруса, передо мной лежал уровень эльфов и орков, к созданию которого не прикасались человеческие руки. Где потрескавшийся камень? Где базальт и гранит? Где простецкая архитектура и отделка стен? Куда подевались грубые статуи и едва обтесанные гробы? Все это осталось наверху, а здесь... Здесь разметалась потрясающая и ни с чем не сравнимая красотища.

Зал – черное вперемежку с ярко-алым. Очень красивое сочетание, если приглядеться. Черные стены с красными прожилками и вкраплениями, изящные черные полуарки с красным орнаментом, очень похожим на орочьи буквы, потолок, где красные линии и штрихи сливались между собой в изображение большой паутины. Пол выложен черной матовой плиткой с теми же красными прожилками, что и на потолке. Между каждой плиткой – тоненькая красная прослойка. Свет «огонька», падая на красное, заставлял зал искриться и придавал этому месту совершенно волшебный и сказочный вид.

В груди неприятно закололо, и я понял, что не дышу с того самого момента, как вошел в зал. Я воистину оказался во Дворцах, слава о красоте которых ходила по всей Сиале, и даже гномы с карликами приходили в Храд Спайн, дабы поглазеть на красоту могильных залов. Но те времена давно канули в Лету вместе с Эпохой Свершений. Храд Спайн перестал быть безопасным, дорога в него заброшена, и уже редко кто решается прийти сюда. Эльфы и орки, карлики и гномы, люди и гоблины. Все они помнят о том, что таится под зелеными кронами Заграбских лесов, все они рассказывают внукам легенды, предания, мифы и сказки о былом величии подземных дворцов. С тех пор как на нижних ярусах проснулось зло костей огров и еще незнамо кого, все ушло, все погибло, все поблекло.

Отчего-то на третьем ярусе непроглядно темно. Не было уже ставшей привычной магии светящихся стен, и если б не «огоньки», мне пришлось бы продвигаться по залам, как слепому кроту (с той лишь разницей, что в отличие от крота я бы далеко не ушел). Моих шагов практически не было слышно, но я заставил себя идти осторожно и уменьшил свет «огонька» до его стандартного размера. Нечего уподобляться солнышку, ребята Балистана Паргайда могут оказаться поблизости.

Черно-красный зал сменился точно таким же, а из него было сразу три прохода в три абсолютно идентичных первому зала. А из них еще в три. И так до бесконечности. Лабиринт по своей запутанности не уступал верхним ярусам.

Везде, в каждом зале замершая черно-алая красота то одним, то другим краешком появлялась в лучах фонарика и вновь скрывалась, кутаясь в ночь. Застывшая колонна там, изящная арка здесь. Сколько же я повидал залов за эти часы? Не будь у меня бумаг из заброшенной башни Ордена, и я давно бы затерялся в лихо закрученном лабиринте. Наверное, именно это и произошло с опережающими меня где-то на час-полтора слугами Хозяина. Если бы не Лафреса, я бы живо записал ребят в кандидаты на отправку во тьму. Но голубоглазая женщина каким-то внутренним чутьем, не имея ни одной карты, находила нужную дорогу в лабиринте Костяных дворцов-могильников.

Каждый зал третьего яруса представлял собой огромную могилу. На третьем уровне находились самые поздние захоронения эльфов и орков. Могилы появлялись здесь в последние годы Мертвого перемирия, которое обе расы хранили многие тысячи лет. Во время перемирия

ни Первые, ни эльфы не трогали друг друга в Костяных дворцах, но когда-нибудь всему приходит конец. Кровь пролилась, и перемирие рухнуло. Эльфы поставили Створки и перекрыли Первым (впрочем, как и себе) легкий путь к могилам предков.

В отличие от людей старшие расы не устанавливали памятных надгробных плит, а просто замуровывали своих мертвецов (или их прах) в стены, да так, что могил-ячеек попросту не было видно, и тот, кто не знал о них, никогда бы даже не предположил, что за искусной лепкой, или рисунком, или колонной лежат кости умерших столетия, а то и тысячелетия назад орков и эльфов.

Третий ярус, затем четвертый. И все это в полной, крошечной темноте. Я находился в Храд Спайне уже шесть дней. Я ел, спал и шел дальше. Шел через залы, коридоры и галереи. Все дальше, все глубже... И везде ни души. Ничего жуткого и зубастого. Какие бы существа ни жили здесь столетия назад, они давно померли или ушли на более глубокие ярусы. Ни одного явного присутствия человека или какого другого создания.

Лишь на четвертом ярусе я наткнулся хоть на какое-то отличие от всего виденного мною за последние два дня. Здесь не было нетронутого спокойствия, здесь явственно пахло смертью. Стены зала покрыты материалом, похожим на дубовую кору, потолок – переплетение каменных ветвей, пол – застывшая в мраморе трава. Причудливое сочетание запахов розы, корицы, кардамона, имбиря, шиповника и тления.

Мертвецы. Много, больше трех десятков. Скелеты, обтянутые желтой пергаментной кожей, в стальных доспехах, отливающих небесной синевой, и с кривыми мечами – с'кашами. Эльфы. В центре зала останков было особенно много. Свет «огонька» вырвал из тьмы лежащий на боку гроб из черного заграбского дуба. Ко мне гроб был повернут дном. Стараясь не тревожить костей погибших эльфов, я обошел зал, чтобы увидеть того, кто лежал в гробу. Наверное, когда на эльфов напали и застали их врасплох, те, кто несли гроб, уронили его, и, ударившись об пол, тот раскололся. Эльфы встали на защиту мертвого, но погибли сами. С точки зрения большинства людей, умирать из-за мертвеца – наиглупейший поступок, но для эльфов все совершенно иначе. Для клыкастых созданий слово «дом» и слово «род» превыше собственной жизни. Крышка гроба отлетела на ярд, и покойник наполовину вывалился из своего последнего пристанища. Интересно, видел ли дух эльфа, как те, кто принес его, гибнут? На голове эльфа была надета корона. Платина обода и черные бриллианты, перемежающиеся искусно сделанными розами из потемневшего серебра. Передо мной лежал владыка одного из темных эльфийских домов. Я бросил быстрый взгляд на доспех лежащего слева от меня воина – на нагруднике гравировка Черной розы. В одной из книг Королевской библиотеки была краткая история о попытке сорокалетней давности донести тело умершего владыки до двенадцатого яруса. У темных ничего не получилось, их слишком крепко прижали, и эльфы оставили тело владыки на четвертом уровне, а сами отступили, теряя бойцов. Только жалкая часть из почти двух сотен ушедших под землю смогла выбраться из Костяных дворцов.

Странно все это. Очень и очень странно...

Что странно? А то, что эльфов перебили и даже не поморщились, впрочем, как и вторую экспедицию короля Сталкона, а меня игнорируют самым бесстыжим образом. Не то чтобы я жаловался – по мне так пусть вообще никого не встречу, – но все же отсутствие на нижних ярусах мало-мальски ужасных тварей, о которых так любит рассказывать молва, вносило смутные опасения. Куда они могли подеваться?

Стоп! А вот это уже не мое дело! Пускай хоть во тьму провалились, главное, чтобы меня не трогали.

Сагот знает, что на меня нашло, но я все же совершил (даже по моим меркам) глупый поступок. Я подошел к останкам короля, уложил их обратно в гроб, с натугой перевернул внезапно оказавшийся очень тяжелым ящик. Во время этих манипуляций корона, продержавшаяся

яся на челе мертвого короля больше сорока лет, упала на пол. Я поднял ее, и в свете «огонька» черные бриллианты вдруг заиграли и зажили новой жизнью. Я не смог подавить возглас невольного восхищения. Сагот! Эта игра, эти переливы были необычайно красивы. Представляю, что будет, если показать камушки солнечному свету. Корона на втором ярусе, которую расплавил луч, сорвавшийся с потолка, не шла ни в какое сравнение с короной главы дома Черной розы. Ну разве можно сравнивать лошадиное дерьмо с нектаром богов? На несколько секунд я застыл, борясь с собственным «я». Одна моя часть предлагала забрать бесценную вещь, ведь мертвецу она уже не нужна, а мне принесет баснословные деньги. Но другое «я» пронзительно взывало к благоразумию и тому факту, что еще никому не удавалось ограбить эльфа из правящего дома, и совсем не важно, жив он или мертв.

На этот раз жадность разочарованно вздохнула и отступила. Тьма меня задери, к Саготу алмазы! Эльфы мстительны даже после смерти. Я без всякого сожаления о совершаемой глупости осторожно надел черный обруч на голову мертвеца. Покойся с миром, король, и забудь, что я ненароком тебя потревожил.

Мой взгляд натывается на с'каш с нефритовой рукоятью. Клинок валяется у меня под ногами. Я наклоняюсь, поднимаю оружие, и металл с волнистым рисунком тускло блестит в свете волшебного фонарика. Клинок, достойный владыки дома. Кладу кривой меч эльфу на грудь, в ноздри бьет едва ощутимый запах дикой розы. Складываю руки-кости на рукояти меча. Сначала левая рука, а затем правая. Правое запястье мертвого внезапно изгибается, оказывается поверх моей ладони, разжимается, кожу обдает холодком. Рука эльфа падает на с'каш, прежде чем я догадываюсь испуганно отдернуть свою. Отдергиваю и прижимаю к себе, все еще не веря, что так легко отделался. Мертвый эльф держал меня всего лишь какую-то долю секунды, но ладонь до сих пор обжигает холодом. Испуганно отшатываюсь от гроба, краешком сознания отмечая, что инстинктивно сжал кулак, в который мертвец умудрился что-то вложить. Испуганно разжимаю кулак, словно в нем притаился злющий огненный скорпион.

Мимолетный росчерк падающей звезды. Успеваю заметить, что звезда черная. Звездочка падает на пол, и раздается едва слышный звук. Нагибаюсь и поднимаю упавшую красоту. Уже не холодную, а теплую. Не могу удержать очередной вздох восхищения.

У меня на ладони лежит перстень, не уступающий в изяществе короне владыки дома Черной розы. Тело перстня – переплетенные между собой нити черного серебра и платины, а сердце – черный бриллиант. Не удивлюсь, если камень обладает магией – на его гранях, разбуженных светом «огонька», плясал весь радужный спектр миров. Конечно, стоимость перстня никогда не сравнится со стоимостью короны, но и этого черного бриллианта достаточно для восьмилетнего безбедного существования в собственном маленьком дворце.

Верчу перстень в руках, соображая, каким образом он здесь появился. В голову стучится одна и та же мысль: мертвый король сам вложил перстень мне в ладонь. Но как?! Нет, меня не очень уж сильно удивляет, что дух мертвеца вдруг преисполнился благодарности к человеку и отдал ценную вещь. Во тьму удивление! В нашем мире и не такое случается! Мертвецы благодаря не исчезнувшему с Сиалы Кронк-а-Мору довольно часто оживают, правда, обычно ими не движут благородные побуждения. Такие твари стремятся вырвать сердце, а не подарить перстень. Здесь же было совсем другое. Не Кронк-а-Мор на несколько мгновений оживил эльфа, тут поработала совершенно иная магия. Но сейчас меня интересовал совсем иной вопрос – откуда у мертвого взялся перстень? Ясно помню, что на пальцах эльфа раньше ничего не было.

Подхожу к гробу и пристально смотрю на высохшее лицо с провалившимся носом и запавшими глазами. Игра света и теней сделала лицо мертвого почти живым, почти одухотворенным, но очень и очень старым. Слабый запах роз щекочет ноздри, я бросил на покоящегося короля последний взгляд и отошел назад, крепко сжимая перстень в кулаке и понимая, что это дар. Не жданный от эльфийского народа, но все же дар. Снимаю перчатку с правой руки, надеваю перстень, вглядываюсь в грани камня. В глубине бриллианта вдруг зарождается золотая

искорка, она вспыхивает, гаснет и вновь вспыхивает. Вспышка. Темнота. Вспышка. Искорка едва трепещет – медленно, лениво, размеренно, словно в бриллиант и в самом деле заключено самое настоящее сердце.

Озарение приходит как всегда неожиданно. М-да. Ну и туп ты, братец Гаррет! Интересно, кто глупее – я или доралиссы? Мое сердце бьется с точно такой же ритмичностью, что и камень. Точнее, камень мерцает в такт биению сердца. Не знаю, что за перстень у меня сейчас на руке и какие последствия будут от его ношения, но понимаю, а точнее ощущаю узы единения, точно такие же, как порванные узы Ключа. Ощущаю себя в камне и камень в себе. Это чем-то похоже на щекотку и длится не более трех секунд, затем мерцание камня затухает и бриллиант вновь становится обычным бриллиантом. Надеваю перчатку на руку, пряча под ней бесценную вещь. Разбираться с перстнем буду позже, когда выберусь из Костяных дворцов (точнее, если выберусь). Бросаю последний взгляд на зал-дерево, накидываю капюшон черной куртки на голову и следуя своей дорогой, оставляя так и не похороненного эльфа во вновь сгустившемся мраке.

Мертвая тишина, разбуженная звуками моих шагов. Мне не хватит слов, чтобы описать всю красоту подземных дворцов. Черное и красное, оранжевое и золотое, синее и цвет морской волны, сочный пурпур и тусклая охра, холод голубого мрамора и жар огненного гранита. Искрящиеся от слюды стены и величественные колонны из чистого янтаря, уходящие в необъятную высь. Статуи орков и эльфов завораживающей красоты, бассейны с проточной водой, дно которых выложено бирюзой, составляющей причудливый узор сказочных цветов. Воздушные лестницы с тонкими перилами, казалось выточенные искусным мастером из единой глыбы зеленоватого горного хрусталя, и балконы, сплетенные из тонких нитей неизвестного мне металла, проходящие на вторых ярусах залов. Всплохи черного серебра стен и потолка, красота увядшей осени в каждом жесте, в каждой позе статуй, тихое, едва слышное «хм-м-м-мм» – песнь залов, хранящих покой мертвых. Ни дуновения самого слабого сквознячка, ни звука, кроме песни залов, ни шепота, ни лучика света. Какая бы магия раньше ни освещала эти места, она умерла вместе с уходом эльфов и орков из Храд Спайна. Все дальше и дальше я спускался под землю, и мне даже не хотелось думать, сколько лиг камня лежит сейчас у меня над головой. Кто, каким чудом, какими силами смог сотворить такое застывшее великолепие на такой непостижимой для разума глубине? И это только четвертый ярус, а ведь существуют сорок восьмой и Безымянные, куда не решались спускаться даже огры в пору расцвета и величия своей расы. Тот, кто создал Храд Спайн на заре времен, наверное, был равен богам, а то и превосходил их.

Мрак дремал, мертвецы спали вечным сном в нишах древних могил, и лишь я не знал покоя и, уже не обращая внимания на красоту подземных дворцов, топал и топал вперед, с каждой секундой, с каждым шагом приближаясь к своей цели, своему Заказу – к Рогу Радуги.

Шел второй день моего путешествия по четвертому ярусу и седьмой день в Храд Спайне. Неделя прошла, и я очень удивлялся тому, что не свихнулся от гнетущего чувства одиночества.

Неделя. Целая неделя, проведенная Сагот знает где. Половина пути пройдена, осталось всего четыре яруса. Ха! Всего! Я до сих пор не дотопал до мест, о которых говорилось в путеводном стихе. Неделя промелькнула как скомканный и едва запомнившийся мне кошмар. А тьма! Я уже навряд ли успею вернуться к нужному сроку, и с милорда Алистана станется самому спуститься сюда. От первоначального количества сухарей и «огоньков» у меня оставалась где-то половина, и я потихоньку начинал беспокоиться, что скоро придется урезать свой рацион, потуже затянуть пояс и научиться бродить в кромешном мраке. К тому же на всем ярусе отсутствовала вода, и приходилось зверски экономить ту малость, что сейчас плескалась на самом дне фляжки. Отчаянно чесалось лицо – недельная щетина давала о себе знать.

Я уже давно должен был добраться до лестницы на пятый ярус, но лестницы не было, будто ее демон языком слизал. Я стал волноваться, что по ошибке свернул не в тот зал и заблудился. Карта почти не помогала. По ней я мог определить, где выход, но узнать, в каком месте я сейчас нахожусь, не было никаких шансов. Все залы этого сектора были похожи друг на друга – индиго и охра стен переплетались с перламутром колонн и бирюзой пола (зверское для глаз сочетание). Сейчас я искал один-единственный зал. Зал, где был вход в длинную и абсолютно прямую галерею, которая должна была привести меня к нужной лестнице. Искал уже четвертый час. Искал и не находил.

Повезло мне неожиданно (если, конечно, язык повернется назвать это везением).

Это место было не таким, как все предыдущие. Маленькая комнатка с закрытой железной дверью на противоположной стене и узеньким люком в полу, закрытым стальной решеткой. Я подошел к двери, отчаянно соображая, на кой кому-то потребовалось устанавливать здесь преграду, в особенности если учесть, что раньше в Храд Спайне я не замечал изобилия дверных перегородок. Понимая, что пропустил поворот и свернул не туда, я пошел прочь из комнаты, но на полпути меня поджидал великолепный и оч-чень неожиданный сюрприз. Стена сдвинулась, словно живая, и закрыла выход, заперев меня в помещении.

– Не понял, – довольно глупо заявил я в темноту.

Гул с потолка был мне ответом. Я поспешно приказал «огоньку» засиять на полную мощь и высказал богам крайне нелицеприятную для их ушей фразу. Богохульство? Да еще какое! Но в данном конкретном случае мне было плевать на это. Потолок двигался! И двигался в мою сторону, грозя через пару минут насадить Гаррета на торчащие на черную зависть всем ежам Сиалы двухъярдовые шипы.

Переборов столбняк, я бросился к железной двери и еще раз поспешно ее осмотрел. Замочная скважина... Есть! Руки немного дрожали, потолок медленно и неотвратимо опускался. На одном из зубчатых шипов висел человеческий череп. Кому-то лет двести назад не повезло, и он, как и я, свернул не в тот зал. Отмычка вошла в скважину, издала извиняющее «дзан!» и сломалась. Я тупо уставился на огрызок, оставшийся в замке. Вот те на! В ярости отбросив в сторону сломанную отмычку, я ударил плечом в дверь и зашипел от боли. Дверь даже не подумала поддаться. Скорее сломаюсь я, чем она! Сделали дверь на совесть, и здесь не справился бы даже человек комплекции Медка. Для такой дверки великолепно подойдет таран, которым вышибают ворота в замках.

Таран я, естественно, не припас, как-то не подумал, что он мне понадобится, и пришлось отчаянно озираться в поисках спасения. Потолок преодолел половину пути и, кажется, еще и ускорил свое движение. Мой взгляд упал на люк в полу. Вцепившись обеими руками в решетку, я потянул ее изо всех сил и едва не лопнул от натуги. Решетка, как и следовало полагать, не сдвинулась ни на дюйм. Казалось бы, столько столетий стоит, пора бы уж проржаветь, ан нет! Для проклятой железяки закон времени оказался не писан.

Надо действовать, и действовать быстро, иначе живым из этой ловушки я не выберусь! Неизвестные строители, неизвестно зачем построившие этот неизвестный люк, предоставили мне шанс избежать гибели, и я не собирался его упускать. Я выудил из сумки горсть пузырьков, выбрал тот, на стенке которого был нарисован череп в огне, а остальные бросил обратно. Швырнул волшебную склянку на решетку, стекло звякнуло и разбилось, а я отлетел на максимально возможное безопасное расстояние. Яркий всполох огня! На карачках ползу к люку, молясь Саготу, чтобы все сработало как надо. Шипы с потолка едва ли не корябают спину. Возле люка остро воняет ландышами и пеплом, хочется чихать, глаза режет неимоверно, истощившийся от усилий осветить весь зал «огонек» едва горит. Решетка, закрывающая люк в полу, исчезла. Не думая о последствиях, ныряю в люк. Секунда полета, ударяюсь о каменный пол, шиплю от боли.

Скрежет где-то наверху говорит о том, что шипы потолка встретились с полом. «Огонек» прощально мигает, на миг вспыхивает с прежней силой и гаснет. Великолепно! Место, куда я попал, настолько узкое, что приходится показывать чудеса природной ловкости, лишь бы только добраться до сумки на поясе. Двумя пальцами выуживаю из внутреннего кармана новый фонарик, зажимаю, зажигаю и, выждав несколько секунд, начинаю осматривать свое нечаянное убежище.

Мизерная квадратная комнатуха, из которой уходит идеально круглая каменная кишка, в которой я едва-едва могу поместиться. Скрючиваюсь в три погибели, смотрю вверх. Квадратный люк, через который я сюда прибыл, и нависший потолок, хищно оскалившийся на меня шипами.

Та-а-а-ак! Вел-ликолепно! Путь назад перекрыт, если только потолок не соизволит подняться на свое законное и положенное ему природой место. Я с надеждой посмотрел на него, но тот даже не шелохнулся. Ясненько. Что остается? Правильно! Каменная кишка.

Скрючиваюсь еще сильнее, практически ложусь и свечу в кишку. Видимость не больше пяти ярдов, дальше – тьма-тьмушая. Ну что? Можно, конечно, подохнуть, как крыса, запертая в ловушке, но мне отчего-то не хочется так рано отправляться в свет. Придется ползти по узенькому проходу и надеяться, что он не сузится до ширины игольного ушка. Отцепляю арбалет, снимаю с пояса сумку с магическими безделушками, снимаю вторую сумку, холщовую, где у меня лежит теплый свитер и которую я приготовил для Рога Радуги. Отстегиваю ремешки, удерживающие нож на ноге. Складываю на холщовую сумку все другие вещи, кладу в проход. Буду толкать перед собой, а то, не дай Сагот, застряну из-за какого-нибудь арбалета посреди дороги и помру от голода. «Огонек» я водрузил поверх всего хлама, дабы он освещал мне предстоящий путь.

Я лег на живот и пополз, толкая перед собой свою немногочисленную поклажу. Приходилось извиваться словно змея и работать локтями и коленями, чтобы передвигаться с как можно большей скоростью. «Огонек» бил прямо в глаза, и пришлось уменьшить его свет до минимально возможного. Я полз, извивался и протискивался, обдирая себе колени и локти. В кишке нельзя даже голову приподнять – потолок навис прямо надо мной.

Не хочу думать, сколько ярдов я вот так прополз. Едкий пот попадал в глаза, сверток, который я толкал перед собой, наливался тяжестью. Я уже пару раз успел проклясть тьму и свою глупость, заставившую влезть в каменную ловушку. Надо было сидеть и ждать, когда поднимется потолок, а не совать голову в пасть смерти! Камень давил со всех сторон, вызывая приступы страха, грозящие повергнуть меня в глубокую пучину паники. Казалось, что воздух сгущается, становясь таким же твердым, как окружавший меня камень, и дышать становилось очень и очень трудно. В такие минуты мне приходилось останавливаться, закрывать глаза и считать про себя до тех пор, пока кровь не переставала греметь в ушах. Ярдов через семьдесят, когда стало уж совсем невозможно, а стены сузились настолько, что приходилось попросту ввинчиваться между ними аки штопор, впереди забрезжил едва видимый тусклый свет. Я с еще большим рвением и усердием принялся продвигаться вперед, к неожиданному подарку богов – свету. Последние шесть ярдов оказались особенно тяжелыми и стоили мне огромных усилий. Я едва не сломал ногти, впиваясь пальцами в скалу, дабы проползти еще хоть немножко. Даже думать не хочу, кто и для чего потратил свое драгоценное время на выдалбливание в теле земли сего ужасного прохода.

Наконец я оказался у разветвления. Прямо передо мной было рваное отверстие, ведущее туда, где есть свет, кишка же поворачивала влево и уходила еще глубже, почти сжав стены и оставляя для прохода щель такую узкую, что через нее смог бы проползти не всякий таракан, что уж говорить обо мне?

Из дыры, выходящей в зал, до пола было не более двух ярдов. Первыми вниз полетели толкаемые всю дорогу вещи, а затем и я сам. Пришлось довольно сильно извернуться, дабы

приземлиться не на голову, а на ноги, но я успешно справился с этой небольшой задачкой и очутился в ярко освещенном помещении.

Оглядываться времени не было – я поспешно собирал валявшиеся на полу вещи. Сумку через плечо, другую на пояс, нож на бедро, покрепче затянуть ремешки, арбалет за спину. Кажется, все. Теперь можно и осмотреться, благо впервые на ярусе я встречаю ярко (именно это слово) освещенный зал. Довольно нелепая для эльфов и орков архитектура – нечто излишне прямолинейное, грубое и неказистое. На каждой из стен по большой каменной роже полуптицы-полумедведя. Рожи у сего скульптурного творчества как всегда недружелюбны, глаза ярко горят в свете магических светильников. Светильники наподобие моего «огонька», но гораздо больших размеров.

Горящие глаза привлекли мое внимание. Привлекли и больше не отпустили. У первой рожи они были зелеными, у второй – огненно-красными, у третьей – густо-желтыми и у четвертой – глубокого цвета предгрозового неба. Ладони у меня враз вспотели, потому как глазки были не чем иным, как драгоценными камнями, каждый из которых совсем чуть-чуть уступал размерами моему кулаку. Если собрать все камушки, можно больше не работать. Можно обогатиться на сотню лет вперед, и цена Заказа, те пятьдесят тысяч, что обещал мне Сталкон, если я притараню Ордену Рог Радуги, покажется попросту смехотворной. Да за один такой камень карлики продадут мне половину своих гор!

Сейчас я даже не раздумывал и, достав нож, подошел к ближайшей ко мне зеленоглазой морде. Всадив клинок между драгоценностью и обычным камнем, я стал действовать ножом, словно рычагом, и начал расшатывать гигантский изумруд. Драгоценность неожиданно легко поддалась и оказалась у меня в руке, а из пустой глазницы на пол просыпался зеленый водопад. Я даже забыл закрыть рот. В течение десяти секунд на пол высыпалось целое состояние из мелких (то есть теперь, после камня-глаза мелких) изумрудов. Они просом рассыпались по гладкому полу и искрились зелеными капельками в свете фонарей. Сунув глаз-изумруд в сумку, я дрожащими руками принялся за сбор его мелких братьев. Меня не покидала лихорадочная мысль, что как только я очищу все глазницы от спрятанных в них сокровищ, то стану богаче иных королей. Смущал только тот факт, что раньше меня никто не догадался почистить этот зал. Неужели проходящих здесь не заинтересовали камушки? Да ни в жизнь не поверю! С другой стороны, я попал в сокровищницу по каменной кишке, и зал находился немного ниже пятого яруса. Может, его просто никто не заметил?

Возле головы с желтыми глазами начиналась деревянная лестница, ведущая прямо к потолку, где был люк. Именно так можно было выбраться из зала. От собирания изумрудов меня отвлекла выросшая за спиной тень. Я совершенно незящно, прямо с четверенек, отпрыгнул в сторону, и на то место, где я только что стоял, опустился ятаган, звонко звякнув о мраморную плитку пола. Я обернулся, увидел своего почти состоявшегося убийцу и обомлел – в трех ярдах от меня стоял самый настоящий скелет. Скелет не человеческий – это я понял сразу. Скорее всего, орк – слишком широкий костяк, да и клыки соответствующего размера. В правой руке ятаган, в левой маленький круглый щит, в черных провалах глазниц горят мириады багровых искр пробудившейся магии. Тьма знает каким боком держались его кости, но тварь бросилась ко мне, отчаянно размахивая ятаганом. Вот уж не думал, что скелеты настолько проворны. Парень не уступал мне в скорости, ятаган превратился в одно размытое пятно. Как я понял, невесть откуда взявшийся здесь страж намеревался напластать Гаррета на сотню маленьких ломтиков. Ни о каком сопротивлении не могло быть и речи – как прибить мертвые кости? Скелет едва не загнал меня в угол, но, на мое счастье, рядом была лесенка, и я принялся со всей возможной скоростью карабкаться вверх. Сейчас мне было не до драгоценных камушков – следовало спасать свою жизнь. Преодолев четверть пути тех одиннадцати ярдов, что отделяли потолок от пола, я почувствовал, что лестница подрагивает. Бросил быстрый взгляд вниз и стал перебирать руками и ногами с удвоенной скоростью. Скелет не собирался останавли-

ваться на полпути. Отбросив щит в сторону и зажав в зубах ятаган (видок еще тот!), мертвец стал проворно карабкаться следом за мной. Надо сказать, что лазил он по лесенкам намного проворнее, чем я. На высоте девяти ярдов он меня настиг. Ничего не оставалось, как пойти на отчаянные меры. Я вцепился руками в перекладину, поджал ноги и, дождавшись, когда нас с противником разделяло совершенно мизерное расстояние, что есть сил опустил оба сапога на желтый череп. Скелет скрипнул, словно сверчок, попавший в огонь, разжал пальцы и рухнул вниз. Девять ярдов он пролетел беззвучно и, ударившись об пол, разлетелся вдребезги. Череп полетел в одну сторону, ребра – в другую, позвонки – в третью. Ну вот и долазился!

С высоты весь зал был как на ладони, и на месте головы, из которой я выдрал камень, была видна пребольшая дыра. Сама же башка каким-то образом оказалась отодвинута в сторону. Не удивлюсь, если, забрав изумруд, я вызвал к жизни веками спящего в нише охранника. Так что речи не могло быть, чтобы спуститься обратно и добыть камни из других голов – себе дороже. Небось за каждой башкой по скелету, и я совершенно не уверен, что мне удастся повторить трюк с лестницей во второй раз. После пережитого у меня даже не было никакого желания доставать второй изумруд. А ну как меня будет ожидать еще один сюрприз? Нет уж! Дудки! Фор всегда говорил мне – довольствуйся малым и никогда не ставь деньги выше собственной жизни. Старый вор и жрец Сагота как всегда прав. Я лучше буду следовать его советам и утешусь тем, что лежит у меня в сумке.

Через минуту я оказался в уже привычной тьме пурпурно-серебряных залов пятого уровня. Пришлось воспользоваться новым «огоньком». Я осмотрел место, где очутился, и хмыкнул. Все что ни делается – к лучшему. Прямо из зала, куда я попал, начиналась галерея, ведущая к лестнице на пятый ярус.

Так я и знал, что стих-загадка магов, запрятавших Рог Радуги на могиле у Грока, окажется неточным. Я думал, что залы Уснувшего Шепота начнутся сразу же за распахнутыми Створками, то есть как говорилось в стихе, но действительность оказалась куда хуже. Не попав после Створок в залы Шепота и преспокойно протопав третий и четвертый ярусы, я и думать забыл о строчках стиха. Мало ли что привиделось магам Ордена, спускавшимся в Костяные дворцы? Естественно, я и не надеялся, что нежданно-негаданно попаду в залы Шепота, оказавшиеся совсем не залами, а именно той самой галереей, что вела к пятому ярусу. Говорил же я, что у магов Ордена своеобразное чувство юмора и еще более своеобразные ассоциации. Обозвать галерею залами отважится не каждый идиот. Разумеется, никто меня не предупредил о том, *где* я нахожусь, да и на картах была указана лишь галерея без всяких там названий. Но, впрочем, буду рассказывать по порядку.

Собственно говоря, из зала в галерею я вступил во вполне приподнятом настроении. Нашелся выход с четвертого яруса, причем нашелся совершенно неожиданно, после четырех часов безуспешных поисков. Как тут не радоваться?! В общем, бодрым шагом, освещая себе дорогу «огоньком», я шагнул из зала и пошел...

Когда впереди загорелся светлячок, я понял, что здесь что-то не то. После темных пространств и залов я как-то настороженно стал относиться ко всякого рода неожиданным проявлениям благосклонности богов. Я остановился, сощурился, пытаюсь рассмотреть, что на этот раз является источником света, но расстояние оказалось слишком большим и понять можно было только то, что огонек стоит на месте и не двигается. От греха подальше я погасил свой фонарик. По мере приближения чуть дальше первого огонька загорелся второй, за ним третий, а потом появилась целая цепочка. Я уже подошел настолько близко, что увидел висящие на стене факелы, точно такие же, что и на первом ярусе. Факелы, горящие тысячелетиями. Галерея – сплошь черный мрамор с белыми крапинками. Мраморный пол, мраморные стены, мраморные колонны балкона по правую руку. Я подошел к краю и посмотрел вниз. Света едва хватало, чтобы увидеть пол находившегося под галереей зала.

– Ш-ш-ш-ш... – слышалось мне.

Я остановился и прислушался. Да, уши меня не обманули, в галерее раздавалось странное шипение. Осмотрелся, но источника звука поблизости не было, казалось, шипение раздается прямо в голове. Странно. Списав неожиданный звук на не в меру разыгравшееся воображение и перестав обращать на него внимание, я продолжил путь.

Еще шагов через сто мне стало казаться, что между «ш-ш-ш» начали проскакивать едва различимые слова, но, как я ни напрягал слух, смысла их понять так и не удалось. Может, это какие-то странные шутки строителей? Надырявили стен, пустили сквознячков, вот они и шипят, словно беззубые демоны, заболевшие почесухой, или змеи, которых переехала телега.

На мертвеца я наткнулся шагов через двадцать. Груда костей, вот и все, что осталось от человека. Хотя постойте, у человека не растут клыки из нижней челюсти. Как и скелет, едва не порубивший меня в капусту, этот был или эльфом, или орком, но, на мою счастливую звезду, костяк не собирался на меня нападать. Шипение к этому времени сменилось сплошным совершенно непонятным бормотанием, будто говоривший набил рот горячей кашей. Новый покойник поджидал меня через двадцать ярдов, а за последующие пять минут я насчитал двадцать шесть костяков, непонятно отчего умерших и непонятно как здесь оказавшихся. Бормотание теперь уже настойчиво стучалось в мое сознание, такое впечатление, что какой-то гад запихал мне в голову целый улей злых пчел, к тому же еще и умеющих произносить слова. Я смог выловить из нестройного гудения отдельные слова вроде «кровь», «смерть», «умри», «мозг» и в том же духе. Скажем так, я слышал не те слова, что могли меня обрадовать. Это бормотание и участвовавшие «находки» начинали меня заметно нервировать, призывали послать всех к Х'сан'кору и поискать обходной путь. Но никаких обходных путей на ближайший десяток лиг не предвиделось, и пришлось двигаться дальше, стараясь не обращать внимания на настойчиво звучащие в голове голоса. Не получалось, поberi меня тьма! Я запел незатейливую песенку, стараясь вытеснить голоса, но и это почти не принесло желаемого результата.

Следующий покойник несказанно меня удивил. Это были не старые кости, а вполне свежий труп. Готов прозакладывать душу, что этот парень еще несколько часов назад был жив, здоров и не предполагал умирать. Почему я так решил? Да потому что я видел его в Кротовьем замке вместе с Балистаном Паргайдом. Отсюда можно сделать вывод, что Лафреса со своими спутниками уже прошла по галерее и обогнала меня на несколько часов. Ловкая стерва! Прогрываешь забег, Гаррет!

Но хоть с этим мертвецом было все более-менее понятно. Даже тупому дуралисцу ясно, отчего помер этот парень. Он попросту несколько раз всадил себе ярд железа в грудь, то бишь покончил жизнь самоубийством. Рука до сих пор сжимала рукоять засевшего в груди кинжала. Хотя, с другой стороны, воина могли пришить его же оружием. Если же я прав и это самоубийство... Довольно странно сводить счеты с жизнью, особенно без веских на то причин, не находите? Ладно, это не мое дело.

Бормотание пульсировало в голове тупой болью, я морщился, скрипел зубами и никак не мог понять, что за напасть со мной приключилась. Объяснение появилось немного погодя, когда из полумрака, разлившегося между двумя факелами, на меня выскочила фигура и схватила вашего покорного слугу за отвороты куртки. Я даже испугаться как следует не успел.

Это был человек. Живой, но вот с головой у него были явные проблемы. Как говорит незабвенный Кли-кли, колпак у парня съехал основательно. Этот тоже был человеком Паргайда, пускай я раньше его и не видел. Волосы растрепаны, глаза, в которых плещется целый океан безумия, на выкате, челюсть трясется, руки вообще ходят ходуном.

– Ы-ы-ы-ы! Ты-ы-ы-ы! Спас-и-и-и-и! Зло! Там зло! Оно ждет! Ы-ы-ы-ы! Оно схватит меня! – Человек выл и нес полную околесицу.

Я попытался отцепить его руки от своей куртки, но не тут-то было – парень прицепился, словно голодный клещ.

– А-а-а! – завыл он. – Так ты из них! Ты тоже хочешь моей смерти?! Ы-ы-ы-ы!!!

Он стал подталкивать меня к балкону, я, естественно, принялся сопротивляться. Мы застыли друг перед другом, отчаянно борясь. Этот спятивший гад был, как стая облапошенных демонов. Я догадался боднуть его головой в нос. Парень от неожиданности ослабил хватку, я рванулся в сторону, закрутил его и оттолкнул. Видит Сагот, я и не думал, что так получится, но сумасшедший отшатнулся, сделал несколько шагов назад, замер на самом краю балкона, закачался, пытаясь сохранить равновесие, и с отчаянным криком рухнул вниз. Послышался удар. Я подбежал к краю и посмотрел вниз. Распростертое тело безумца лежало на полу, а под ним растекалось темное пятно крови. Мертв. Вот тьма! Один пыряет себя ножом, другой окончательно лишается разума. Какого здесь творится?

Еще пяток шагов, и шепот победным хором взвыл у меня в голове, заставив рухнуть на колени и сжать голову руками. Меня накрыла волна мерзости и вселенского ужаса. Я услышал не только слова. Разве могут слова так туманить сознание? Здесь было все – видения одно страшнее другого, запах разложившихся трупов, вкус могильных червей на языке, ощущения, словно копаешься в животе у покойника. Голоса требовали, звали к себе и пели песнь, заставляя выть от ужаса и гремящей боли. Все чувства перепутались, но все и вся кричало и жаждало моей смерти, призывало достать нож и всадить себе в горло. Песнь гремела, звучала и мягкими скользкими пальцами настойчиво теребила разум. С каждым словом, с каждым аккордом пробудившегося шепота все новые и новые ужасы проникали мне в уши, вставали перед глазами, ощущались на языке...

Теперь я понимал, что попал в залы Уснувшего Шепота, но сделать уже ничего не мог. Голоса оказались сильнее меня, и я медленно и неотвратно сходил с ума. Хотелось сделать несколько шагов и прыгнуть с балкона вниз, или разбить себе голову о стену, или взяться за нож. Сделать хоть что-нибудь, но прекратить *это*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.